

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1902.

№ 15.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Рѣчь при закрытіи курсовъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи. <i>Преподобнаго Стефана, Епископа Сумскаго</i>	139—142
Слово въ недѣлю девятую по Пятидесятницѣ. <i>Преподобнаго Стефана, Епископа Сумскаго</i>	143—154
Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій (продолженіе). <i>Протоіеря Т. Буткевича</i>	155—170
Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в. (продолженіе). <i>В. С—наго</i>	171—195
Библиографическая замѣтка о книгѣ: Въ странѣ священныхъ воспоминаній. <i>Л. В—ва</i>	196—202
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Русскій Оригенъ XIX вѣка. <i>Вл. С. Соловьевъ</i> (продолженіе). <i>Александра Никольскаго</i>	73—111
Святоотеческое ученіе о душѣ человѣка (продолженіе). <i>В. Давыденко</i>	112—120
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВОКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Правительственное распоряженіе о доведеніи до конца дѣла о прославленіи въ Бозѣ почившаго старца Серафима Саровскаго.—Высочайшія награды.—Благословеніе Святѣйшаго Синода.—Отъ Министра Финансовъ.—Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по мисіонерскимъ дѣламъ о состояніи раскола и сектантства въ епархіи и дѣятельности епархіальной миссіи за 1901 г. (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1902.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ; особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лннїи, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брепано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“ присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонида Багрецова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Августа 1902 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Р Ъ Ч Ь

Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго,

при закрытіи курсовъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи ¹⁾.

„Достопочтенные труженики на нивѣ народнаго просвѣщенія, возлюбленные братья и сестры о Господѣ!

Съ помощью Божіею вы благополучно и успѣшно окончили то дѣло, ради котораго собрались сюда. Благодаря руководству специалистовъ, приставленныхъ къ вамъ въ вашихъ занятіяхъ, благодаря обмѣну между собою собственными свѣдѣніями, добытыми ранѣе каждымъ изъ васъ путемъ личнаго опыта, вы обогатились теперь болѣе лучшими приѣмами и методами первоначальнаго обученія и воспитанія дѣтей, стали совершеннѣе въ избранномъ вами родѣ занятій. И вотъ, какъ добрые христіане, отходя во свояси, вы снова собрались въ тотъ храмъ, въ которомъ вы, по прибытіи сюда, просили себѣ у Подателя всѣхъ благъ *духа премудрости и разума*, просили *отверзти умъ* вашъ, *еже пріяти, уразумѣти и памятовати вся добрая и душеполезныя ученія*. Собрались уже для того, чтобы со страхомъ и трепетомъ припасть предъ величествомъ славы Божіей съ благодареніемъ за обильно изліяныя на васъ благодѣянія Божіи...

Нѣтъ сомнѣнія, что это благодареніе ваше Господу изольется отъ избытка чистаго сердца и потому примется Имъ, *яко кадила благовонное*.

¹⁾ Сказанная 24 іюля 1902 года въ церкви Харьковскаго Духовнаго Училища.

Но не одно кадило благовонное требуется отъ васъ Господу, благодарѣвшему вамъ. Нужно еще *всесоожженіе тучное*. Изліяніе добрыхъ чувствъ благодарнаго сердца предъ Господомъ есть только еще цвѣтъ добродѣтели благодаренія Господу. Правда, этотъ цвѣтъ пышный, благоуханный, какъ кадило благовонное. Но садовника радуютъ цвѣты плодовыхъ деревьевъ и растеній, какъ лишь залогъ добрыхъ плодовъ. Такъ и Вертоградарь Небесный, такъ и св. Церковь, созвавшая васъ сюда, ожидаютъ отъ васъ должныхъ плодовъ отъ приобрѣтенія вами улучшенныхъ приемовъ и методовъ вашей педагогической дѣятельности, ждуть отъ васъ усерднаго примѣненія на дѣлѣ этихъ приемовъ и методовъ, ждуть усердной вашей работы на нивѣ просвѣщенія. Глохнутъ лучшіе цвѣты въ сорной травѣ, губятъ ихъ морозы и другія невзгоды прихотливой погоды, вянутъ они на солнцѣ, если корни ихъ попадутъ на камень... Такъ глохнутъ и въ насъ наши лучшія познанія и умѣнія при чрезмѣрныхъ заботахъ житейскихъ, гибнутъ лучшія идеальныя стремленія къ полезной дѣятельности, если соединяются въ то же время съ усиленною погонею за матеріальными благами; губятъ ихъ также тревоженія и печали міра сего; палитъ ихъ знойное пламя страстей. Да не будетъ сего съ вами, возлюбленные братья и сестры о Господѣ! Мы уповаемъ, что сѣмена добрыхъ ученій, посѣяныя вашими руководителями, пали на добрую, вашими усиленными трудами хорошо обработанную, почву, и принесутъ плоды *ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же, по крайней мѣрѣ, тридцать*. Эти то плоды вашей педагогической дѣятельности и будутъ тѣмъ *всесоожженіемъ тучнымъ*, какое требуется отъ васъ Господу вмѣстѣ съ кадиломъ благовоннымъ, чтобы благодарность ваша не осталась однимъ пышнымъ пустоцвѣтомъ.

При вашемъ первомъ вступленіи въ храмъ сей, когда мы, смиренные служители Божіи, просили вамъ отъ Господа просвѣтить *сердца ваши къ пріятію наказанія добрыхъ* ученій, мы вмѣстѣ съ тѣмъ усердно просили Его всадить въ эти сердца ваши *страхъ свой Божественный, еже уклонитися отъ зла и творити благое, еже прествати премудростію и разумомъ,*

*и всѣми благими дѣлы во славу пресвятого Его имени, къ со-
зиданію и славу Церкви своея и къ наслѣдію вами царствія
небеснаго.*

Съ миромъ отпуская васъ на ваши дальнѣйшіе труды, мы, принося ваши благодаренія къ престолу величества славы Божьей, такъ же усердно, какъ и прежде, умоляемъ Господа *послушати гласъ моленія насъ недостойныхъ рабовъ своихъ и добрыя намѣренія и желанія ваши во благое исполнити* и избавити васъ *отъ всѣхъ сопротивленій видимыхъ и невидимыхъ враговъ*, даровати вамъ *безгрѣшное, со здравіемъ долгоденствіе и во всѣхъ добродѣтеляхъ преспѣваніе*, наипаче же преспѣваніе *въ любви къ Богу и искреннимъ своимъ, т. е. ближайшимъ образомъ къ вѣреннымъ вамъ дѣтямъ.*

Просили же мы и просимъ вамъ этого преспѣванія въ разумѣ и добродѣтели и въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, дабы вы не только развивали умъ своихъ питомцевъ своими улучшенными теперь уроками, но и примѣромъ своей христіанской благочестивой жизни, благотворно вліяли на ихъ сердца и волю, дабы давали имъ познанія и умѣнья, не только необходимыя для этой жизни, но и основанныя на собственныхъ опытахъ познанія воли Божіей, благой, угодной и совершенной, дабы вы собственнымъ стремленіемъ къ *единому на потребу* направили все существо ихъ къ единому истинному Богу и, Его же послалъ Онъ, Іисусу Христу, и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ вѣренными вамъ дѣтьми сдѣлались *наслѣдницы царствія Божія*, что по мысли св. матери нашей Церкви, которой вы служите, и составляетъ самую главную и высшую цѣль взысканія книжной премудрости, которую св. Церковь иначе и не признаетъ, какъ въ смыслѣ обученія, соединеннаго непременно съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ.

Наслѣдія этого царствія Божія со всѣми уготованными для возлюбившихъ Господа благами, которыхъ око человѣческое не видало, ухо человѣческое не слыхало и которыя на сердце человѣческое не восходили, путемъ избранной вами педагогической дѣятельности, отъ всего сердца своего и желаю вамъ,

возлюбленные братья и сестры о Господѣ, дорогіе соработники наши!

Итакъ, возблагодаримъ же Господа Бога, что Онъ, даровавъ вамъ *со устъхомъ познати* преподававшіяся вамъ добрыя и полезныя ученія, этимъ самымъ даровалъ вамъ болѣе средствъ къ выполненію вами своего высокаго призванія въ домостроительствѣ спасенія людей и, такимъ образомъ, ближе поставилъ васъ къ достиженію небеснаго своего царствія. Аминь!“

Епископъ Стефанъ.

С Л О В О

Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго,

въ недѣлю девятую по Пятидесятницѣ ¹⁾.

Возлюбленные братіе о Господѣ!

Въ послѣдній разъ вы собрались вмѣстѣ въ этомъ святомъ храмѣ, дабы вознести Господу свои благодаренія за приобрѣтеніе вами нужныхъ вамъ въ вашемъ высококомъ учительскомъ дѣлѣ свѣдѣній. Большая часть изъ васъ подъ руководствомъ опытныхъ и знающихъ людей знакомилась съ силами и законами природы. Ваши руководители съ усердіемъ преподавали вамъ уроки по изученію природы, а вы съ усердіемъ восприняли все то, что можно было воспринять въ такой короткій срокъ времени, который прошелъ со времени перваго нашего свиданія здѣсь съ вами. Но преподать вамъ заключительный и прощальный урокъ по той наукѣ, съ которою вы здѣсь главнымъ образомъ знакомились, т. е. по природовѣдѣнію, св. Церковь взяла на себя и преподала его въ нынѣ чтенномъ на литургіи евангеліи.

На первый разъ преподаанное вамъ въ этомъ евангеліи можетъ показаться противоположнымъ тому, что вы видѣли, слышали и усвоили на урокахъ природовѣдѣнія. Тамъ, на этихъ урокахъ, вы привыкли къ мысли о законмѣрности явленій природы, ихъ извѣстномъ взаимоотношеніи между собою, какъ достаточныхъ причинъ и необходимыхъ слѣдствій, ихъ подчинен-

¹⁾ Сказанное 4 августа 1902 года на литургіи въ церкви Харьковской Духовной Семинаріи, по случаю закрытія курсовъ для учителей второклассныхъ школъ средней и южной Россіи.

ности непреложнымъ законамъ природы. А св. Церковь въ заключеніе этихъ уроковъ вашихъ приводитъ вамъ фактъ, представляющій собою какъ бы исключеніе изъ этого общаго правила закономерности явленій природы, какъ бы нарушеніе ея естественныхъ законовъ,—фактъ хожденія по водамъ Господа нашего Иисуса Христа и Его Апостола. Ваша пытливая мысль, постоянно работавшая въ области точныхъ знаній, основанныхъ именно на неизмѣнности и непреложности законовъ природы,—такой неизмѣнности и непреложности, которая, повидимому, не допускаетъ рѣшительно никакихъ исключеній, готова, пожалуй, вмѣстѣ съ Ап. Томомъ сказать: *если не увижу закономерности этого факта въ ряду другихъ явленій природы, подчиненныхъ неизмѣннымъ законамъ, и не вложу руки моей, чтобы опытно убѣдиться въ этой закономерности, не повѣрю* (Іоан. 20, 25).

Да, на своихъ урокахъ вы не слышали ни о какихъ исключеніяхъ въ законахъ природы,—исключеніяхъ, которыми такъ полны несовершенныя произведенія ума человѣческаго. На своихъ практическихъ занятіяхъ вы не видѣли ни одного случая такого исключенія,—не видѣли, чтобы безъ достаточной причины произошло какое либо явленіе или чтобы оно не произошло при наличности этой достаточной причины. Поэтому при слышаніи о фактѣ, выходящемъ изъ ряда обычныхъ закономерныхъ явленій природы, подчиненныхъ непреложному закону причинности, до нѣкоторой степени понятенъ вопль пытливаго, но не злонамѣреннаго сомнѣнія: не повѣрю, если не увижу, не осяжу, если не подведу подъ общую закономерность непреложныхъ законовъ природы.

Христосъ, какъ вы слышали то на утреннемъ евангеліи сегодня, не отказалъ Томѣ наглядно и осязательно убѣдиться въ фактѣ его новой по воскресеніи, посмертной жизни и въ торжествѣ Его Божественнаго духа надъ смертною плотію, надъ законами мертвой матеріи.

И мы, служители Христовы, обязаны дать вамъ возможность убѣдиться въ закономерности, какъ предложеннаго вашему вниманію факта, такъ и другихъ подобныхъ ему, обычно называемыхъ *чудесами*, въ правѣ существованія этихъ чудесныхъ яв-

лений съ точки зрѣнія непреложности господствующаго въ мірѣ закона причинности.

Вмѣстѣ съ почтенными руководителями вашими по изученію природы мы готовы сказать вамъ:—нѣтъ въ мірѣ нарушенія естественныхъ законовъ, нѣтъ исключенія изъ причинной закономерности явленій. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ подчинялся этому богоустановленному порядку закономерности природы, гдѣ все опредѣлено мѣрой, вѣсомъ и числомъ (Іов. 38, 5; Ис. 40, 12; Пс. 146, 4). Онъ не нарушалъ установленныхъ законовъ природы. Но Онъ, когда то нужно было, господствовалъ надъ ними, подчинялъ законы мертвой матеріи власти своего Богочеловѣческаго духа, а такое подчиненіе матеріи духу, какъ увидимъ, не выводитъ производимыхъ явленій изъ разряда закономерныхъ.

Какъ сами вы имѣли многочисленные случаи убѣдиться, въ мірѣ господствуетъ строгое подчиненіе однихъ законовъ другимъ,—низшихъ силъ природы высшимъ. Пользуясь такимъ соотношеніемъ силъ природы, вы магнитную стрѣлку, всегда обращенную на сѣверъ, кускомъ магнита еще издали заставляете вопреки закону ея направленія обратиться на югъ; имъ же можете заставить висѣть въ воздухѣ кусокъ желѣза, какъ бы вопреки закону тяготѣнія. Нагрѣвая воздухъ, вы дѣлаете его легкимъ и, заключивъ въ непроницаемую оболочку, заставите его подняться высоко вверхъ и вмѣстѣ съ собою поднять даже и васъ самихъ. При соблюденіи нѣкоторыхъ условій вы свободно можете прикоснуться къ раскаленному или расплавленному металлу, видѣть чрезъ непроницаемую для глазъ преграду, слышать неуловимый ухомъ ростъ травы и т. д. Но во всемъ этомъ нѣтъ никакого нарушенія законовъ природы, никакого исключенія изъ общей закономерности. Здѣсь только подчиненіе однихъ законовъ другимъ, побѣда высшихъ силъ природы надъ низшими.

Если законы, управляющіе мертвой матеріей, при взаимномъ столкновеніи постоянно побѣждаются одни другими, то еще болѣе замѣтно это побѣжденіе однихъ законовъ другими при столкновеніи силъ міра неорганическаго съ силами міра органическаго. Уже законы, по которымъ развиваются ра-

стенія, удивительнымъ образомъ подчиняють себѣ законы мертвой матеріи. Заключение въ сѣмени какого-либо растенія сила заставляеть неорганическія тѣла вступать въ сложныя химическія соединенія, производить изумительныя физическіе и химическіе процессы и деспотически пользуется паличными силами мертвой матеріи, заставляя служить ихъ своимъ цѣлямъ—росту и плодоношенію. Тѣмъ болѣе наблюдается этой побѣды живой органической силы надъ неорганической матеріей въ царствѣ животныхъ. Эта сила изъ нѣсколькихъ немногихъ газовъ создаетъ здѣсь себѣ удивительный живой механизмъ, на сооруженіе и поддержаніе котораго она обращаетъ всѣ извѣстныя намъ силы мертвой матеріи и который первыми же произвольными движеніями побѣждаетъ законы тяготѣнія и инерціи. Человѣкъ, какъ высшее существо среди тѣлесныхъ тварей, по истинѣ является царемъ природы; съ быстротою вѣтра несется онъ на крыльяхъ пара по сушѣ и водѣ и готовъ уже на облакахъ устроить шествіе свое; грозную и все сокрушающую молнію заставляеть передавать свои мысли и слабый голосъ свой по всему громадному пространству земли, заставляеть ее освѣщать свои дома, работать за него на его рабочихъ станкахъ, впрягаться въ его экипажи; глазами своими проникаеть въ безбрежный океанъ мірового пространства или въ строеніе невидимыхъ мельчайшихъ существъ; ухомъ подслушиваетъ прозябаніе травы и далекой говоръ людей; сидя у себя дома можетъ услаждать зрѣніе свое разными далекими отъ себя происшествіями, слухъ—пѣніемъ далекихъ артистовъ; неуловимые и безслѣдно расплывающіеся въ воздухѣ звуки музыки и пѣнія заключать, подобно вещественнымъ сокровищамъ въ сосудѣ, дабы по желанію извлекать ихъ отсюда и наслаждаться ими. Не говоримъ уже о власти человѣка надъ тѣмъ кускомъ мертвой матеріи и силъ, въ ней заключающихся, который составляетъ тѣло человѣка. Какимъ вѣрнымъ слугою человѣческаго духа является этотъ кусокъ матеріи, составляющій его тѣло! Какой самой изумительной работы оно для него не производитъ. И какъ состоянія духа то повышаютъ силы этой матеріи, то понижаютъ; то заставляють трепетать всѣ фибры ея, то даже (при аффектахъ) моментально обращаютъ

его въ первобытное состояніе мертвой матеріи, тѣ же самыя наличныя силы которой уже не въ состояніи удержать его отъ разложенія въ прахъ, развѣваемый вѣтромъ!

Итакъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что человѣкъ, пользуясь силами природы, можетъ обращать ихъ на служеніе себѣ не только въ предѣлахъ своего организма, но и внѣ себя. Въ этомъ пользованіи онъ можетъ устранять дѣйствіе однихъ силъ и выдвигать другія силы и, направляя ихъ къ извѣстной цѣли, видоизмѣнять обычный *естественный* порядокъ природы и придавать для непосвященнаго въ это взаимоотношеніе силъ и законовъ какъ бы *сверхъестественное* имъ теченіе. И то, что назадъ тому нѣскольکو лѣтъ показалось бы невозможнымъ чудомъ—телеграфы, телефоны, локомотивы, граммофоны и микрофоны и. т. д., то для насъ теперь обычное явленіе, не вызывающее никакого удивленія. И гдѣ границы побѣдоносной власти человѣческаго духа надъ мертвой матеріей и ея силами?!

Но что же это за сила въ человѣческомъ духѣ, которая подчиняетъ себѣ силы матеріи? Сила эта *воля* человѣка. И какъ показываютъ точныя наблюденія, эта сила направляется отъ духа человѣческаго къ матеріи по двумъ направленіямъ. Одно направленіе этой силѣ даетъ умъ. Богоподобный умъ человѣка способенъ не только проникать въ таинственную лабораторію природы и наблюдать дѣйствіе ея силъ въ ихъ натуральномъ видѣ, но по своему усмотрѣнію комбинировать эти мертвыя силы и давать имъ такое сочетаніе, какое ему нужно—для осуществленія своихъ цѣлей. Развивая болѣе и болѣе свой умъ, человѣкъ такимъ образомъ приобрѣтаетъ болѣе и болѣе власти надъ природою.

Другое направленіе воля человѣка получаетъ отъ *чувства*. Всякое чувство сообщаетъ волѣ ту или другую силу. А повышенная или пониженная эвергія воли повышаетъ или понижаетъ наличныя матеріальныя силы нашего тѣла. Подъ страхомъ опасности силы человѣка удивительнымъ образомъ удвояются и утраиваются; при ужасѣ, наоборотъ, совершенно парализуются. Радость, хорошее настроеніе духа благотворно дѣйствуютъ на силы человѣка, а печаль, уныніе, тоска, зависть съѣдаютъ ихъ. Кому неизвѣстно, на какіе подвиги способна

воодушевить мать ея любовь къ ребенку, воина его любовь къ отечеству, ученаго любовь къ наукѣ? Но никакое чувство не можетъ сообщить волѣ такой силы, какъ чувство религіозное. Одушевленная этимъ чувствомъ наша воля еще болѣе господственно можетъ распоряжаться силами своего организма. Какіе изумительные подвиги поста, воздержанія, борьбы со страстями, веутомимости въ молитвѣ совершались людьми, одушевленными сильвымъ религіознымъ чувствомъ, при самыхъ слабыхъ наличныхъ физическихъ силахъ!

Но главное—въ этомъ случаѣ воля человѣка изъ сферы наличныхъ силъ своего организма свободно можетъ переходить вообще на силы природы, властно распоряжаться ими, побуждать ихъ обычное теченіе, сообщать имъ новое направленіе. Таковою силою воли, одушевленной истиннымъ высокимъ религіознымъ чувствомъ, одинъ жезломъ своимъ раздѣляетъ море и опять соединяетъ его, другой словомъ своимъ останавливаетъ на горизонтѣ солнце, третій низводитъ огонь съ неба, заключаетъ и отверзаетъ небесныя облака; одинъ заграждаетъ устья львовъ, другіе угашаютъ силу огня; одни исцѣляютъ словомъ или прикосновеніемъ больныхъ, другіе воскрешали мертвыхъ. По свидѣтельству людей, опытно знавшихъ силу воли, водимой наивысшимъ подъемомъ религіознаго чувства (св. Исаакъ Сир.), таковая воля можетъ творить, подобно волѣ Божіей, даже и изъ несущаго (Сл. 49 и 25). Къ этому то виду власти человѣка надъ силами природы относится и фактъ, повѣствуемый пынѣшнимъ евангельскимъ чтеніемъ—фактъ хожденія Господа и Его Апостола по хребту волнъ разъяреннаго моря, какъ и всѣ другія Его чудеса.

Въ томъ и другомъ случаѣ въ концѣ концовъ послѣдняя причина всѣхъ явленій природы, выходящихъ по волѣ человѣка изъ русла обычнаго ихъ направленія, сводится именно къ этому духовному, не матеріальному началу—волѣ человѣка. Намъ обычно кажется болѣе очевидною закономѣрность, какого либо физическаго явленія, если оно не непосредственно зависитъ отъ воли, а посредствуется болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ другихъ физическихъ же явленій. Но силою вещей и логики мы должны признать закономѣрнымъ всякое

явленіе, если оно есть *постоянный* результатъ предшествующаго дѣйствія, повтореніе котораго обязательно вызываетъ то же самое явленіе, будетъ ли оно зависѣть непосредственно отъ воли человѣка, или будетъ посредствоваться другими явленіями. Поэтому, чтобы показать очевиднымъ образомъ законѣрность чудесъ, мы должны лишь указать условія, при наличности которыхъ они *постоянно* наступаютъ какъ слѣдствіе отъ причины.

Есть ли такія условія у чудесныхъ явленій? Нынѣшнее евангельское чтеніе въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ фактъ хожденія Господа и ап. Петра по волнамъ, и даетъ намъ прекрасный урокъ о такихъ именно условіяхъ, чѣмъ и составляетъ повѣствуемый фактъ въ рядъ законѣрныхъ, а слѣдовательно и естественныхъ явленій.

Какія же это условія?

Это прежде всего *молитва*. Христосъ Спаситель вечеръ и большую часть ночи провелъ въ уединенной и слѣдовательно наиболѣе сосредоточенной молитвѣ къ Отцу Своему небесному. Молитва явная или тайная (Іоан. II, 41—2) предшествовала и другимъ Его чудесамъ; равно предшествовала она и чудесамъ святыхъ Божіихъ людей. *Илія былъ человекъ подобный намъ, и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землю три года и шесть мѣсяцевъ. И опять помолился: и небо дало дождь, и земля произрастила плоды свои* (Іак. 5, 17—8). Какимъ образомъ молитва можетъ имѣть значеніе въ дѣлѣ господства надъ силами природы? Молитва есть общеніе, единеніе съ Богомъ. А какъ Богъ есть всемогущій Творецъ и Повелитель природы, Который волею Своею побѣждаетъ естества уставы и *творитъ елика хочетъ*, то человѣкъ, истинно молящійся, чрезъ молитвенное общеніе съ Богомъ, уподобляется Творцу своему, и до извѣстной степени воспринимаетъ Его неизреченныя свойства и совершенства, а въ томъ числѣ и могущество, почему властно побѣждаетъ естества чинъ и распоряжается силами природы. Не даромъ говорятъ: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, каковъ ты“.

Но молитва не сама по себѣ сообщаетъ могущественную силу волѣ человѣка: она лишь подготавливаетъ его къ тому повышенному настроенію духа, которое пропорціональ-

но этой повышенности и сообщаетъ волѣ чудную духовную силу властно распоряжаться направлениемъ матеріальныхъ силъ природы. Это повышенное настроеніе духа производится въ человѣкѣ твердою, несомнѣнною, горячею *вѣрою*. Нечего говорить, что Христось Спаситель, какъ человѣкъ, въ высшей мѣрѣ обладалъ такою вѣрою, а потому постоянно возвышенно настроенный духъ Его всегда властно господствовалъ надъ силами природы и ихъ направлениемъ. Его хожденіе по водамъ и есть одинъ изъ примѣровъ такого идеальнаго господства надъ природою. Хожденіе же по водѣ, какъ посуху, апостола Петра, представляетъ примѣръ власти вѣры колеблющейся въ своей силѣ. Пока ап. Петръ имѣлъ твердую вѣру, то произведенное ею повышенное настроеніе духа вывело тѣло апостола изъ обычныхъ законовъ тяжести и сдѣлало его столь легкимъ, что оно могло держаться на поверхности воды такъ же удобно, какъ и на твердой почвѣ. Но анализъ своего положенія и окружающихъ его условій вывелъ апостола изъ его возвышеннаго настроенія, и по мѣрѣ ниспаденія его изъ этого настроенія, побѣжденные его вѣрою силы природы вновь приняли обычное направленіе: законъ тяжести, уже не побѣждаемый высшею силою, вступилъ въ свои законныя права, и апостоль началъ тонуть среди волнъ разъяреннаго моря. Но не только законы и сила водной стихіи подчинены такимъ образомъ твердой несомнѣнной вѣрѣ, но и вообще всѣ силы матеріальнаго міра. *Истинно говорю вамъ, сказалъ Самъ Христось: если вы будете илтиъ вѣру съ горчишное зерно и скажете гору сей: перейди отсюда туда, и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ (Мѡ. 17, 20). Все возможно вѣрующему (Мрк. 9, 23). Вѣрующій въ Меня, дѣла которыя творю Я, и онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ (Іоан. 14, 12).*

Если же кто спросить, почему же вѣра имѣетъ такое побѣждающее свойство надъ всѣми силами и законами вещественной природы? Того мы спросимъ: а почему сила магнита заставляетъ висѣть въ воздухѣ кусокъ желѣза и въ мѣру своей силы побѣждаетъ законъ тяготѣнія? Почему холодъ имѣетъ силу обращать воду въ ледъ и побѣждать так. образомъ зако-

ны ея жидкаго состоянія? Почему живая сила сѣмени претворяетъ неорганическую природу въ органическую и почему изъ одной и той же почвы эта сила извлекаетъ столь различные по цвѣту, вкусу, запаху и другимъ свойствамъ цвѣты и плоды? Почему изъ одного сѣмени вырастаетъ вкусная полезная ягода, а рядомъ съ нею изъ другого сѣмени ядовитый мухоморъ? Почему изъ одного сѣмени вырастаетъ могучее дерево, а изъ другого жалкій злакъ? Это все, скажете, тайны природы, которыхъ мы пока еще не знаемъ. Однако эти непостижимыя тайны никому не препятствуютъ признавать то, что происходитъ въ результатѣ таинственнаго соотношенія силъ мертвой матеріи между собою, или же силъ мертвой матеріи съ живыми органическими силами, за явленія закономерныя и естественныя на томъ основаніи, что такое соотношение при извѣстныхъ условіяхъ мы *постоянно* наблюдаемъ на опытѣ. Такъ и связь законовъ міра нравственнаго и фізическаго и подчиненіе послѣднихъ первымъ есть также пока неразгаданная никѣмъ тайна, но эта связь несомнѣнно существуетъ и ея результаты наблюдали также на опытѣ тѣ, которые *вторю побѣждали царства, творили правду, получили обтованія, заграждали уста львовъ, угадали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись въ немощи, были крѣпки на войнѣ, прогоняли полки чужихъ; жены получали умершихъ своихъ воскресшими* (Евр. 11, 33—5). И почему же, когда болѣзненное настроеніе духа дѣлаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣлесную оболочку его столь легкою, что она лишается силы тяжести и потому какъ тѣнь скользитъ по краю недоступныхъ при нормальныхъ условіяхъ ея вѣса карнизовъ и выступовъ, скользитъ по тѣламъ другихъ людей безъ причиненія имъ давленія, то это явленіе считается хотя и не объясненнымъ, но естественнымъ, закономернымъ, а если такое состояніе легкости (левитаціи) организма человѣкъ получаетъ въ *нормальномъ* состояніи повышеннаго религіознаго настроенія духа, то оно и не закономерно и не естественно?

Но обратимся къ дальнѣйшимъ условіямъ вліянія духа на силы природы. Христосъ пошелъ по водамъ, дабы помочь своимъ ученикамъ, бѣдствовавшимъ въ плаваніи (Мрк. 6, 48). Слѣдовательно

Имъ руководила въ данномъ случаѣ любовь къ ученикамъ. Равно и всѣ другія чудеса Христа Спасителя были вызываемы именно Его любовію къ ближнимъ. Такъ Онъ претворилъ воду въ вино, насыщалъ тысячи людей малымъ числомъ хлѣбовъ, исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ—исключительно изъ любви, изъ состраданія къ тѣмъ, кого благоволилъ назвать своими братьями. Но ни для утоленія собственнаго голода, ни для облегченія Себя въ чрезвычайныхъ трудахъ благовѣстія, ни для суетнаго тщеславія, ни для, наконецъ, удовлетворенія празднаго любопытства толпы Онъ никогда не творилъ чудесъ. Такимъ образомъ какъ молитва предшествуетъ вѣрѣ, творящей чудеса, такъ любовь обыкновенно сопровождаетъ ее.

Итакъ, вотъ условія воздѣйствія на силы природы воли человѣка, возбуждаемой религіознымъ чувствомъ,—воздѣйствія, которое можно назвать нравственнымъ: горячая, усердная *молитва*, которая дѣлаетъ способнымъ духъ человѣка къ возвышенному настроенію могущественной вѣры, твердая, несомнѣнная *вѣра*, какъ это самое настроеніе, возвышающее человѣка надъ всѣми силами мертвой матеріи, подчиняющее ихъ волѣ человѣка, какъ высшей для нихъ силѣ, и наконецъ *любовь* къ ближнимъ или къ Богу, которая даетъ направленіе этой могущественной духовной силѣ въ ту или другую сторону, къ достиженію той или другой цѣли. Наличие этихъ условій также *постоянно* сопровождается властію духа надъ силами природы, въ мѣру подъема энергіи духа, а потому и явленія, производимыя этою властію, какъ необходимыя слѣдствія известной причины, обязательно должны считаться, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ природы, закономѣрными и естественными. Неестественными же, или чудесными дѣлаетъ ихъ для насъ сравнительно рѣдкая ихъ наблюдаемость. Но эта рѣдкость наблюдаемости зависитъ отъ рѣдкости сочетанія необходимыхъ для ихъ произведенія условій, ибо это сочетаніе требуетъ тѣхъ степеней нравственной высоты и святости, какія въ нашемъ лукавомъ и прелюбодѣйномъ родѣ (Мѡ. 12, 39) дѣйствительно составляютъ рѣдкость¹⁾. Между тѣмъ какъ ум-

¹⁾ „Какъ изъ многихъ тысячъ“, говоритъ св. Исаакъ Сир. „едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и все законное и достигшій душевной чистоты; такъ

ственное развитіе, какъ болѣе легкое, есть явленіе обыкновенное, а потому и власть ума человѣческаго надъ природою не вызываетъ удивленія, хотя она въ концѣ концовъ также непостижима въ сущности своей, какъ и власть высокихъ чувствъ, власть воли святой. Но какъ жалко невѣріе тупого человѣка въ могущество ума человѣческаго, какъ прискорбно невѣжество человѣка, объясняющаго, на примѣръ, дѣйствіе локомотива вліяніемъ нечистой силы; такъ же жалко сомнѣніе въ могущество святой воли человѣка, прискорбно невѣжество относительно условій обладанія міромъ этою святою волею.

Такъ вотъ каковъ урокъ по природовѣдѣнію даетъ вамъ нынѣшнее евангельское чтеніе. На классныхъ урокахъ природовѣдѣнія вы учились господствовать надъ природою силою воли, направляемой умомъ человѣческимъ, силою равно доступною и добрымъ и злымъ людямъ, одинаково могущею быть направленною и къ хорошимъ и къ дурнымъ дѣламъ и одинаково водимой какъ самоотверженною любовью къ ближнимъ, такъ и самымъ черствымъ эгоизмомъ. Евангельское же чтеніе представляетъ примѣръ господства надъ природою воли, направляемой религіознымъ чувствомъ, то есть, воли святой,—очищенной молитвою, возвышенной вѣрою и одушевленной любовью. То господство есть слѣдствіе напечатлѣннаго въ насъ отъ рожденія образа Божія, это же есть слѣдствіе приобрѣтеннаго нами самими подобія Божія. То имѣетъ цѣну только въ жизни настоящей, служа ея радостямъ и удобствамъ; это имѣетъ цѣну не только въ настоящей, но существенно необходимо для жизни и будущей, гдѣ та или другая степень власти надъ силами воскресшаго тѣла своего и силами обновленной природы послужитъ источникомъ вѣчнаго блаженства. Идеаломъ для человѣка должно бы служить сочетаніе въ себѣ одновременно той и другой власти надъ природою. Но только въ Богѣ идеально соединяется та и другая власть, какъ слѣдствіе Его высочайшей премудрости и совершенной святости. Мы же, стараясь о приобрѣтеніи господства надъ природою силою ума, должны по-

изъ тысячи (этихъ) найдется развѣ одинъ, при великой осторожности сподобившійся достигнуть чистой молитвы, а достигшій того таинства, которое уже за сею молитвою, едва, по благодати Божіей, находится изъ рода въ родъ" (Сл. 16-е).

мнить, что власть надъ міромъ святой воли выше и важнѣе, и если нельзя достигнуть той и другой вмѣстѣ, то нужно первѣе всего заботиться о достиженіи именно послѣдней.

Стремитесь же, возлюбленные братіе, и изучавшіе и не изучавшіе законы и силы природы, къ развитію въ себѣ святой воли чрезъ усердную горячую молитву, твердую несомнѣнную вѣру и искреннюю любовь къ Богу и ближнимъ—и вы будете побѣждать этою силою слѣпя силы природы въ себѣ самихъ и окружающемъ мірѣ такъ же легко, какъ легко побѣждаются эти слѣпя силы слѣпыми же, но высшими ихъ. Этимъ самымъ вы будете приближаться къ всесвятому всемогуществу Божию, а слѣдовательно и къ Его вседовольству и всеблаженству—цѣли нашего будущаго вѣчнаго бытія. Если бы вы и не достигли послѣднихъ высотъ таковой власти во всемъ великомъ космосѣ, то во всякомъ случаѣ при добромъ усердіи вы достигнете полной власти въ маломъ космосѣ—въ самихъ себѣ и силы этого космоса подчините нравственнымъ цѣлямъ своего бытія. Учитесь сами этой наукѣ изъ наукъ и учите ей ввѣренныхъ вамъ дѣтей первѣе и главнѣе всего. И это будетъ такимъ гласомъ благодарной хвалы вашей Богу, который пройдетъ небеса и низведетъ на васъ оттуда обильное благословеніе Божіе. Аминь!

Епископъ Стефанъ.

Высокопреосвященный Амвросій Архієпископъ Харьковскій.

(Продолженіе *).

Въ 1883 году было особенно много уволено начальствующихъ лицъ по епархіальному и духовно-учебному управленію въ харьковской епархіи. Эти перемѣны начальствующихъ лицъ причивили много труда и хлопотъ преосвященному Амвросію. Началось съ купянскаго духовнаго училища. Бывшій помощникъ смотрителя этого училища въ январѣ мѣсяцѣ, выслуживъ пенсію, по прошенію, вышелъ въ отставку. На его мѣсто, по представленію владыки, былъ опредѣленъ изъ учителей священникъ І. Левандовскій (13 января).

20-го февраля умерла игуменія Хорошевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря Олимпіада. Обязанность игуменіи владыка временно возложилъ на монахиню Евпраксію, которая 22-го апрѣля и была утверждена Св. Синодомъ въ этой должности.

23-го марта секретарь харьковской духовной консисторіи С. Ольшевскій, по прошенію, былъ переведенъ Св. Синодомъ на должность секретаря кievской духовной консисторіи. Преосвященный Амвросій, желавшій чтобы эта должность находилась въ рукахъ человѣка опытнаго и образованнаго, предложилъ занять ее преподавателю и секретарю правленія мѣстной духовной семинаріи И. М. Вещурову, который много лѣтъ аккуратно велъ семинарское дѣлопроизводство и лично былъ извѣстенъ преосвященному съ самой лучшей стороны. Вещуровъ изъявилъ согласіе и, по ходатайству преосвященнаго Амвросія, 23-го апрѣля былъ утвержденъ Св. Синодомъ въ должности секретаря харьковской духовной консисторіи.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 14.

Въ мартѣ мѣсяцѣ одна вдова подала жалобу г. Оберъ-Прокурору Св. Синода на безпорядки, происходившія въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Дѣло приняло такой оборотъ, что начальница училища А. В. К—нъ увидѣла себя вынужденною 22-го апрѣля подать прошеніе объ увольненіи ея отъ должности. На ея прошеніи преосвященный Амвросій положилъ такую резолюцію: „Предлагаю Совѣту епархіальнаго женскаго училища 1) г-жу К—нъ отъ исполненія обязанностей начальницы училища освободить; 2) исправленіе должности начальницы временно поручить старшей воспитательницѣ Евдокіи Поповой и 3) на должность начальницы представить кандидатку“. Впрочемъ 24-го апрѣля на журналѣ Совѣта онъ написалъ: „Представленіемъ кандидатки не спѣшить“. Въ это время онъ уже самъ рѣшилъ поискать такую кандидатку среди классныхъ дамъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ. Въ виду этого онъ охотно согласился на приглашеніе служить въ институтской церкви въ день выпуска воспитанницъ. Выборъ его палъ на классную даму Е. Н. Гейцыгъ, о которой ему дали самый лестный отзывъ начальница института и инспекторъ. Избранная однако же согласилась не сразу. Но инспекторъ и начальница института убѣдили ее дать согласіе. Совѣтъ училища избралъ ее единогласно. 15-го іюня владыка отправилъ въ Св. Синодъ свое ходатайство объ ея утвержденіи, а 5-го августа былъ полученъ указъ Св. Синода, что, согласно его представленію, дѣвица дворянка Евгенія Гейцыгъ утверждена въ должности начальницы харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ мѣстной духовной семинаріи были обнаружены непорядки. По разслѣдованію дѣла, вся вина пала на ректора протоіерея М. Р—скаго, который отличался неровностію характера и совершенно устранилъ инспекцію отъ надзора за семинаристами. Вслѣдствіе этого 25-го апрѣля состоялось постановленіе Св. Синода о перемѣщеніи его въ Екатеринославскую семинарію, а на его мѣсто, по ходатайству преосвященнаго Амвросія, основанному на рекомендаціи извѣстнаго профессора московской духовной академіи В. Д. Кудрявцева-Платонова, былъ назначенъ секретарь московской

академіи, магистръ богословія Іоаннъ Кратировъ съ возведеніемъ его въ санъ протоіерея.

Наконецъ, оставался не разрѣшеннымъ еще одинъ вопросъ: о назначеніи предсѣдателя совѣта епархіальнаго женскаго училища. Еще въ 1882 году Св. Синодъ предложилъ харьковскому преосвященному Іустину назначить на должность предсѣдателя Совѣта епархіальнаго женскаго училища протоіерея или священника съ академическимъ образованіемъ. Преосвященный Іустинъ предложилъ эту должность двумъ харьковскимъ протоіереямъ—Л—ву и С—ву; но оба отказались. Послѣ этого скоро самъ преосвященный Іустинъ былъ перемѣщенъ въ Подольскую епархію и дѣло о назначеніи предсѣдателя Совѣта епархіальнаго училища осталось въ числѣ нерѣшенныхъ, о чемъ онъ писалъ въ Москву и своему преемнику преосвященному Амвросію. 26-го августа 1883 г. консисторія представила владыкѣ докладъ о необходимости назначить предсѣдателя Совѣта училища во исполненіе синодальнаго указа. Преосвященный Амвросій вызвалъ меня къ себѣ и предложилъ мнѣ эту должность. Я долго отказывался, ссылаясь на свою молодость и совершенное незнакомство съ дѣломъ. Но у владыки уже были готовы всѣ доводы противъ моего отказа,—и я былъ назначенъ.

Въ теченіе 1883 года преосвященный Амвросій работалъ чрезвычайно много. Онъ иногда шутилъ самъ надъ собою, говоря: „Я—архіерей дѣловой; всѣ пять архіерейскихъ резолюцій: „въ консисторію“, „смотрено“, „исполнить“, „утверждается“ и „разрѣшается“ на память знаю и мнѣ остается только угадывать, на какомъ дѣлѣ какую поставитъ“. Но въ дѣйствительности онъ рѣшалъ дѣла—особенно консисторскія—съ необычайною тщательностію и вниманіемъ; въ резолюціяхъ своихъ онъ подробно выписывалъ и самые мотивы, которые побуждали его рѣшить дѣло такъ, а не иначе, онъ обращалъ вниманіе на число подписей консисторскихъ членовъ, писцамъ исправлялъ ихъ грамматическія ошибки, а столоначальникамъ напоминалъ о томъ, чему ихъ нѣкогда училъ преподаватель словесности. Выписываю нѣсколько его резолюцій. 28-го апрѣля: „Перевестъ на означенное мѣсто священника Чернивецкаго.

Консисторіи. Предлагаю консисторіи во всѣхъ бумагахъ вмѣсто: „столько-то *душъ*“ (напр., дѣтей) писать: „столько-то *человѣкъ*“—по слѣдующимъ причинамъ. Человѣкъ стаповится одною душею только послѣ разлученія съ тѣломъ, а до того времени онъ—*человѣкъ*. Употреблялось слово *душа* о человѣкѣ во время крѣпостной зависимости, но употреблялось такъ же неправильно и нинѣ продолжать это употребленіе—не желательно. Исключеніе можно дѣлать только въ одновременномъ обозначеніи людей разныхъ половъ, гдѣ словомъ *мужъ* какъ бы дополняется понятіе о человѣкѣ“.—26-го мая. „Этотъ журналъ консисторіи не можетъ быть мною утвержденъ, такъ какъ онъ подписанъ только двумя членами“. 10-го марта: „Постановленіе консисторіи утверждается, но съ тѣмъ, чтобы священнику Д—скому сдѣлалъ былъ выговоръ, безъ внесенія, впрочемъ, въ послужной списокъ, *именно за вымогательство*, не доказанное по слѣдствію, но очевидное по здравому смыслу; такъ какъ неестественно, чтобы бѣдный работникъ самъ предложилъ пять рублей за ничтожный трудъ—составленіе предбрачнаго свидѣтельства“. 14-го марта: „Утверждается; но на будущее время предлагаю статьи журнала располагать правильнѣе: не смѣшивать свидѣствованія суммъ съ расходомъ и не утверждать въ постановленіи того, чего не было въ предложеніяхъ“. Такого рода резолюцій было дано очень много.

Трудовъ и безпокойства гладыка прибавилъ себѣ чрезвычайно тѣмъ, что по своей добротѣ, а отчасти и по нуждѣ, онъ щедро давалъ священническія мѣста діаконамъ, а діаконскія—псаломщикамъ; а если не было свободныхъ діаконскихъ мѣстъ посвящалъ псаломщиковъ во діакона съ оставленіемъ ихъ на мѣстахъ псаломщиковъ. Вслѣдствіе этого у него ежедневно бывало множество просителей и ходатаевъ; прошеніями его закидывали. Скоро овъ и самъ это почувствовалъ, какъ свидѣлствуютъ многія его резолюціи. Такъ онъ пишетъ 5-го сентября: „Прошенія о посвященіи и. д. псаломщиковъ до крайности умножились. При томъ стали просить объ этомъ какъ награды за исправное чтеніе и пѣніе (какъ здѣсь), что не представляетъ особенныхъ заслугъ и способности. Оставить это прошеніе безъ послѣдствій“. 7-го октября на рапортѣ бла-

гочиннаго 2-го купянскаго округа о рукоположеніи одного причетника въ санъ діакона: „Отложить до будущаго года. Въ текущемъ году слишкомъ много было подобныхъ ходатайствъ, такъ что чуть не всѣхъ псаломщиковъ епархіи приходится посвящать во діакона“. Чтобы сдержатъ наплывъ искателей священническихъ и діаконскихъ мѣстъ, и чтобы избирать изъ нихъ болѣе достойныхъ, преосвященнымъ Амвросіемъ была учреждена даже особая экзаменская комиссія; но и это не помогло дѣлу.

Съ не меньшимъ вниманіемъ относился преосвященный Амвросій въ этомъ году къ изданію Епархіальныхъ Вѣдомостей. Онъ былъ по истинѣ душою этого дѣла. Изданіе получило болѣе литературный характеръ, чѣмъ офиціальныи. Самъ владыка „на зубокъ“ своему новому дѣтищу подарилъ свое „Пастырское слово къ духовенству харьковской епархіи“ о благоговѣйномъ прохожденіи служенія Церкви Божіей. Это слово и явилось въ видѣ первой статьи новаго изданія. Вообще же преосвященному Амвросію хотѣлось, чтобы его Епархіальныя Вѣдомости носили характеръ дня, разрабатывали вопросы, волновавшіе общество, и освѣщали событія въ духѣ Православной Церкви. Съ этою цѣлію онъ самъ помѣстилъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Ложныя мысли, бродящія въ нашемъ образованномъ обществѣ“. Статьи эти подписаны одною буквою „А“. Сочиненія на общія темы не были принимаемы имъ для напечатанія. Темы для статей онъ большею частію самъ давалъ своимъ сотрудникамъ. Одинъ разъ мнѣ была дана такая тема даже по указу консисторіи (имѣю въ виду свою статью „По поводу газетныхъ извѣстій о распространеніи раскола въ с. Козачьей Лопани“). Въ то время уже былъ поднятъ вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ. Либералы пришли въ ужасъ отъ самой мысли объ этихъ школахъ и забили въ набатъ. На духовенство посыпались нападки со всѣхъ сторонъ отъ этой клики. Каждый номеръ живдующихъ газетъ дышалъ непримерною враждебностію къ православной церкви. Преосвященный Амвросій не могъ оставаться равнодушнымъ къ этому. По его указанію мною были написаны двѣ статьи для его Епархіальныхъ Вѣдомостей—

„Народная школа и духовенство (по поводу нападокъ на духовенство и его правоспособность въ дѣлѣ веденія начальнаго народнаго обученія)“ и „Невинные изгнанники (Эпизодъ изъ исторіи народныхъ училищъ)“. Обѣ эти статьи составлены по документамъ, хранящимся въ архивѣ харьковской духовной консисторіи. Они были не только прочитаны, но и подвергнуты строгой критикѣ преосвященнаго Амвросія, прежде чѣмъ попали въ печать. Но за то онъ, кажется, больше меня былъ доволенъ, когда эти статьи были отмѣчены и удостоены добраго отзыва какъ со стороны благомыслящей печати, такъ и нѣкоторыхъ петербургскихъ читателей нашего изданія. Одинъ изъ таковыхъ отзывовъ объ этихъ статьяхъ, по распоряженію преосвященнаго Амвросія, былъ помѣщенъ редакціею даже на страницахъ самыхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (см. стр. 405—406).

Владыка внимательно слѣдилъ не только за явленіями общественной жизни въ Россіи, но и за границею, особенно— въ земляхъ славянскихъ. Неповятная, бессмысленная враждебность къ Россіи со стороны тогдашнихъ правителей Болгаріи крайне возмущала его. Болгары, преданные Россіи, подвергались открытому гоненію. Россія не вмѣшивалась въ дѣла освобожденнаго ею народа. Напрасно несчастный народъ обращалъ къ ней свои взоры. „Жарьтесь въ своемъ собственномъ соку“, вотъ что было сказано ему въ отвѣтъ. Но особенно возмутительно было поступлено тогда съ преданнымъ Россіи болгарскимъ митрополитомъ Мелетіемъ. Онъ былъ лишенъ своей кафедры и заточенъ въ глухой Рыльскій монастырь за то только, что онъ любилъ Россію. Мелетій обратился къ преосвященному Амвросію и прислалъ ему всѣ подлинныя документы своего дѣла. Преосвященный Амвросій писалъ о немъ въ Петербургъ; но въ то время ничего нельзя было сдѣлать въ его пользу. Оставалось только на память потомству опубликовать его дѣло въ печати.

— „Вы вѣдь знаете болгарскій языкъ?“ спросилъ меня владыка.

— „Знаю, ваше преосвященство“, отвѣтилъ я.

— „Напишите, статью въ которой, „не мудрствуя лукаво“,

изложите просто дѣло Мелетія по документамъ: оно говоритъ краснорѣчиво само за себя“.

Я написалъ. Статья подъ заглавіемъ „Дѣло бывшаго Софійскаго митрополита, высокопреосвященнѣйшаго Мелетія“ была напечатана. Послѣ ея напечатанія спустя мѣсяць я былъ по какому то дѣлу у владыки.

— „Вы получили свой гонораръ за статью о Мелетіѣ?“ спросилъ онъ меня.

— „Нѣтъ, еще не получалъ“, отвѣтилъ я.

— „Ну, получите“, сказалъ онъ; „а вотъ вамъ и прибавка къ гонорару—нравственная“.

Онъ подалъ мнѣ пакетъ съ двумя письмами Мелетія—одно къ нему, другое—ко мнѣ. Страдалецъ—митрополитъ въ нихъ высказывалъ свою благодарность за сочувствіе къ нему.

По указанію владыки были написаны и другія статьи, помѣщенные въ тогдашнихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Таковы, напр.: переводная статья (изъ L'Union Chrétienne) „Справедливо ли социалисты пользуются евангельскимъ ученіемъ въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній?“ „Галицкій униатскій священникъ Іоаннъ Наумовичъ“, „Церковныя науки“ и т. п.

Впрочемъ, своими преобразованными епархіальными вѣдомостями преосвященный Амвросій удовлетвориться не могъ. Уже лѣтомъ 1883 года онъ все чаще и чаще сталъ поговаривать о томъ, что нужно издавать вмѣсто епархіальныхъ вѣдомостей богословско-философскій журналъ. Не довольствуясь бесѣдами по этому предмету съ своими харьковскими „чаепійцами“, онъ завелъ переписку съ профессоромъ московской духовной академіи В. Д. Кудрявцевымъ. Кудрявцевъ одобрительно отозвался о его намѣреніи, обѣщалъ свое сотрудничество и далъ имя будущему журналу—„Вѣра и Разумъ“, указавъ для него и эпиграфъ изъ посланія къ евреямъ: „вѣрою разумѣваемъ“.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ уже было послано ходатайство въ Св. Синодъ о разрѣшеніи издавать этотъ журналъ въ 1884 году. Къ сожалѣнію, дѣло нѣсколько затормозилось. Оберъ-секретарь А. Полонскій къ засѣданію Св. Синода приготовилъ слѣдующую справку: „Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 26 сен-

тября 1866 года разрѣшено изданіе Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей по представленной преосвященнымъ харьковскимъ программѣ съ тѣмъ, чтобы какъ составленіе, такъ и разсмотрѣніе статей, предназначаемыхъ къ помѣщенію въ означенномъ изданіи, поручено было, по усмотрѣнію самаго преосвященнаго, благонадежнымъ лицамъ *духовнаго* вѣдомства. Кромѣ того, изъ дѣлъ синодальной канцеляріи усмотрѣно: 1) всѣ епархіальныя вѣдомости издаются съ разрѣшенія мѣстной духовной цензуры, 2) редакторами издателями означенныхъ вѣдомостей состоятъ лица духовнаго вѣдомства, какъ то: протоіереи, священники и не имѣющіе священнаго сана преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, а также и секретари духовныхъ консисторій; 3) указомъ Святѣйшаго Синода отъ 9-го декабря 1866 года поручено преосвященнымъ тѣхъ епархій, въ коихъ издаются епархіальныя вѣдомости, вмѣнить редакторамъ оныхъ въ обязанность, чтобы они доставляли въ синодальную канцелярію по одному экземпляру означенныхъ вѣдомостей; 4) указомъ Св. Синода отъ 25 мая 1865 года предписано преосвященнымъ обратить вниманіе на то, чтобы официальная переписка церковныхъ и правительственныхъ учреждений не была помѣщаема въ епархіальныхъ вѣдомостей, за исключеніемъ переписки, подлежащей всеобщему по епархіи свѣдѣнію; 5) указомъ Св. Синода отъ 31 октября 1866 года предписано преосвященнымъ вмѣнить въ обязанность редакціямъ епархіальныхъ вѣдомостей, чтобы онѣ не допускали обнародованія указовъ и правительственныхъ распоряженій прежняго времени подъ видомъ современныхъ, безъ объясненія, что означенныя распоряженія вновь предполагаются къ руководству". Докладывая эту справку, г. К. Вошининъ сдѣлалъ слѣдующее заключеніе: „Такимъ образомъ возбужденный преосвященнымъ Амвросіемъ вопросъ—новый и отступающій отъ буквы синодальнаго опредѣленія, какимъ разрѣшено изданіе Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Кромѣ того, къ ходатайству преосвященнаго Амвросія не была приложена программа будущаго журнала и не былъ названъ цензоръ его. Тѣмъ не менѣе 20-го декабря преосвященный получилъ указъ Св. Синода, которымъ изданіе журнала въ принципѣ было разрѣшено; но предварительно были потребованы программа

и указаніе цензора. На этомъ указѣ преосвященный Амвросій написалъ слѣдующую резолюцію: „Предлагаю консисторіи: 1) копию съ сего указа сообщить ректору семинаріи прот. Кратирову для надлежащаго исполненія и руководства, 2) поручить ему составить программу журнала для представленія отъ моего имени Св. Синоду, 3) цензоромъ новаго журнала назначить кафедральнаго протоіерея Павлова, цензоровавшаго бывшія епархіальныя вѣдомости; 4) чрезъ благочинныхъ предписать обязательную выписку новаго журнала для монастырей, соборовъ и церквей приходскихъ, приписныхъ и, по возможности, домовыхъ по всей епархіи, съ тѣмъ, чтобы деньги за изданіе (10 р.) согласно съ объявленіемъ объ ономъ, напечатаннымъ въ № 57 Епархіальныхъ Вѣдомостей, были доставляемы вмѣстѣ съ обстоятельными адресами въ семинарію, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Изъ событій личной жизни преосвященнаго Амвросія за 1883 годъ можно отмѣтить только его награжденіе орденомъ св. Анны 1-ой степени и его поѣздку въ Москву, гдѣ онъ участвовалъ въ освященіи храма Христа Спасителя. Въ 1883 году онъ еще очень скучалъ по Москвѣ и поѣздка туда для него была дѣйствительно событіемъ въ его жизни. Харьковъ былъ для него еще чужимъ, Малороссія—чужою стороною. 27-го апрѣля этого года онъ писалъ Н. И. Субботину: „Отъ души благодарю васъ за память обо мнѣ и привѣтствіе. Отвѣчаю тѣмъ же, только извините, что позднеенько. На праздникъ много было служеній и посѣтителей, хотя самъ выѣзжалъ изъ дому во весь праздникъ только два раза. Времени путешествія въ Москву ожидаю съ нетерпѣніемъ. Какъ себя не уговаривай, а все какъ-то тяжело сердцу на чужой сторонѣ; чувствую себя все какъ будто въ командировкѣ по казенному дѣлу“.

Кромѣ неопустительнаго совершенія богослуженій во всѣ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, кромѣ систематическаго импровизированнаго проповѣданія о Богѣ и Его свойствахъ и кромѣ текущихъ дѣлъ по епархіальному управленію, въ теченіе 1884 года преосвященный Амвросій особенно много потрудился для возможно лучшей постановки издавія журнала „Вѣра и Разумъ“. Ко всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ онъ обратился съ собственно-ручными пись-

мами, прося ихъ оказать содѣйствіе его распространенію въ своихъ епархіяхъ. Кромѣ того онъ исходатайствовалъ въ военномъ министерствѣ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія распоряженіе о приобрѣтеніи журнала „Вѣра и Разумъ“ для полковыхъ библиотекъ и библиотекъ различныхъ учебныхъ заведеній. Бывшій въ этомъ году съѣздъ харьковскаго епархіальнаго духовенства, по его предложенію, ассигновалъ изъ суммъ епархіальнаго свѣчнаго завода ежегодную субсидію на изданіе журнала въ количествѣ 3000 рублей. Много заботъ было преосвященному Амвросію и по приобрѣтенію серьезныхъ сотрудниковъ. Только благодаря его заботамъ въ журналѣ уже съ перваго года его существованія стали принимать участіе такіе ученые, какъ профессора духовныхъ академій и университетовъ: В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ, П. И. Линицкій, И. Н. Корсунскій, Вл. П. Бузескуль, В. К. Надлеръ, И. В. Платоновъ, А. Н. Хайнацкій, М. А. Остроумовъ, А. С. Лебедевъ и др. Насколько въ это время его занимала мысль о журналѣ и о приобрѣтеніи сотрудниковъ, можно судить по его письму къ Н. И. Субботину отъ 25-го февраля 1884 года... „Чтобы не кончить одними чувствованіями и словами, что неприлично дѣловымъ людямъ (пишетъ онъ),—поговоримъ и о дѣлѣ. Ужъ, конечно, вы догадываетесь, что я хочу говорить о своемъ новомъ журналѣ, который составляетъ теперь главную мою заботу. Дѣло въ сотрудникахъ... Намъ предстоитъ подвигъ не только приобрѣсть довѣріе и вниманіе общества, но по всей вѣроятности и вести борьбу. Въ обоихъ отдѣлахъ мы открываемъ мѣсто для полемики—и въ церковномъ, и въ философскомъ. Знамя поднято и поставлено на виду: давайте же борцовъ за истину Христову и за церковь, которую равно любимъ—и вы и я. Такъ поговаривайте, поталкиваете, и что узнаете, напишите“. Самъ преосвященный Амвросій помѣстилъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1884 годъ семь своихъ прекрасныхъ „словъ“: 1) На новый годъ: о средствахъ къ возвращенію утраченной вѣры, 2) въ день храмоваго праздника и годичнаго акта въ харьковскомъ университетѣ: объ удовольствіяхъ, 3) въ день Срѣтенія Господня: о семейномъ счастьи, 4) въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича: объ обществен-

номъ мнѣніи, 5) 1-го марта: о самоизвиненіи, 6) въ день празднованія совершеннолѣтія Благовѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича 6-го мая: о нашихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ потомству и 7) въ день тезоименитства благочестивѣйшаго Императора Александра Александровича: о повинненіи властямъ. Кромѣ того, въ этомъ же году было напечатано статьями и его сочиненіе „Живое слово“. Неудивительно послѣ этого, что журналъ „Вѣра и Разумъ“ уже въ первый годъ своего изданія обратилъ на себя всеобщее вниманіе и, по справедливости, заслужилъ лестные отзывы не только со стороны духовныхъ писателей, но и со стороны благомыслящей свѣтской прессы.

По указанію преосвященнаго Амвросія, мною было написано въ этомъ году для журнала „Вѣра и Разумъ“, между прочимъ, двѣ статьи: 1) „Штундизмъ и пашковщина“ (по поводу сочиненія Германа Дальтона „Evangelische Strömungen in der Russischen Kirche der Gegenwart“. Heilbronn. 1881.) и 2) „Значеніе философіи въ системѣ семинарскаго курса и преимущества ея въ этомъ отношеніи предъ математикою и другими общеобразовательными предметами“. Первая статья была вызвана быстрымъ распространеніемъ пашковщины среди интеллигентнаго общества и—штундизма среди простонародья; вторая—предпринятымъ въ то время пересмотромъ семинарскаго устава.

Кромѣ изданія журнала „Вѣры и Разума“, въ 1884 году преосвященный Амвросій съ особенною заботливостію относился къ нуждамъ мѣстной духовной семинаріи. По прибытіи въ Харьковъ, онъ засталъ семинарію въ крайне запущенномъ видѣ: не было средствъ даже для того, чтобы покрасить на ней крышу. Поэтому преосвященный Амвросій еще въ 1886 году сталъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ увеличеніи средствъ на ея содержаніе. 23-го апрѣля 1884 года онъ получилъ указъ Св. Синода, которымъ его ходатайство было удовлетворено вполнѣ, а именно: изъ духовно-учебнаго капитала были отпущены деньги на покрытіе образовавшейся за послѣднюю треть 1882 года и за весь 1883 годъ передержки по содержанію воспитанниковъ и семинарскихъ зданій; значительно увеличена сумма, ассигнуемая на содержаніе семи-

нарскихъ зданій; признана необходимою ремонтровка всѣхъ семинарскихъ зданій и, наконецъ, разрѣшено увеличить плату за содержаніе своекоштныхъ воспитаниковъ семинаріи. Но непредвидѣнныя обстоятельства были причиною того, что ремонтъ семинарскихъ зданій былъ произведенъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагалось.

Съ 3-го на 4 іюля, въ 12 часовъ ночи на четвертомъ этажѣ главнаго семинарскаго корпуса, въ гардеробной комнатѣ загорѣлись шкафы. Мгновенно весь верхній этажъ былъ охваченъ пламенемъ. Пожарная команда, быстро прибывшая на мѣсто пожара, ничего не могла подѣлать. Въ корридорѣ, примыкавшемъ къ горѣвшей гардеробной, былъ такой жаръ и такой густой и удушливый дымъ, что добраться до двери не было возможности, не смотря даже на всѣ отчаянныя попытки пожарныхъ. Пожаръ проникъ во второй и третій этажи. Только около двухъ часовъ по-полудни огонь сталъ стихать; но пожарная команда еще въ теченіе двухъ дней заливала дымившійся огромный корпусъ, закопѣлый, съ чернѣвшими, вмѣсто оконъ, дырами и безъ крыши. Преосвященный Амвросій, проживавшій въ то время на своей дачѣ „Всесвятское“, увидѣлъ пожаръ очень рано и тотъ часъ послалъ своего келейника разузнать, въ какомъ положеніи семинарскія зданія; затѣмъ не смотря на свое болѣзненное состояніе, онъ самъ прибылъ къ горѣвшему зданію и выражалъ свое глубокое сожалѣніе о происшедшемъ несчастіи. Ректора семинаріи, протоіерея Кратирова, въ это время не было въ Харьковѣ; онъ былъ въ отпуску и, извѣщенный по телеграфу, возвратился въ Харьковъ 7-го іюля. Что слѣдовало дѣлать? Каникулярнаго времени оставался только одинъ мѣсяць. Денегъ въ семинаріи свободныхъ не было, а между тѣмъ командированная губернаторомъ комиссія архитекторовъ исчислила убытки отъ пожара въ количествѣ 45 или 50-ти тысячъ рублей. Семинарскія зданія застрахованы не были.

Преосвященный своевременно донесъ Св. Синоду о происшедшемъ пожарѣ и о заключеніи комиссіи архитекторовъ, прося ассигновки потребной суммы и отсрочки учебныхъ занятій до 1-го октября. Но времени было немного,—и нужно было спѣшить. Поэтому онъ обратился еще и къ помощи те-

леграфа. 13-го іюля имъ была получена отвѣтная телеграмма отъ Оберъ-прокурора Св. Синода о томъ, что исправленіе полуразрушеннаго семинарскаго корпуса разрѣшено и 50 тысячъ рублей на этотъ предметъ будетъ отпущено. Увѣренный въ томъ, что ходатайство его будетъ удовлетворено, преосвященный Амвросій еще ранѣе полученія этой телеграммы уже подготавливалъ все необходимое къ предстоявшимъ работамъ. 10-го іюля на журналѣ семинарскаго правленія объ осмотрѣ технической комиссіею главнаго семинарскаго корпуса и о найденныхъ въ немъ поврежденіяхъ онъ положилъ такую резолюцію: „Въ виду крайней необходимости—приступить къ исправленію поврежденнаго пожаромъ корпуса немедленно и для сего: 1) поручить производство работъ епархіальному архитектору Данилову; 2) наблюденіе за работами и матеріалами, а также и отчетность возлагается на правленіе семинаріи; 3) въ помощь правленію назначается экономъ харьковскаго архіерейскаго дома іеромонахъ Іосифъ и преподаватель семинаріи Фоменко; 4) въ виду несомнѣннаго скорого отпуска средствъ на постройку изъ Святѣйшаго Синода употреблять въ расходъ на оную суммы, имѣющіяся въ семинаріи; 5) какъ объ отпускѣ потребныхъ суммъ, такъ и о сихъ сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ заготовить отъ моего имени отношеніе къ г-ну Оберъ-Прокурору Св. Синода“. Кромѣ того, преосвященный обратился съ приглашеніемъ о пожертвованіяхъ къ духовенству епархіи и къ епархіальному свѣчному заводу. Пожертвованій поступило до 22 тысячъ рублей. Но этихъ суммъ оказалось недостаточно и владыка вынужденъ былъ 6-го сентября еще разъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ отпускѣ 10-ти тысячъ рублей кромѣ ассигнованныхъ равьше 50-ти тысячъ. За то семинарскія зданія были приведены въ такой безукоризненный видъ, какого они никогда не имѣли отъ самого своего построенія. Возобновленный семинарскій храмъ былъ освященъ лично преосвященнымъ Амвросіемъ 2-го декабря.

Новымъ предметомъ заботъ и попеченій для преосвященнаго Амвросія съ 1884 года стали церковно-приходскія школы. Указъ Св. Синода о Высочайше утвержденныхъ „Правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ“ былъ полу-

ченъ въ Харьковѣ 25-го іюля 1884 года. На этомъ указѣ преосвященный Амвросій положилъ слѣдующую резолюцію: „Предлагаю консисторіи: 1) предписать благочиннымъ и чрезъ нихъ всему духовенству епархіи, чтобы всѣ со всевозможнымъ вниманіемъ вникли въ содержаніе сего указа и приложенныхъ къ нему правилъ о церковно-приходскихъ школахъ (которыя вмѣстѣ съ указомъ будутъ напечатаны въ № 14 журнала „Вѣра и Разумъ“); 2) чтобы всѣ священники, діаконы и псаломщики, воодушевившись ревностію о тщательномъ исполненіи Высочайшей воли и указаній Святѣйшаго Синода относительно просвѣщенія православнаго народа, сообразили свои способности, свѣдѣнія и другія средства съ тѣмъ, чтобы все, что могутъ, посвятить на устроеніе означенныхъ школъ и преподаваніе въ нихъ тѣхъ предметовъ, какіе кому по силамъ и ожидали дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій, и 3) чтобы священники тѣхъ церквей, при которыхъ существуютъ уже церковно-приходскія школы, немедленно доставили мнѣ о нихъ подробныя свѣдѣнія, когда и кѣмъ они открыты, гдѣ помѣщаются, на какія средства содержатся, кто и что въ нихъ преподаетъ, сколько учениковъ и ученицъ и проч.“ По предложенію преосвященнаго Амвросія, тогда же былъ учрежденъ въ Харьковѣ епархіальный училищный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ ректора семинаріи, протоіерея І. А. Кратирова. Первое засѣданіе училищнаго совѣта происходило 23-го августа въ покояхъ преосвященнаго Амвросія. Первыми были открыты церковно-приходскія школы, по инициативѣ самихъ приходскихъ священниковъ, при харьковской Александро - Невской на Заиковкѣ церкви, при Троицкой церкви слободы Ново-Глухова Купянскаго уѣзда и при Іоанно-Богословской церкви с. Черемушнаго Валковскаго уѣзда, Насколько увеличилось у преосвященнаго Амвросія дѣла съ открытіемъ церковно-приходскихъ школъ, можно видѣть изъ того, что въ 1884 году число резолюцій умножилось почти на тысячу въ сравненіи съ 1883 годомъ.

Псаломщики по прежнему не унимались и осаждали владыку своими прошеніями о рукоположеніи ихъ во діаконы. 30-го генваря на прошеніи одного псаломщика онъ положилъ такую резолюцію: „Прошенія о посвященіи во діаконы стали умно-

жаться до крайности. Объявить по епархіи, что отнынѣ предоставляется право просить объ этотъ только причетникамъ, бывшимъ хотя въ первыхъ классахъ семинаріи. Если и сей проситель учился только въ духовномъ училищѣ, то и это прошеніе оставить безъ послѣдствій“. Не смотря на это, такого рода резолюціи были еще неоднократно повторены и въ послѣдующіе годы.

Не мало заботъ въ этомъ году причиняло преосвященному Амвросію и Ахтырское духовное училище. Еще въ 1883 году оно оказалось въ такомъ полуразрушенномъ состояніи, что продолжать занятія въ немъ было опасно. Потолки вездѣ были подперты столбами; стѣны и особенно углы главнаго каменнаго двухъэтажнаго зданія дали большія трещины. Рѣшено было строить новый корпусъ; но денегъ не было. Преосвященный Амвросій исходатайствовалъ у Св. Синода на этотъ предметъ 30 тысячъ рублей и обратился ко всему епархіальному духовенству съ просьбою о пожертвованіи. Къ сожалѣнію, такія пожертвованія поступали скудно. Тѣмъ не менѣе, по распоряженію преосвященнаго Амвросія, былъ учрежденъ временный строительный комитетъ и приглашенъ изъ Харькова опытный инженеръ-архитекторъ для составленія плана и наблюденія за работами. Осень, впрочемъ, прошла только въ приготовленіи строительнаго матеріала.

Крайнія нужды епархіальныхъ духовно-учебныхъ заведеній заставили преосвященнаго Амвросія подумать о постоянномъ и надежномъ источникѣ денежныхъ средствъ. Онъ остановился мыслью на епархіальномъ свѣчномъ заводѣ. Въ 1884 г., подъ его непосредственнымъ предсѣдательствомъ, были выработаны особыя правила для завода. Затѣмъ онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, лично убѣждалъ приходскихъ священниковъ и церковныхъ старостъ забирать свѣчи для церквей только въ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ, а не у частныхъ торговцевъ, написалъ „пастырское увѣщаніе къ возлюбленнымъ чадамъ о Господѣ, православнымъ христіанамъ паствы харьковской“, въ которомъ убѣждалъ ставить въ церквахъ свѣчи, выдѣлываемыя въ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ изъ чистаго пчелинаго воска, и не пріобрѣтать у частныхъ торговцевъ свѣчъ парафиновыхъ, неприличныхъ для жертвы Господу и закапчивающихъ св. храмы,

учредилъ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго викарія, особую наблюдательную комиссію за разборомъ свѣчь епархіального завода, открылъ въ епархіи много свѣчныхъ складовъ, усилилъ производительность завода, такъ что заводъ сталъ отпускать свѣчи даже и въ другія епархіи, и т. п. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, епархіальный свѣчной заводъ, до прибытія преосвященнаго Амвросія въ Харьковскую епархію не дававшій совершенно никакой пользы, сталъ ежегодно вносить на нужды епархіи по 48 тысячъ рублей, а въ нѣкоторые годы къ этой суммѣ прибавлялъ еще отъ 15 до 20 тысячъ единовременнаго взноса.

Большія неурядицы до назначенія преосвященнаго Амвросія на харьковскую епархію происходили и въ Ряснянскомъ Свято-Дмигріевскомъ монастырѣ. Монастырь этотъ владѣлъ 4000 десятинъ цѣнной земли; но онъ былъ въ большихъ долгахъ и его средствъ не доставало даже на погашеніе процентовъ, вслѣдствіе чего монашествующіе испытывали во всемъ крайнюю нужду. Настоятелемъ былъ какъ мы упомянули уже выше, человѣкъ добрый, но къ веденію хозяйства совершенно неспособный: не тащилъ у него только тотъ, кто не хотѣлъ. По совѣту святогорскаго архимандрита Германа, преосвященный уволилъ настоятеля на покой, а на его мѣсто назначилъ святогорскаго монаха Дезидерія, человѣка строгой жизни, умнаго и энергичнаго хозяина.

Тѣмъ не менѣе оказалось, что и энергичный хозяинъ ничего не могъ сдѣлать безъ денегъ для приведенія въ порядокъ монастырскихъ дѣлъ. 5-го іюня 1884 года новоназначенный игуменъ явился къ преосвященному Амвросію и сталъ отказываться отъ управленія монастыремъ. По его мнѣнію, нужно было достать гдѣ либо 10,000 рублей, чтобы начать правильное веденіе монастырскаго хозяйства. Преосвященный Амвросій далъ ему заимообразно свои деньги на два года, предоставивъ ему право погасить этотъ долгъ даже не наличными деньгами, а облигаціями одного изъ восточныхъ займовъ, если это будетъ выгодно для монастыря.

Протоіерей Г. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в.

(Продолженіе *).

Медлительность и нерѣшительность, какія долго обнаруживалъ великій князь Іоаннъ III въ принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ и которыя особенно замѣтны были для Іосифа предъ соборомъ 1504 г., когда государь не исполнилъ за годъ предъ тѣмъ даднаго имъ въ личныхъ бесѣдахъ съ Іосифомъ (въ бытность послѣдняго въ Москвѣ на соборѣ 1503 г.) обѣщанія „обыскивати и искоренити еретиковъ“, побудили Волоцкаго игумена обратиться къ царскому духовнику архимандриту Митрофану (весною 1504 г.)¹⁾ съ просьбою напоминать государю объ его главной обязанности въ данныхъ религіозно-церковныхъ обстоятельствахъ,—обязанности „пожать ревностию о православной вѣрѣ христіанской“, такъ какъ неисполненіе съ его стороны этой обязанности грозитъ опасностію всему его царству. „Ино, господине, — пишетъ Іосифъ государеву духовнику,—тебѣ о томъ (объ искорененіи еретиковъ) Государю великому князю пригоже, да и должно поминати. Будеть государь во многихъ дѣлахъ царскихъ прозабылъ того дѣла, и въ томъ дѣлѣ государя побереги, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю, занеже за царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнить“. Проситъ онъ Митрофана напомнить Московскому государю и о томъ, „каково имѣли подтщаніе и ревность пер-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 14.

1) См. „Изслѣдов. о сочин. Іосифа Савина...“ Хрущова, ст. 183.

віи благочествіи царіе о непорочнѣй христіанстѣй вѣрѣ, и како еретиковъ по проклятїи въ заточенїе посылали, а иныхъ казнми казвили“ (примѣры—царей Ираклія, Іустиніана, Тиверіа и др.). Побудить государя—великаго князя къ усердствованію за православную вѣру необходимо было именно потому, что проявленія его воли—единственное и самое вѣрное средство къ окончательному искоревенію ереси. „И только бы государь восхотѣлъ ихъ (еретиковъ) искоренити, ино бы вскорѣ искоревилъ“. Какъ видно изъ разбираемаго посланія, государь московскій и самъ хорошо созавалъ свои высокія права и обязанности въ этомъ религіозно-церковномъ дѣлѣ. „А коли, господне,—сообщаетъ Іосифъ духовнику государя—билъ есми челомъ великому князю (во время личной бесѣды съ нимъ въ 1503 г.) на Москвѣ о томъ, чтобы послалъ по городамъ еретиковъ обыскати, и князь великій молвить: пошлю де, и часа того, да того обыщу; а только де и язъ не пошлю, да не попекуся о томъ, ино де и кому то зло искоренити“¹⁾.

А вотъ государственно-политическія воззрѣнія Іосифа, уже во всей ихъ полнотѣ примѣненныя имъ къ личности Василя III-го Іоанновича, того великаго московскаго князя, который по самому рожденію своему отъ византійской царевны былъ связанъ съ послѣдними византійскими царями, какъ ихъ прямой потомокъ, и который, сообразно съ желаніями Волоцкаго игумена, ревностнѣе своего отца прилежалъ къ дѣламъ церковнымъ.

Къ царскому суду этого великаго князя обращается Іосифъ, какъ къ единственной вполнѣ надежной силѣ, которая можетъ устранить угрожающія православной вѣрѣ опасности. „И молимся тебѣ, Государь,—писалъ онъ ему въ одномъ изъ своихъ посланій (не задолго предъ соборомъ 1504 г.),—о томъ, чтобы ты, Государь, своимъ царскимъ судомъ искоревилъ той злый плевелъ еретическій въ ковецъ“²⁾. Какъ истинный православный царь, великій князь московскій долженъ проявить

¹⁾ Пославіе Іосифа къ Митрофану въ Чтен. Общ. Ист. п Дрени. Россійск. за 1847 г., № 1, смѣсь.

²⁾ Пославіе къ вел. кн. Василю Іоанновичу.. Дрени. Россійск. Бивліоѳ., ч. XVI, стр. 424.

самыя ревностныя заботы о чистотѣ и невредимости правовѣрія, обязанъ со всею ревностію промыслить о божественныхъ церквахъ: этого требуетъ отъ него самое значеніе царской власти, носителемъ которой онъ является, и которая есть власть, самимъ Богомъ учрежденная. „Пожалуй и попецѣйся и промысли о божественныхъ церквахъ, — убѣждалъ Іосифъ Василя III въ другомъ своемъ посланіи къ нему (относящемся къ 1510—1511 г.г., когда при новомъ митрополитѣ Варлаамѣ извѣстный противникъ взглядовъ Іосифа, князь—инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, сдѣлался „великимъ временнымъ человекомъ“ и началъ печаловаться великому князю за еретиковъ¹⁾)—занеже, государь, отъ вышняе Божія десницы поставленъ еси самодержецъ и Государь всея Руси. Глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: Азъ воздвигохъ тя съ правдою царя и пріяхъ тя за руку и укрѣпихъ тя. Сего ради слышите, царіе и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ. Васъ бо Богъ въ Себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ. Вамъ же подобаетъ, приѣмши отъ Вышняго повелѣнія правленія человѣческаго рода, православнымъ государемъ и княземъ, не токмо о своихъ пещися“... и далѣе приводятся уже извѣстныя намъ изъ Просвѣтителя слова объ обязанности царей—„соблюдать врученное имъ стадо Христово отъ волковъ невредимо“. Объ этой то главной обязанности царской власти, вытекающей изъ самой высоты этой послѣдней, и напоминалъ Іосифъ Василю Іоанновичу, какъ именно „государю и владыцѣ“, имѣющему „богопреданную мудрость“. Подобно тому, какъ и ранѣе, по примѣру благочестиваго и христолюбиваго великаго царя Константина, онъ, вмѣстѣ съ боговѣнчаннымъ отцемъ своимъ, проявилъ свою богодарованную власть по отношенію къ еретикамъ, когда (на соборѣ 1504 г.). „Темныхъ и скверныхъ Новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ до конца низложилъ и непорочную Христіанскую вѣру поколебавшуюся и изнемогшую отъ еретическихъ и жидовскихъ уче-

¹⁾ См. въ „Изслѣдов. о сочин. Іосифа Санина“... Хрушова, стр. 244; см. также у К. П. Невоструева въ его разсмотрѣніи названной книги Хрушова, стр. 58.

ній паки утвердилъ“, такъ и теперь онъ снова долженъ употребить эту свою власть противъ послѣдователей ереси, чтобы въ противномъ случаѣ не „погибнуть всему православному христіанству“, какъ погибли прежнія многія царства: Египтское, Армянское и Римское. Поступить „подобно первымъ православнымъ и благочестивымъ царемъ“ и показать ревность своего благочестія верховный представитель русскаго государства долженъ и въ виду тѣхъ славныхъ послѣдствій, какія произойдутъ отсюда для его царства и для него самого: онъ долженъ это сдѣлать, „да видятъ всѣ царіе славу преславнаго царствія твоего; придетъ бо ти отъ сего свѣтъ вѣчный и невечерній въ тебѣ возсіяетъ“ и „того ради непоколебимо и непревратно соблюдетъ и сохранитъ Вышняго десница Богомъ поставленное твое царство“¹⁾.

Итакъ, въ обстоятельствахъ борьбы съ ересью и ея послѣдователями государю Московскому, по взглядамъ Іосифа, принадлежитъ та самая царственная роль, какая прежде была достояніемъ православныхъ царей греческихъ. Съ особенною ясностію мысль эту игуменъ Волоколамскій выразилъ въ своемъ посланіи къ боярину Василию Андреевичу Челяднину, когда, между прочимъ, писалъ ему: „мы, господине, по свидѣтельству святыхъ вселенскихъ седми соборъ стали на еретики, да по свидѣтельству священныхъ правилъ били челомъ Государю великому князю Василію Ивановичу всея Русіи, какъ прежніи святители на вселенскихъ соборѣхъ прежнимъ православнымъ царемъ били челомъ. И государь святымъ духомъ подвижися, учинилъ якоже и прежніи православніи цари, по свидѣтельству тѣхъ же божественныхъ правилъ“²⁾. По примѣру этихъ-то православныхъ царей и какъ бы въ качествѣ ихъ замѣстителей государь Московскій въ борьбѣ съ еретиками и выступалъ верховнымъ покровителемъ и защитникомъ православной вѣры и церкви. Въ немъ именно теперь заключались „надежда

1) Этими вторымъ посланіемъ Іосифа къ Василію Ивановичу мы пользуемся по выдержкамъ изъ него, приведеннымъ въ названномъ изслѣдованіи Хрущева (стр. 242—243), а также въ сочин. Дьяконова: „Власть Московск. Государей“, СПб. 1889 г., стр. 97.

2) Это посланіе см. въ „Изслѣд. о сочин. Іосифа Санина“... Хрущева. Приложение подъ букв. Б, стр. 261.

и упованіе всему православному христіанству“¹⁾, такъ—что онъ вполне достоинъ того, чтобы быть названнымъ „въ православіи просіавшимъ, благовѣрнымъ и христіолюбивымъ Государемъ и самодержцемъ всея Руси, новымъ царемъ Константиномъ новому граду Константину—Москвѣ, и всей русской земли, и инымъ многимъ землямъ государемъ“²⁾.

Раскрывая такимъ образомъ, на почвѣ борьбы съ ересью и на основаніи библейскихъ и византійскихъ источниковъ понятія о царской власти, ея правахъ и обязанностяхъ, и принимая эти понятія къ личности верховныхъ представителей русскаго государства—великихъ князей Московскихъ, вліятельный игуменъ Волоцкій одновременно съ этимъ старался показать значеніе и силу царственной власти Московскаго государя на почвѣ совершенно иного рода борьбы. Разумѣемъ возникшее въ 1507 г. дѣло Іосифа съ удѣльнымъ Волоцкимъ княземъ Теодоромъ Борисовичемъ и съ Новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ.

Волоколамскому монастырю не разъ приходилось испытывать различныя незаконныя притѣсненія со стороны только что названнаго удѣльнаго князя. Эти притѣсненія побудили Іосифа съ братією „бить челомъ православному царю Государю всея Руси, великому князю Василю Ивановичу, еже бы избавилъ отъ мятежа и отъ насилія, взялъ бы монастырь подъ свою царскую дръжаву“³⁾. Іосифъ, конечно, заранѣе рассчитывалъ на благопріятный отвѣтъ, и не ошибся. Государь московскій, пользуясь благопріятнымъ случаемъ заявить свои верховныя права по отношенію къ удѣльному князю, не замедлилъ исполнить просьбу и „обитель Пречистыя Богородицы отъ насилія удѣльнаго взя подъ свою царскую руку“⁴⁾. На предло-

1) Ibid., стр. 262.

2) См. Митр. Зосимы извѣщеніе о насхалин на осьмую тысячу лѣтъ. Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 798—799.

3) См. Житіе Іосифа, составл. Саввою, еп. Крутицкимъ. Изд. Невоструева, стр. 42; см. Житіе Іосифа, составл. неизвѣстнымъ. Изд. Невоструева же, стр. 62 („Гѣмже и молитвенная посла (Іосифъ) къ великому самодержцю Василю, пже тихыма очыма царство свое зряше, да пріять будетъ въ благочестивую державу его“).

4) Житіе Іосифа, составл. Саввою..., стр. 43; см. житіе, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63.

женіе князя Волоцкаго возвратиться подъ его власть Іосифъ, какъ свидѣтельствуеть одинъ изъ его біографовъ, отвѣчалъ квязю такъ; „невозможно, господине, сего мятежа сотворити, еже поколебати православнымъ самодержцемъ“ (т. е. невозможно сдѣлать такого безпорядка, чтобы по произволу вертѣть московскимъ государемъ) ¹⁾. Когда не довольный и безсильный въ своей злобѣ удѣльный князь возбудилъ противъ Волоколамскаго игумена Новгородскаго архіепископа Серапіона („молитвами убо и ласканми подходитъ (князь) архіерея великаго Новаграда“ ²⁾), и послѣдній, по его подстрекательству, послалъ игумену свою „неблагословеную и отлученую“ грамоту ³⁾ за учиненный имъ, вопреки церковнымъ правиламъ, самовольный переходъ изъ Новгородской архіепископіи, тогда Іосифъ снова обратился къ суду царскому, принося „Дрѣжавному князю всея Русіи великую жалобу“ на озлобившагося противъ него Новгородскаго архіепископа ⁴⁾. Немедленно, по повелѣнію великаго князя, составленъ былъ по этому поводу въ Москвѣ соборъ, на судъ котораго и вызвали новгородскаго владыку. Допрошенный здѣсь, между прочими, и самимъ, присутствовавшимъ на соборѣ, великимъ княземъ, и единоголосно осужденный, какъ нарушитель „божественнаго писанія и святыхъ правилъ закона, пресуждающій и претворяющій царская повелѣнія и всего священнаго собора благословеніе“, архіепископъ Новгородскій преданъ былъ отлученію, лишенъ своей кафедры и заключенъ въ Андрониковъ монастырь, откуда вскорѣ переведенъ былъ въ монастырь Троицкій Сергіевъ ⁵⁾.

Не безъ шума и смущеній, какъ и слѣдовало ожидать, прошла описанная сейчасъ исторія. Передавъ свой монастырь изъ-подъ власти удѣльнаго князя въ державу государя московскаго, Іосифъ за этотъ свой поступокъ, которымъ нарушались вотчинныя права Волоцкаго князя въ интересахъ вел. князя

1) Житіе Іосифа, составл. Саввою..., стр. 44.

2) Житіе Іосифа, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63.

3) Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 47; см. житіе, составл. неизвѣстнымъ, стр. 63; см. также Полн. Собр. Лѣт., Т. VI, стр. 249.

4) Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 48.

5) Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 48—49; см. Полн. Собр. Лѣт., Т. VI, стр. 249—250; житіе Іосифа, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63—64.

Московского, и святительскія Новгородскаго архіепископа, подвергся сильнымъ порицаніямъ со стороны ревнителей церковно-іерархическаго порядка и враговъ Московской централизаціи, особенно когда владыка Новгородскій, отлучившій „своего чернеца“ отъ церкви, лишенъ былъ по суду соборному своей каедрѣ ¹⁾. Даже друзья и сторонники Волоцкаго игумена сомнѣвались въ его правотѣ и находили лучшимъ, еслибы онъ, не начиная соблазнительной борьбы со своимъ архіереемъ и княземъ, оставилъ свой монастырь и удалился въ другое мѣсто. Все это и побудило Іосифа прибѣгнуть къ литературной защитѣ предпринятаго имъ образа дѣйствій, выразившейся въ видѣ его пространныхъ и энергическихъ посланій къ друзьямъ и благодѣтелямъ. Для насъ важно отмѣтить эти посланія, какъ ясный показатель того, насколько высоко поставлялъ игумень Волоцкій въ проводимыхъ имъ возрѣвнѣніяхъ значеніе и силу власти государя Московскаго, и какъ широко понималъ онъ его права во всѣхъ сферахъ жизни управляемой имъ русской земли.

Въ посланіи къ Борису Васильевичу Кутузову ²⁾, приведя въ оправданіе своего поступка—передачи монастыря изъ подъ власти удѣльнаго князя въ державу великаго князя Московскаго—съ одной стороны „въ нашей Русѣй землѣ“ бывшіе уже примѣры такой передачи (монастырей: Троицкаго Сергіева, Каменскаго и Толгскаго въ княженіе Василя Темнаго, и монастыря Боровскаго при Іоаннѣ III), а съ другой—рядъ примѣровъ изъ исторіи христіанской церкви, какъ различные

¹⁾ Все это дѣло получило такой широкій размѣръ и имѣло такія печальныя для Серапіона послѣдствія потому именно, что тутъ прииѣшалась государственная политика.

²⁾ Біографъ Іосифа, Савва еп. Крутицкій, описывая отроческій періодъ жизни будущаго основателя и перваго игумена Волоколамскаго монастыря, говоритъ о дружбѣ его съ „отрокомъ отъ славитскаго роду“, Борисомъ Кутузовымъ. (Житіе Іосифа, стр. 6—7). Кутузовы были вотчинниками въ Волоколамскѣ, Дмитровѣ и Русѣ; при Іоаннѣ III нѣкоторые изъ нихъ получили помѣстья въ Новгородѣ. Служили они въ Москвѣ и Новгородѣ при архіепископѣ; Борисъ Васильевичъ былъ околичнымъ. Іосифъ до старости сохранялъ свое пріязненное отношеніе къ нему. Подъ конецъ жизни Борисъ Кут. принялъ монашество въ монастырѣ Іосифа подъ именемъ Авраамія. См. „Исслѣд. о сочлн. Іосифа Савина“... Хруцова, стр. 27 прим. 42; и также примѣч. Невоструева на 7 стр. издавнаго имъ житія Іосифа, написанн. Саввою.

„преподобни и богоносни отцы наши, пастырие и учителя, (заботившіеся о церквахъ и монастыряхъ) отъ меньшихъ царей къ большимъ приходяще, и оборону отъ нихъ приимаху, а большіе цари вступалися въ вотчину меньшихъ царей за церкви и монастыри“,—Іосифъ пишетъ: „И азъ, послѣдуя божественнымъ писаніямъ и прежь реченнымъ онимъ святителемъ, игуменомъ и царей православныхъ суду, билъ челомъ государю православному самодержцу и Великому князю всеа Русіи, чтобы государь пожаловалъ, монастырь Пречистыя избавилъ отъ насильства князь Ѳедорова, ... и государь нашъ князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи монастырь Пречистыя и мене грѣшнаго съ братьею взялъ въ великое свое государство, и не велѣлъ князю Ѳедору Борисовичу вступаться ни во что“¹⁾. Итакъ, ясно, что Московскій великій князь въ сравненіи съ князьями удѣльными является „большимъ государемъ“, который имѣетъ полное право вступаться въ ихъ вотчины и при всякомъ случаѣ можетъ проявить надъ ними свою верховную власть. Эту же мысль о преимуществѣ князя Московскаго Іосифъ ярко выражаетъ далѣе и въ томъ толкованіи, какое онъ даетъ словамъ архіеп. Серапіона изъ его отлучительной на Іосифа грамоты. „Да и грамоту,—сообщаетъ онъ Кутузову,—прислалъ (архіепископъ) такую ко мнѣ, ... что де еси отдалъ монастырь свой въ великое государство, ино де еси отступилъ отъ небснаго, а пришелъ къ земному. И ты, господине, разсуди себѣ Серапіонову мудрость, учинилъ Волокъ небомъ, а Москву землею, а князя Ѳедора Волоцкаго небеснымъ, а великаго князя Московскаго земнымъ“²⁾. Такимъ образомъ, на взглядъ Іосифа, является просто неразумнымъ прилагать къ личности удѣльнаго князя названіе „небесный“, а къ личности Государя Московскаго названіе „земной“: государю „большему“ свойственно и названіе болѣе возвышенное. Подъ вліяніемъ, конечно, Іосифа, такой же смыслъ придалъ вышеприведеннымъ словамъ владыки Новгородскаго и самъ Московскій великій князь. По свидѣтельству Іосифа (въ томъ же посланіи къ

¹⁾ Посл. Іосифа къ Борису Кутузову. Древн. Росс. Виваіое., ч. XIV, стр. 177—189.

²⁾ Ibid., стр. 192.

Кутузову), на составленномъ для суда надъ Серапіономъ соборѣ государь Московскій спрашивалъ обвиняемаго: „ино ты нарекъ князя Θεодора небеснымъ, а меня земнымъ, ино язъ земной то и есть, то намъ скажи, почему ты князя Θεодора назвалъ небеснымъ?“ ¹⁾ Въ разрѣшительной грамотѣ, данной Іосифу послѣ соборнаго суда надъ Серапіономъ, объ этомъ послѣднемъ, между прочимъ, говорилось: „владыка Серапіонъ... писалъ къ тебѣ, Іосифу, неблагословеніе и отлученіе съ иными нѣкоторыми не подобными рѣчьми, вводя имя государя нашего неразумнѣ“ ²⁾. Очевидно, подъ этими „неподобными рѣчьми“ разумѣются здѣсь тѣже самыя слова Новгородскаго архіепископа изъ его отлучительной на Іосифа грамоты, которая такъ тенденціозно (въ чисто политическомъ смыслѣ) истолковалъ Волоцкій игумень и Московскій государь.

Значеніе и силу власти государя—великаго князя Московскаго еще рельефнѣе выразилъ Іосифъ въ посланіи къ другому своему благожелателю, боярину Ивану Ивановичу Третьякову-Ховрину ³⁾. Доказывая въ оправданіе себя „неправомѣрность“ дѣйствій архіепископа Новгородскаго, который позволилъ себѣ отлучить его (Іосифа), предварительно „не обослався съ православнымъ государемъ и старѣйшимъ святителемъ“, Іосифъ въ примѣръ того, какъ въ данномъ случаѣ долженъ бы поступить новгородскій владыка, указываетъ на митрополитовъ Кипріяна, Іону и архіепископа Ростовскаго Вассіана (Рыло), изъ которыхъ у каждаго была распра съ подвластными имъ игуменами, и изъ которыхъ, однако, ни одинъ не дерзнулъ самовольно „отлучити и не благословити“ тѣхъ игуменовъ, но каждый билъ челомъ великому князю Московскому, представляя такимъ образомъ дѣло на его усмотрѣніе. „И государи православные—замѣчаетъ Іосифъ—дошли тому дѣлу конецъ на Москвѣ по свидѣтельству свя-

¹⁾ Ibid., стр. 194—195.

²⁾ Ibid., стр. 200.

³⁾ Этимъ посланіемъ мы пользуемся по пространнымъ выдержкамъ изъ него, приведеннымъ въ „Исслѣдов. о сочин. Іосифа Санина“ . . . Хрущова (стр. 219—232), въ сочин. Дьяконова: „Власть Москов. Государей“ (стр. 120, 212); содержаніе этого посланія съ большими буквальными выдержками изъ него, изложено также въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1847 г., № 8, смѣсь.

ценныхъ правилъ“¹⁾). Ясно, какъ видимъ, проводится мысль, что государь московскій есть высшая инстанція и по дѣламъ церковнаго управленія. Высказывая далѣе свой взглядъ на поведеніе Новгородскаго владыки, обнаруженное этимъ послѣднимъ на судившемъ его, въ присутствіи самого „державнаго“, Московскомъ соборѣ, игумень Волоцкій пишетъ Ховрину: „И ты, господине, поразсуди Серапіоновъ умъ: гдѣ было ему бити челомъ на соборѣ государю православному и самодержцу всея Руси..., и онъ сталъ свариться съ нимъ. А божественныя правила повелѣваютъ царя почитати, ни свариться съ нимъ. Ни древніи святители дерзнула сіе сотворити, ни четыре патріарси, ни Римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ. И аще когда царь на гнѣвъ совратится на кого, и они съ кротостію и смиреніемъ и со слезами моляху царя“²⁾). Вотъ образецъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніяхъ и къ царю-самодержцу всея Руси: съ нимъ никто не долженъ дерзать „свариться“, а на проявляемый имъ гнѣвъ отвѣтомъ должно служить смиренное и слезное предъ нимъ моленіе. Подъ властную защиту и покровительство этого-то царя и самодержца русскаго Іосифъ и

1) Назван. изслѣдов. Хруцова, стр. 222; названн. сочин. Ляконова, стр. 120.

2) Названн. изслѣд. Хруцова, стр. 223. Роль государя Московскаго на соборахъ святителей Іосифъ, какъ очевидецъ, изображаетъ, между прочимъ, въ своей духовной грамотѣ (монастырскомъ уставѣ). На иорядовъ совѣщаній, какому слѣдовали на этихъ, происходившихъ въ присутствіи велик. князя, соборахъ, Іосифъ указываетъ, какъ на образецъ, которому должна подражать братія его монастыря на соборахъ монастырскихъ. Онъ пишетъ: „видѣхомъ бо и у великихъ государей и самодръжцевъ сице творима: егда убо о вѣкоторныхъ дѣлахъ въсканіе творять, благочинно и некрпчаніемъ глаголють же; преже убо Государь глаголетъ, потомъ же и вси прилучившіися по одному глаголють; аще ли же начнутъ мвози глаголати, тогда съ яростію и гнѣвомъ запрѣщеніе пріимуть отъ Дръжавнаго“. 9-е преданіе Устава. См. Четьи—Минен Макаріа, изд. Арх. комиссіей. СПб. 1868 г., м—ць Сентябрь, столб. 609.—Извѣстный Ростовскій священникъ Георгій Скрипница въ поданномъ имъ собору 1503 г. писменномъ возраженіи противъ запрещенія вдовымъ священникамъ священнодѣйствовать писалъ между прочимъ: „въ церковныхъ правилахъ сказано: если кого обидитъ епископъ, пусть исправитъ митрополитъ; если оскорбитъ митрополитъ, пусть исправитъ патріархъ; а если обидитъ кого ибудь патріархъ или соборъ, то долженъ разсудитъ царь по правиламъ святыхъ отцевъ“. См. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1848 г., № 6, отд. IV, стр. 6. Такъ понимались отношенія церковной и государственной властей на основаніи принципа, выработаннаго Византіей.

передалъ свой монастырь, и можно-ли его подвергать порицаніямъ и обвиненіямъ за этотъ поступокъ, совершая который онъ слѣдовалъ указанію „священныхъ правилъ“ и прежде не разъ бывшимъ примѣрамъ многихъ епископовъ и игуменовъ, у „царей и князей большихъ“ искавшихъ защиты отъ притѣсненій со стороны „царей и князей меньшихъ“. „И язь — заявляетъ Іосифъ — билъ челомъ тому Государю, который не точію князю Θεодору Борисовичу, да архіепископу Серапіону, да всѣмъ намъ общій государь, но и всея русскія земли государемъ государь, котораго Господь Богъ устроилъ вседержителя въ свое мѣсто и посадилъ на царскомъ престолѣ, судъ и милость предаеть ему, и церковное, и монастырское и всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попеченіе вручилъ ему. И чтобы язь — добавляетъ онъ — иному государю билъ челомъ, ино то бы я не гораздо учинилъ. И язь того ради такого государя нашель, котораго судъ не посуждается“ ¹⁾. И когда этотъ государь — великій князь обратился къ Іосифу съ просьбою, чтобы онъ отписалъ ему мысль свою, нельзя ли ему, Іосифу, битъ челомъ архіепископу Серапіону, игумень Волоколамскій въ своемъ отвѣтномъ посланіи всецѣло предавалъ себя суду и волѣ государевой. „А нынѣ, государь, моя мысль: какъ Богъ да Пречистая Богородица тебѣ, государю моему, на сердце положить: какъ ты, государь, велишь, и азь, государь, такъ бью челомъ“ (Серапіону) и прибавляетъ: „занеже, государь, надежа и упованіе по Бозѣ... ты, государь“ ²⁾.

Итакъ, государь всея Руси — великій князь московскій, согласно съ воззрѣніями Іосифа, представляетъ изъ себя такое царственное лицо, предъ которымъ всѣ его подданные — будетъ ли то князь, или іерархъ церкви, или иной кто-либо — должны заявлять полную покорность: для всѣхъ онъ есть единый общій государь. Онъ является какъ бы земнымъ богомъ, и его власть,

¹⁾ Названн. изслѣдов. Хруцова, стр. 225—226; названн. сочин. Дьяконова, стр. 212; Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1647 г., № 8, смѣсь; см. разрѣшит. грам., данную Іосифу послѣ соборнаго суда надъ Серапіономъ. — грамота эта въ посланіи Іосифа къ Кутузову. Древн. Росс. Вивліое., ч. XIV, стр. 198—201; см. также Полн. Собр. Лѣт., Т. VI, ст. 249.

²⁾ См. Невоструева — Разсмотрѣніе названной книги Хруцова, стр. 55.

врученная ему отъ Всевышняго Бога, уже въ силу этого самого происхожденія своего, есть власть неограниченная. Какъ царственный властитель, самимъ Богомъ посаженный на царскомъ престолѣ, онъ служитъ на землѣ высшимъ источникомъ суда и милости, и можетъ творить этотъ судъ и эту милость независимо отъ какихъ либо ограниченій со стороны подвластныхъ ему людей. И при этомъ, частнѣе, онъ не только властитель гражданскій, но его власть простирается и на все „церковное и монастырское“; всюду, слѣдовательно, и въ области отношеній чисто гражданскихъ, и въ области отношеній религіозно-церковныхъ—государь Московскій является царемъ—владыкою со властію неограниченною, дѣйствій которой никто не можетъ и не смѣетъ „посуждать“.

Какіе, въ частности, взгляды проводилъ Іосифъ на взаимныя отношенія между государемъ Московскимъ и удѣльными князьями, это съ ясностію можно видѣть изъ тѣхъ теоретическихъ и практическихъ совѣтовъ, какіе предлагалъ удѣльнымъ властителямъ вліятельный Волоцкій игумень. Въ „посланіи къ благовѣрному имркѣ“, написанномъ, какъ полагаютъ ¹⁾, къ одному изъ братьевъ великаго князя Василія Іоанновича, и именно къ Дмитровскому князю Юрію, Іосифъ, пересказывая слова Златоуста, даетъ князю такое наставленіе: „князь и властели, милованіе и заступленіе и правду покажите на нищихъ людехъ, сихъ заступленіе приѣмлюще и укрѣпленіе о нихъ, и отъ сердца подающе любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должная покоренія, и послушанія, и благодареніе, и работающе ему по всей воли его и повелѣнію его, яко Господеви работающе, а не челоуѣкомъ“ ²⁾. А вотъ какой совѣтъ даетъ Іосифъ тому же удѣльному князю уже на чисто практической почвѣ. Когда „по зависти искони злоначальнаго злодѣя, врага, богопротивника и ненавистника всякаго блага“ и „смущеніемъ злыхъ челоуѣкъ дръжавный царь и государь, великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи

¹⁾ См. названн. изслѣдов. Хрушова, стр. 96. Здѣсь это посланіе называется „посланіе наставительное къ благовѣрному князю“ (стр. 94).

²⁾ Посланіе это въ Памяти. Старинн. Русс. Литер., изд. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, стр. 192.

захотѣ поимати брата Юрья Ивановича“, и когда этотъ послѣдній, чувствовавшій свою правоту предъ Московскимъ княземъ и думавшій, во избѣжаніе кровопролитія, послѣдовать совѣту своихъ людей—„еже отступити далѣ“, обратился за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ Іосифу, то игумень Волоцкій сказалъ ему слѣдующее: „Азъ ти не велю дръжавному брату своему противитися, ни паки мало совѣтъ даю, еже отступити: аще отступиши, той же крови литися, а на тебя будетъ слава во вѣки измѣнная. Азъ же нынѣ молю тебя и по твоему прошенію совѣтъ даю: приклони съ извѣщеніемъ (т. е. съ объясненіемъ дѣла) главу свою предъ Помазанникомъ Божиимъ и покорися ему: вѣрую Господу Богу, яко извѣститъ сердцу его правду твою, яко сердце помазанника Божія въ руцѣ Его есть“¹⁾. Согласно съ совѣтомъ Іосифа, удѣльный князь оставилъ свое намѣреніе „еже отступити далѣ“ и сказалъ: „не буду противу государя, но предамся волѣ его: воленъ Богъ да Государь“!... Благодаря посредничеству вліятельнаго игумена, дѣло между князьями на этотъ разъ кончилось мирно²⁾.

Таковы, по взглядамъ Іосифа, должны быть отношенія удѣльныхъ князей къ Государю всея Руси—великому князю Московскому. Безусловная покорность и послушаніе первыхъ предъ послѣднимъ—вотъ чѣмъ должны быть всецѣло проникнуты эти отношенія. Правда, удѣльные князья представляютъ изъ себя также власть богоучрежденную и потому самому должны „все обладаемое отъ тревоженія спасти“, но власть удѣльныхъ князей должна имѣть примѣненіе *только* въ предѣлахъ даннаго имъ „отечествія“ (вотчины): они поставлены Богомъ *только* на своемъ отечествѣ, приняли отъ Вышняго „правленье“ *только* „своего отечествія“³⁾; между тѣмъ великій князь Московскій есть государь всея Руси, и, слѣдовательно, его власть, Богомъ ему данная, должна простираться на всю ввѣренную его попеченію русскую землю (его „Богъ въ Себѣ мѣсто избра

1) Житіе Іосифа, напис. Саввою, еп. Крутицкимъ, стр. 54—55.

2) Ibid., стр. 55—58.

3) Другое посланіе Іосифа Волоцкаго къ Дмитровскому князю Юрію. Дополн. къ Авт. Истор., т. I, № 216, стр. 363—364.

на земли и на свой престолъ вознесъ посади“, онъ принялъ „отъ Вышняго повелѣнія *приволенія человеческого рода*“¹⁾, а въ частности, и на князей удѣльныхъ. Воля и повелѣніе московскаго государя должны представлять для князя удѣльнаго нерушимый законъ, опредѣляющій его поведеніе и дѣятельность. Случается-ли какое-нибудь взаимное недоразумѣніе, удѣльный князь—пусть будетъ даже на его сторонѣ правда—долженъ во всемъ отдаться на волю и милость своего государя, преклонить предъ нимъ главу свою, какъ предъ богодарованнымъ царемъ и помазанникомъ Божиимъ, и бить ему челомъ о помилованіи. Отступить отъ великаго князя для него значитъ наложить на себя тяжелое и вѣчное клеймо измѣнника. И нельзя здѣсь не замѣтить, что высказанныя въ этомъ направленіи Іосифомъ политическія идеи не укрылись отъ вниманія современниковъ и ближайшаго потомства. Нагляднымъ показателемъ ихъ широкой популярности въ XVI в. служитъ то, что при одной изъ рукописей этого вѣка („Діогтра инока Филиппа“), въ числѣ прибавочныхъ статей, не безъ цѣли, конечно, помѣщено подложное прошеніе Іосифа подъ такимъ заглавіемъ: „Извѣтъ преподобнаго отца нашего Іосифа Волоколамскаго, новаго чудотворца Осипова монастыря, повелѣніемъ вышняго къ Московскимъ великимъ княземъ: како имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ русскихъ князей... и соединити во благоденство подъ себя вся руская земля и распространити всюду и всюду“²⁾. Являясь, безъ сомнѣнія, подлогомъ, подобнаго содержанія статья, приписанная Волоцкому игумену, во всякомъ случаѣ служитъ однимъ изъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ о томъ, какого рода политическія идеи приписывались Іосифу.

1) См. отмѣчен. нами выше посланіе Іосифа къ вел. кн. Василю Ивановичу.

2) См. приложение подъ буквою Д къ „ислѣдов. о сочиненіяхъ Іосифа“... Хрущова, стр. 264—265. Указанная рукопись принадлежит Москов. Синод. библиот. (№ 758). Въ двухъ сборникахъ Соловецкаго монастыря „Извѣтъ“ не имѣетъ въ заглавіи имени Волоцкаго игумена. К. И. Невоструевъ высказываетъ предположеніе, что въ этомъ послѣднемъ видѣ „Извѣтъ“ принадлежит перу извѣстнаго виднаго представителя партіи Заволжскихъ нестяжателей—князи—инока Вассіана Патрикѣева. Но бѣтъ сдѣланъ подлогъ „извѣта“ на имя Іосифа Волоцкаго—трудно объяснить. См. его „Разсмотрѣніе книги Хрущова; ислѣдов. о сочин. Іосифа“..., стр. 64—66.

Но собственно не столько этими идеями о политическомъ объединеніи русской земли опредѣляется политическое значеніе Іосифа, сколько его горячей литературной проповѣдію о высотѣ сана верховной государственной власти. Ореолъ божественности, какимъ окружается эта власть въ его воззрѣніяхъ, прямо ведетъ къ признанію ея полной неограниченности. Такою дѣйствительно и является власть царя во взглядахъ Іосифа. По его представленію, царь—это неограниченный владыка, по своей власти уподобляющійся самому Богу („властію же подобенъ Вышнему Богу“), и потому обладающій на землѣ почти божественными правами; въ его рукахъ сосредоточивается такая полнота власти, что, подобно Вышнему, онъ для всѣхъ своихъ подданныхъ служитъ источникомъ милости и живота („милость и животъ положи у васъ и мечъ вышняя Божія десница вручи вамъ“). Будучи главою государства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть верховный покровитель и защитникъ церкви: изъ-подъ его царственной власти не изъята и область жизни религіозно-церковной. Охраненіе интересовъ церкви, забота объ искорененіи въ ней еретическихъ лжеученій и всякихъ безпорядковъ—вотъ самый главный долгъ, самая существенная обязанность, лежащая на государѣ и вытекающая изъ самаго священнаго величія той власти, носителемъ которой онъ является. Неисполненіе государемъ этой своей важнѣйшей обязанности будетъ величайшимъ съ его стороны преступленіемъ,—такимъ преступленіемъ, которое влечетъ за собою серьезнѣйшую опасность—погибель „всего православнаго христіанства“, божественную казнь надъ всѣмъ его государствомъ, а его самого дѣлаетъ не царемъ, а мучителемъ, имѣющимъ подвергнуться страшной отвѣтственности предъ судомъ божественнымъ. Представляя изъ себя верховнаго покровителя церкви, обязаннаго заботиться объ ея благоденствіи, объ охраненіи чистоты правовѣрія и благочестія, государь имѣетъ право вполне начальственнаго отношенія ко всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ; изъ его компетенціи не изъята ни одна сторона церковной жизни; ему отъ самого Бога вручено „все церковное и монастырское попеченіе“¹⁾; къ его верховному

¹⁾ Церковные обряды, церковная дисциплина, церковно-юридическій порядокъ вообще—все это входило въ кругъ попеченій власти царя московскаго. Образъ

суду и защитѣ должно прибѣгать во всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ обидахъ. И этотъ верховный судъ государя, которому одинаково подлежатъ и лица свѣтскія и сами высшіе іерархи церкви и другіе представители ея, есть судъ окончательный, безапелляціонный, который никѣмъ уже не можетъ быть „посуженъ“, т. е. отмѣненъ. Государь, такимъ образомъ, является единственнымъ, ничѣмъ неограниченнымъ, кромѣ божескихъ правилъ (страхъ предъ Богомъ, судъ божественный, гнѣвъ Божій), судьей поступковъ и дѣлъ всѣхъ безъ исключенія своихъ подданныхъ. И въ сферѣ церковно-религіозной, и въ сферѣ чисто гражданской власть государя—одинаково могущественная сила, предъ которой равно должны преклоняться представители и церковной, и гражданской власти. Словомъ, образъ царской власти, какъ онъ выступаетъ предъ нами въ воззрѣніяхъ знаменитаго Волоцкаго игумена,

дѣйстви царя Ивана Васильевича Грознаго на извѣстномъ столглавомъ соборѣ 1551 г., задававшемся цѣлю выработать національный церковный уставъ, ясно показываетъ, что его одинаково озабочивало устройство какъ порядка государственной жизни, такъ и порядка жизни церковной. Царь обратился къ собору съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ и предложеній относительно разнаго рода злоупотребленій и безпорядковъ по всѣмъ направленіямъ церковной жизни (каковы напр. неправильное писаніе иконъ, неправильный зпонтъ и пѣніе въ церквахъ, неблаговѣйное столпіе въ храмахъ, злоупотребленія при выдачѣ антиминсоль, при опредѣленіи на церковныя должности, соблазнительное поведеніе духовенства, монашествующихъ, клятвенное преступленіе и т. п.). Отношеніе царя къ этимъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ и къ ихъ устраненію не было отношеніемъ посторонняго наблюдателя, а отношеніемъ хозяина, ближе и болѣе всѣхъ озабоченнаго водвореніемъ порядка. Исправленіе „попсшатавшихся“ церковныхъ обычаевъ дѣлалось на соборѣ по волѣ и отъ имени царя. Говоря вообще, церковное законодательство столглаваго собора принадлежало болѣе царю, нежели духовенству; царь мыслилъ и совѣтовалъ, а духовенство только слѣдовало его указаніямъ. Государь московскій, устававливавшій нормы церковнаго порядка, слѣдилъ и за соблюденіемъ установленныхъ нормъ чрезъ архіереевъ и воеводъ, которымъ онъ посылалъ соответственные наказы, при чемъ подчиненнымъ органамъ предписывалось доносить о несоблюденіи „царскихъ заповѣдей“ святителю, а въ случаѣ, если святитель не управитъ, самому царю; безчинникамъ и непослушнымъ угрожалось святительскимъ запрещеніемъ и царскимъ наказаніемъ (см. „Стоглавъ“, изд. Казан. Дух. Акад., гл. 49, стр. 237—239; св. Акта Истор., Т. I, № 154, стр. 252; о правахъ и обязанностяхъ Государя московскаго по отношенію къ порядку церковной жизни см. также Стоглавъ, стр. 374, 298, 235; вообще во всѣхъ соборныхъ отвѣтахъ на царскіе вопросы и предложенія проводится мысль о необходимости царскаго контроля надъ всѣмъ „церковнымъ и монастырскимъ“).

есть образъ чисто византійскій, обрисованный чисто византійскими чертами. Это, если можно такъ выразиться, пересаженный на русскую почву образъ православнаго византійскаго царя-автократора.

Излишне, кажется, было бы распространяться о важности такого рода государственно-политической проповѣди для интересовъ носителей великокняжеской Московской власти. Уже самое совпаденіе этой проповѣди съ эпохой окончательнаго собиранія Руси въ одно цѣлое государство и съ введеніемъ новаго монархическаго строя политической жизни ясно говоритъ за ея значеніе въ указанномъ направленіи. Немало при этомъ значило и то, что проповѣдь эта исходила отъ такой вліятельной личности, какую представлялъ изъ себя Волоцкій игуменъ Іосифъ. Его авторитетъ служилъ вѣрнымъ ручательствомъ за широкую популярность высказанныхъ имъ на религіозной основѣ политическихъ взглядовъ. Другое, что обезпечивало широкое распространеніе этихъ взглядовъ въ сферѣ политической—это ихъ близость со вновь выработанной Московской теоріей о православномъ русскомъ царствѣ. Теорія эта, какъ мы уже знаемъ, окружая ореоломъ величія православную Русь, явившуюся послѣ паденія Византійской имперіи единственнымъ въ мірѣ убѣжищемъ православія и благочестія, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигала Московскаго государя, какъ единаго во всей вселенной православнаго царя. Старецъ Филофей, перу котораго принадлежитъ окончательная формулировка данной теоріи, въ своемъ посланіи къ Василию Ивановичу называлъ этого великаго князя „православнымъ христіанскимъ царемъ, владыкою всѣхъ, браздодержателемъ святыхъ Божіихъ престоловъ святыхъ вселенскія и апостольскія церкви“¹⁾. По отношенію къ этимъ общимъ мыслямъ относительно государя всея Руси—великаго князя Московскаго государственно-политическія воззрѣнія Волоцкаго игумена представляютъ какъ бы ихъ частнѣйшее раскрытіе,—раскрытіе, сдѣланное на фактической почвѣ и на основаніи данныхъ, какія представляла для этого византійская юриспруденція и церковное право.

¹⁾ См. Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. I, стр. 344.

На почвѣ борьбы съ ересью Жидовствующихъ и въ обстоятельствахъ столкновенія съ своимъ удѣльнымъ княземъ, новгородскимъ архіепископомъ Іосифъ самыми яркими красками обрисовалъ высоту положенія государя Московскаго, его права и обязанности, съ одной стороны, именно какъ „православнаго христіанскаго царя, браздодержателя святыхъ Божиихъ, престоль святыхъ вселенскія и апостольскія церкви“, который, по примѣру православныхъ царей греческихъ, долженъ быть верховнымъ покровителемъ и защитникомъ церкви, ревнителемъ православной вѣры, искоренителемъ ересей и расколовъ,—а съ другой какъ „владыки всѣхъ“, предъ которымъ всѣ его подданные—будутъ ли то представители свѣтской, или представители церковной власти—должны занять во всѣхъ отношеніяхъ зависимое и подчиненное положеніе.

Не задолго до смерти († 1515 г.) Іосифъ Волоцкій отправилъ посланіе „благородному и христіолюбивому самодръжцу, царю и государю всея Русіи, великому князю Василію Ивановичу“, въ которомъ извѣщалъ послѣдняго о своей болѣзни и просилъ не назначать въ его монастырь игумена изъ другихъ обителей и вопреки желанію Волоколамской братіи („не по ихъ мысли“) ¹⁾. А по духовной грамотѣ игуменъ Волоцкій передавалъ свой монастырь въ полное распоряженіе того же Государя Московскаго ²⁾. Послѣдній охотно принялъ это порученіе. Исполнилъ великій князь и вышеуказанную просьбу Іосифа, утвердивъ послѣ него Волоколамскимъ игуменомъ его ученика Даниіла, избраннаго по желанію братіи. Немного времени спустя, именно въ 1522 г., этотъ преемникъ Іосифа по игуменству возведенъ былъ на кафедрѣ русской митрополіи, будучи избранъ на этотъ столь важный и видный постъ, какъ можно съ вѣроятностію полагать, единоличною волею Государя Московскаго ³⁾.

Воспитаніе и жизнь въ Волоколамскомъ монастырѣ, можно

¹⁾ Посланіе это см. въ Житіи Іосифа, напис. Саввою, еп. Крутицкимъ, изд. Цевостр., стр. 59—60.

²⁾ Ibid., стр. 61—62.

³⁾ См. Полн. Соб. Лѣт. т. VI, стр. 264; Никон. Лѣт., ч. VI, стр. 228; см. также „Ист. рус. церкви“ преосв. Макарія, т. VI, кн. I, СПб. 1870 г., стр. 166—167.

сказать, заранѣе предпопредѣляли характеръ и направленіе воззрѣній и дѣятельности Даниіла въ санѣ всероссійскаго митрополита, заранѣе показывали, что, ставъ во главѣ русской іерархіи, онъ выступитъ горячимъ сторонникомъ, ревностнымъ защитникомъ и послѣдовательнымъ проводникомъ завѣтовъ своего знаменитаго учителя. Такимъ дѣйствительно и выступаетъ предъ нами митрополитъ Даниілъ. Явившись яркимъ выразителемъ понятій и взглядовъ воспитавшей его школы, онъ съ этой стороны вполне заслуживаетъ признаніе за нимъ типической личности іерарха—іосифлянина, какъ основательно и называютъ его нѣкоторые историки ¹⁾. Тѣ излюбленныя идеи, за которыя ратовалъ преподобный Іосифъ, при его ученикѣ—митрополитѣ достигли господствующаго значенія, проникли въ жизнь русскаго общества и дали ей соотвѣтствующее направленіе на долгое время и послѣ Даниіла.

Въ область нашей задачи не входитъ, конечно, всестороннее разсмотрѣніе воззрѣній и дѣятельности названнаго іерарха—іосифлянина. Сообразно своей цѣли, мы остановимъ вниманіе лишь на той сторонѣ литературной проповѣди и практической дѣятельности митр. Даниіла, которая такъ или иначе касалась государственной власти и ея носителей, и такимъ образомъ, соотвѣтственно условіямъ времени, когда вводился и утверждался на Руси новый, монархическій, порядокъ государственной жизни въ лицѣ великаго князя Московскаго, могла носить политическій характеръ и имѣть политическое значеніе.

Въ ряду словъ, входящихъ въ составъ такъ называемаго „Соборника“ митрополита Даниіала, есть одно (восьмое) съ такимъ заглавіемъ: „яко подобаетъ къ властемъ послушаніе имѣти и честь имъ въздаати и еже на врагы Божіа“ ²⁾. Въ словѣ, очевидно, имѣется въ виду главнымъ образомъ власть свѣтская, или государственная, такъ какъ рѣчь здѣсь идетъ о „человѣческомъ созданіи начальства“—о царяхъ, князьяхъ

¹⁾ См. сочин. проф. Павлова „Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи“. Одесса 1871 г., стр. 86.

²⁾ См. рукописный „Соборникъ“ митр. Даниіла, принадлежащій Кіевской Дух. Академіи подъ знам. Аа 198, стр. 274 (списалъ съ рукописи XVI в., находящ. въ библіот. Москов. Дух. Акад. за № 198)

и владыкахъ. Изъ содержанія слова можно также видѣть, что ближайшей отправной точкой для автора—митрополита при составленіи даннаго разсужденія о власти послужила хорошо уже извѣстная намъ и столь подробно разработанная Іосифомъ Волоцкимъ тема о необходимости и законности преслѣдованія еретиковъ по предписаніямъ государственныхъ властителей. Но наряду съ этимъ нелепымъ представляется и то, что поводъ къ написанію подобнаго разсужденія могъ лежать отчасти и въ нѣкоторыхъ явленіяхъ современной Даниилу русской жизни, соприкасавшихся съ вопросомъ о власти. „Время Даниила, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей жизни и дѣятельности этого митрополита, было временемъ, когда только что входило въ силу единовластіе, смѣнившее собою удѣльно-вѣчевой строй общественной жизни. Оно же въ разсужденіи государственной власти принадлежало еще къ эпохѣ переходной, неустойчивой, когда новыя понятія о власти и ея правахъ не успѣли еще сдѣлаться общимъ достояніемъ народа, когда, напротивъ, существовали кружки людей, дорожившихъ старыми понятіями о власти и ея прерогативахъ, и враждебно относившихся къ новымъ порядкамъ, отнимавшимъ и нарушавшимъ многія изъ древнихъ родовыхъ правъ. Въ царствованіе Василя Іоанновича были нѣрѣдки случаи, „отъѣзда“ русскихъ бояръ къ Литовскому князю и нѣкоторыхъ Литовскихъ бояръ къ Московскому государю¹⁾. Въ нихъ выразилось не вполне подавленное сознаніе въ русскомъ боярствѣ своихъ древнихъ правъ—свободной и юридически законной перемены своихъ господъ... Могло быть, что митрополитъ Данииль, желая ослабить невыгодный для правительства взглядъ боярства на свои права, позаботился представить его неблаговид-

¹⁾ При усиленіи новаго порядка вещей приверженцы старинны—бояре и вообще всѣ дружинники и слуги вольные—крѣпко держались за обветшалое право отъѣзда и, не имѣя возможности отъѣзжать къ русскимъ князьямъ, устремлялись въ Литовскую Русь, къ вел. князю Литовско-русскому. Отъ времени Василя Іоанновича сохранилось не мало клятвенныхъ записей разныхъ князей—бояръ, данныхъ ими Государю Москов. за поручительство и подписью митр. Даниила. См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. I, № 149, стр. 414—415 (Запись князя В. Шуйскаго); № 152, стр. 420—422 (запись кн. Дмитрія Бѣльскаго); № 153, стр. 423—425 (Запись кн. Феодора Бѣльскаго), №№ 154. 157...

нымъ съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, и своимъ разсужденіемъ о повиновеніи власти выставилъ его противнымъ ученію Христа и апостоловъ ¹⁾).

Какъ бы то ни было, отъ чего бы въ зависимость мы ни поставляли данное разсужденіе митрополита Даниіла, оно выставляетъ предъ нами автора проводникомъ тѣхъ же воззрѣній на значеніе государственной власти, какія высказалъ и Іосифъ Волоцкій. Подобно этому послѣднему, и митрополитъ Даниилъ проводить взглядъ на власть государственную, какъ на учрежденіе божественное, функціи котораго сводятся къ двумъ главнымъ формамъ дѣятельности: съ одной стороны—къ отпущенію злодѣямъ, а съ другой—къ похвалѣ благотворящимъ. „Богъ нашъ,—говоритъ авторъ слова,—многообразно пеки́ся о человѣческомъ спасеніи, устрой власти въ человѣческихъ сынахъ въ отпущеніе злодѣемъ, во похвалу же благотворящимъ, да аще презритъ человѣкъ страхъ Божій, да въспоманетъ страхъ властелей земныхъ, да боящися земныхъ начальствъ не поглатаютъ другъ друга якоже рыбы; тѣмъ же велиа польза даровася отъ Христа Бога человѣческому роду земными начальствы, много убо благодарѣствуютъ намъ владычїи и яко слугы Божїа суть, служаще Богу“ ²⁾). Если носители государственной власти суть слуги Божїи, служащїе Богу и благодарѣтельствующїе людямъ, то въ силу этого самого должно воздавать имъ честь, оказывать предъ ними подчиненіе и послушаніе. На основаніи библейскихъ источниковъ авторъ доказываетъ, что „достойно и праведно есть въздавати честь царемъ“, согласно апостольской заповѣди: „Бога бойтеся, царя чтите... въздадите всѣмъ долги: емуже урокъ, урокъ, емуже дань, дань, емуже страхъ, страхъ, емуже честь, честь“, что „подобаетъ покарятися, а не противитися властемъ“, такъ какъ, по словамъ апостола, „противляйся власти Божїю повелѣнію противляется“ ³⁾). Не преминулъ

¹⁾ В. Жмакинъ: „Митр. Даниилъ и его сочиненїя“ М. 1881 г., стр. 407—408.

²⁾ См. указанн. „Соборникъ“ митр. Даниіла, стр. 274—275; см. стр. 281.

³⁾ Ibid; стр. 275; см. стр. 279—280; см. также „Наказанїе“ въ слову четырнадцатому. Ibid., стр. 502. Здѣсь митрополитъ Даниилъ въ числѣ другихъ наставленій дѣлаетъ и такое: „Бога бойтеся и царя чтите, и правду и смиренїе въ нему възйте“.

митрополитъ—авторъ отмѣтитъ и то, насколько высока должна быть степень покорности, какую каждый обязанъ проявлять по отношенію къ представителямъ власти. Процитовавъ извѣстное мѣсто изъ перваго посланія ап. Петра, что должно повиноваться „всякому человѣчю созданію Господа ради, аще же царю, яко преобладающу, аще ли княземъ, яко отъ него посланнымъ“ и пр., онъ приводитъ затѣмъ толкованіе на эти апостольскія слова Василія Великаго, гдѣ, между прочимъ, сказано, что должно „властемъ повиноватися, яко не властемъ, но Богови“ ¹⁾. Не разъ поставляетъ на видъ при этомъ митр. Даніилъ и ту мысль, что подобаетъ покаряться именно властямъ, „Божіе повелѣніе творящимъ“ ²⁾, что повиноваться властямъ, какъ Богу, люди должны въ томъ именно случаѣ, „аще по закову Божію начальство имъ есть“ ³⁾; когда же власти что-либо „виѣ воли Господни повелѣвають намъ, да не послушаемъ ихъ“ ⁴⁾. Одинаково съ Іосифомъ опредѣляетъ митр. Даніилъ и главную обязанность, лежащую на носителяхъ государственной власти. Обязанность эта—попеченіе о чистотѣ вѣры и благочестія ввѣренныхъ ихъ управленію людей. По словамъ автора разсужденія, „подобаетъ приѣмшимъ отъ Бога таковое служеніе (т. е. санъ государственной власти) яко Божіимъ слугамъ много попеченіе имѣти о божественныхъ законахъ и съблюдати родъ человѣческій невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воли зло творящимъ человѣкомъ, ими же имя Божіе бесчестуется“ ⁵⁾. На богоустановленности государственной власти и ся назначеніи—отмщать злодѣямъ авторъ обосновываетъ, въ частности, право и обязанность представителей этой власти преслѣдовать и наказывать еретиковъ, которые являются не только врагами церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и врагами государства и, въ качествѣ таковыхъ, должны быть судимы, какъ обыкновенные государственные преступники. Сказавъ, что гражданскіе вла-

¹⁾ Ibid., стр. 280.

²⁾ Ibid., стр. 275.

³⁾ Ibid., стр. 280.

⁴⁾ Ibid., стр. 280.

⁵⁾ Ibid., стр. 275—276.

стителѣ, какъ „Божіи служители“, не должны „давати воли злотворящимъ человѣкомъ, бесчестующимъ имя Божіе“, митрополитъ разсуждаетъ далѣе; „осужаемы бываютъ татіе и разбойници и прочіи злотворящеи человѣци, приѣмлють же казнь поправшеи и оплевавшеи образъ земнаго царя, и аще убо сіи и прочіи казнь приѣмлють, множае паче хулящен и бесчестующеи Сына Божія и Бога, и Пречистую Богородицу“¹⁾. Тоже право и обязанность представителей государственной власти по отношенію къ „Зло творящимъ человѣкомъ“ авторъ обосновываетъ и путемъ историческимъ, ссылаясь съ одной стороны („отъ слова, еже похвалное святымъ славнымъ и равноапостоломъ, великимъ царемъ Константину и Еленѣ Евѣфиміа патріарха Торновскаго“) на примѣръ перваго православнаго царя Константина—этого „всему римскому началству самодержца“, который, ревнуя о православіи, повелѣвалъ „повсюду въздвизати святыя Божія церкви, идольскыя же храмы подъ тѣхъ въчипевати властію“, приказывалъ „пребывающихъ въ идольстѣй прелести главною казнити казнію“ и написалъ „къ всѣмъ властемъ державы своеа ни въ чемъ же обидѣти церковь, но всяку приазнь и покореніе тѣмъ даати“²⁾, а съ другой—на примѣръ русскаго князя—„подобника великаго Константина“—св. Владиміра, который, по совѣту и просьбѣ епископовъ, „начать казнити разбойники“³⁾.

Являясь, такимъ образомъ, въ качествѣ автора-публициста проводникомъ совершенно одинаковыхъ съ Іосифомъ Волоцкимъ взглядовъ на высоту положенія представителей государственной власти, ихъ права и обязанности по отношенію къ вѣрѣ и церкви,—взглядовъ, о политической значимости которыхъ, какъ мы замѣтили выше, можно заключить уже изъ самого совпаденія пропаганды ихъ съ эпохою введенія на Руси новаго (монархическаго) порядка государственной жизни въ лицѣ великихъ князей московскихъ,—митрополитъ Даниилъ гораздо яснѣе заявилъ свое политическое значеніе въ фактахъ прямого содѣйствія политическимъ интересамъ великокняжеской Московской власти.

1) Ibid.; стр. 276.

3) Ibid.; стр. 287.

2) Ibid.; стр. 285.

Пользовавшійся неизмѣннымъ благоволеніемъ Василя Іоанновича и, естественно, старавшійся платить ему взаимною преданностію, митрополитъ Даниль оказалъ этому великому московскому князю двѣ важныхъ услуги, рассчитанныхъ на достиженіе цѣлей политическихъ. Услуги эти являются, между прочимъ, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, что названный іерархъ церкви угождалъ иногда Государю Московскому болѣе надлежащаго, и ими не безъ основанія соблазнялись нѣкоторые изъ современниковъ.

Одна изъ такихъ услугъ со стороны митрополита состояла въ томъ, что онъ помогъ великому князю Московскому отдѣлаться отъ послѣдняго представителя удѣльнаго порядка политической жизни—Сѣверскаго князя Василя Шемячича, внука пзвѣстнаго Дмитрія Шемяки. Вызванный въ 1523 году въ Москву по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою и при этомъ обнадеженный въ безопасности напередъ высланными „опасными“ грамотами отъ государя и митрополита, удѣльный князь, однако, въ Москвѣ вскорѣ былъ схваченъ, какъ обвиненный въ измѣнѣ, и заключенъ въ темницу. Нѣкоторые изъ современниковъ высказывали сомнѣніе въ справедливости такого обвиненія и осуждали великаго князя и особенно митрополита за нарушеніе данныхъ Шемячичу обѣщаній. „Язъ у митрополита былъ и сидѣлъ есми у него одинъ на одинъ,—разсказывалъ опальный бояринъ Берсень-Беклемишевъ въ откровенной бесѣдѣ съ Максимомъ грекомъ,—и митрополитъ Великому князю велику хвалу воздаеть,... а се деи Богъ его избавилъ запазушнаго врага; и язъ митрополита въспросилъ: кто запазушной государю былъ врагъ? И митрополитъ молвилъ: Шемячичъ;—а того деи митрополитъ и самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ, и руку свою къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые да на Чюдотворцевъ да на свою душу“¹⁾. Съ другой стороны,

¹⁾ См. отрывокъ слѣдств. дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Федорѣ Жареномъ въ Акт. Археогр. Экспед., т. I, № 172, стр. 144. Отноительно Берсеня нельзя не замѣтить, что въ извѣстіяхъ этого опального представителя боярской оппозиціи замѣтна нѣкоторая тенденціозная преувѣличенность въ изображеніи неприятныхъ ему лицъ и явленій того времени. О митр Данилѣ, который былъ политическимъ сторонникомъ вел. князя, Берсень въ той же бесѣдѣ съ ученымъ святогорцемъ

какъ можно видѣть изъ показаній Герберштейна, послѣ слухъ, что уликою Шемячичу послужило его письмо, посланное имъ Польскому королю чрезъ Кіевскаго воеводу, а этимъ послѣднимъ доставленное Василию Іоанновичу ¹⁾. Какъ бы то, впрочемъ, ни было—былъ-ли удѣльный князь дѣйствительно виновенъ въ томъ, въ чемъ подозрѣвалъ его государь Московскій, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ поступокъ съ нимъ митрополита Давіила съ нравственной точки зрѣнія не можетъ быть признанъ безупречнымъ. Очевидно, митрополитъ въ данномъ случаѣ руководился главнымъ образомъ соображеніями политическаго характера, и его мысль гораздо болѣе была занята важностію преслѣдуемой государственно-политической задачи, чѣмъ выборомъ средствъ къ ея осуществленію: онъ старался оказать услугу политическимъ стремленіямъ государя всея Россіи—великаго князя Московскаго.

В. С—кій.

(Продолженіе будетъ).

говорилъ, что „учительна слова отъ него нѣтъ никотораго“ (Ibid., стр. 141), а между тѣмъ названный митрополитъ, судя по его сочиненіямъ, былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ начитавныхъ и учительныхъ пастырей русской церкви.—Лѣтопись, говоря о дѣлѣ Шемячича, не указываетъ причинъ, по которымъ онъ былъ схваченъ и заключенъ въ темницу, а просто замѣчаетъ: „Шемячичъ пойманъ бысть“ (Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 270; Нибон. Лѣт., ч. VI, стр. 229). Курбскій въ своей „Исторіи Іоанна“ рассказываетъ, что игуменъ Троицкій Порфирій, „мужъ обычаевъ простыхъ и въ пустынь поспитанъ“, торжественно и смѣло ходатайствовалъ предъ Василиемъ Іоанновичемъ за Шемячича, чѣмъ и прогнѣвалъ государя и, сложивъ съ себя одежду игуменскую, удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро“. (См. Сказан. кн. Курбскаго, изд. Н. Устрялова, Спб. 1842 г., стр. 127—128).

¹⁾ См. „Ист. Госуд. Россійск.“ Карамзина, изд. 2-е, т. VII, прим. 254.

Библиографическая замѣтка о книгѣ: въ странѣ священныхъ воспоминаній.

Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколажскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ. *Издано подъ редакціею Епископа Арсенія.* Изданіе иллюстрированное, съ 10 рисунками. Св. Троицк. Сергіева Лавра, 1902 г., 1—503+I—V стр. Цѣна 2 руб., съ пересылк. 2 р. 50 к. ¹⁾.

Для всякаго благочестиваго христіанина Св. мѣста Палестины—этой родины, по выраженію блажен. Іеронима (Твор. т. II, 5), нашей религіи—имѣютъ увлекательную прелесть. Туда отправляются тысячи паломниковъ. Довольно трудный подвигъ плаванія по морямъ, различныя дорожныя неудобства и даже опасности путешествія въ Палестину—извѣстны еще съ первыхъ временъ христіанства. Многіе изъ путешественниковъ въ св. землю дѣлились затѣмъ своими впечатлѣніями и познаніями съ обществомъ. Но до сихъ поръ мы не имѣли такого описанія путешествія въ Палестину, которое бы при достаточной полнотѣ было одинаково доступно и человѣку ученому, и народу простому. Изданіе, заглавіе котораго приведено нами выше, пополняетъ этотъ пробѣлъ и своими достоинствами невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Настоящій трудъ содержитъ описаніе паломнической поѣздки въ „Страну священныхъ воспоминаній“ преосвященнаго ректора Московской дух. академіи Арсенія, епископа Волоколамскаго, въ сопровожденіи заслуженнаго ординарнаго профес.

¹⁾ Книжку можно получать въ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ при Моск. Духовной Академіи. Сергіевскій Посадъ, Моск. губ.

академіи Н. Ѳ. Каптерева, экстра-ординар.-профес. академіи В. Н. Мышцына, нѣкоторыхъ студентовъ и другихъ частныхъ лицъ (до 20 челов.), присоединившихся къ группѣ путешественниковъ съ соизволенія Владыки. Цѣлю этой поѣздки, задуманной и организованной преосвященнымъ Арсеніемъ, было прежде всего удовлетвореніе религіознаго чувства паломниковъ, желаніе, такъ сказ., воскресить въ своей душѣ тѣ великія событія, какія произошли во св. землѣ въ ветхозавѣтныя и новозавѣтныя времена (стр. 2, 9, 52, 53 и др.). Къ этому главному мотиву—у Владыки, а равно и у нѣкоторыхъ сопровождавшихъ его лицъ присоединялись и другія, научныя цѣли.

Вотъ вкратцѣ маршрутъ паломниковъ.—Выѣхавъ 4 іюня 1900 г. изъ Одессы, они на другой день прибыли въ Константинополь. Послѣ встрѣчи иноками Пантелеимоновскаго монастыря, паломники остановились въ подворьѣ этого монастыря и время до 10 іюня посвятили осмотру Царь-града и его окрестностей. Вниманіе паломниковъ привлекъ прежде всего храмъ св. Софіи (32 стр. и слѣд.), затѣмъ они посѣтили греческій монастырь Балукли (43 стр.), мечеть Кахріэ-джа-ми (46 стр.), Влахернскій храмъ (48 стр.), высшую богословскую школу на о. Халки, русскую школу и др. достопримѣчательности. Въ то же время паломники представлялись вселенскому патриарху Константину V. 10 іюня она выѣхали изъ Царь-города и прослѣдовали на Аѳонъ,—„это училище благочестія и разсадникъ монашеской жизни“ (стр. 94). Хорошо извѣстный преосвященному Арсенію по прежнимъ его путешествіямъ сюда¹⁾, Аѳонъ произвелъ на паломниковъ неизгладимое впечатлѣніе (149 стр.). „Встрѣча Преосвященнаго братіями обители была необычайно торжественна. Весь монастырскій берегъ, монастырскій дворъ, всѣ верхнія галлерей монашескихъ корпусовъ были усыяны тысячами богомольцевъ и иноковъ. Картина была чудная и единственная въ своемъ родѣ! Весь монастырь, террасами спускающійся къ морю, былъ виденъ какъ на ладони, съ тысячами движущихся клубковъ. Всѣ они вошли въ срътеніе „своему“ русскому Преосвященному“ (стр. 94).

¹⁾ Преосвященный Арсеній *Стадницкій* еще въ бытность студентомъ Кіевской Духовной Академіи посѣтилъ Аѳонъ и затѣмъ свои впечатлѣнія изложилъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Дневникъ студента—паломника на Аѳонъ“.

Вступивъ при торжественномъ колокольномъ звонѣ на берегъ, Преосвященный былъ привѣтствованъ краткою рѣчью намѣстника монастыря. Поздравивъ Владыку съ благополучнымъ прибытіемъ на св. гору, о. намѣстникъ въ своей рѣчи затѣмъ провелъ ту мысль, что „это торжество очень рѣдкое на Афонѣ, такъ какъ монастырь видитъ въ своихъ стѣнахъ только третьяго русскаго Архіерея“. На Аѳонѣ паломники пробыли до 17 іюня и за это время посѣтили Зографскій монастырь, Молдавскій скитъ, Лавру св. Аѳанасія, Ватопедскій монастырь, монастырь Панткраторъ (т. е. посвященный во имя Господа Вседержителя), Ильинскій скитъ, гдѣ Владыка, съ соизволенія патріарха, совершилъ обрядъ закладки храма, а затѣмъ—литургію, „Иверскій монастырь, Андреевскій скитъ, Старый или нагорный Руссикъ и др. мѣста (стр. 108—153). Въ Андреевскомъ скитѣ Преосвященный сослужилъ патріарху Іоакиму III при торжественномъ освященіи новаго храма во имя св. Апостола Андрея Первозваннаго. Съ Аѳона паломники отправились въ Яффу, при чемъ по пути сюда дѣлали остановки въ Триполи и Бейрутѣ. Послѣ встрѣчи въ Яффѣ на пароходѣ начальникомъ русской дух. миссіи въ Іерусалимѣ и другими начальствующими лицами, паломники отправились на берегъ и прослѣдовали сперва въ церковь св. Петра (стр. 189), а затѣмъ по жел. дор. въ Іерусалимъ. Вслѣдствіе порчи паровоза, происшедшей за 4 вер. до Іерусалима, паломники рѣшили тронуться впередъ пѣшкомъ“. На дорогѣ Преосвященнаго привѣтствовали депутаціи отъ патріарха и консульства, и предложили ему и его спутникамъ свои экипажи. При въѣздѣ въ городъ паломники были утѣшены встрѣчей съ Его Блаженствомъ (стр. 198). Благодаря особому распоряженію Патріарха, они, не смотря на поздній часъ, получили немедленный доступъ къ св. Гробу Господню, а затѣмъ изъ храма отправились на Русскія постройки, гдѣ и были торжественно встрѣчены всѣмъ духовенствомъ миссіи и народомъ—богомольцами. Помѣщались паломники въ новомъ подворьи православнаго Палестинскаго Общества (стр. 200). Въ Іерусалимѣ они пробыли около двухъ недѣль и осмотрѣли всѣ наиболѣе выдающіяся его достопримѣчательности. Между прочимъ, они посѣтили гору Елеонскую, у подножія которой расположены гробницы: Авессалома, Іоса-

фата, Захаріи и Іакова (стр. 213), были въ Геосиманіи и осмотрѣли погребальный вертепъ Божіей Матери (стр. 205), Геосиманскій садъ, Русскій храмъ во имя Маріи Магдалины, Вознесенскій храмъ, мечети Омара в Эль—Акса и др. мѣста. Въ Троицкомъ Соборѣ при миссіи и въ храмѣ Воскресенія Преосвященный совершалъ божественныя литургіи. Интересно впечатлѣніе, какое произвелъ святой городъ на паломниковъ. „Трудно, говоритъ одинъ изъ нихъ, передать словами то впечатлѣніе, какое производитъ впервые святой городъ. Его отчасти можетъ понять тотъ, кому, послѣ долгихъ лѣтъ странствованія по пустынѣ жизни, случилось вернуться въ тотъ родной городъ, гдѣ протекло его первое дѣтство, гдѣ зарождались его первыя чистыя желанія и зрѣли первыя искреннія и глубокія мысли. При видѣ роднаго города—пусть за прошедшее время фізіономія его и измѣнилась, къ лучшему или худшему,—сердце возвратившагося путника радостно трепещетъ. Тѣсною вереницею толпятся въ головѣ воспоминанія о минувшихъ безвозвратно золотыхъ дняхъ дѣтства, и эти воспоминанія разжигаютъ въ сердцѣ горячее пламя любви къ родному городу. Тѣ же чувства волновали грудь нашу и на улицахъ св. города; ходя по нимъ, переживали и мы лучшую пору нашей жизни, золотые дни счастливаго дѣтства, такъ какъ никогда не бываетъ такъ чиста и глубока наша вѣра, такъ близокъ къ намъ горній Іерусалимъ, какъ въ годы певиннаго дѣтства. Дитя живетъ въ сферѣ воображенія, и потому библейскія лица: Моисей, Давидъ, Іосифъ, наконецъ Христосъ для него вполне живыя лица, облеченныя плотью и кровью; онъ любитъ ихъ всею силою своего маленькаго сердца и живо представляетъ себѣ на основаніи священныхъ рассказовъ тѣ мѣста, гдѣ они жили и дѣйствовали. Проза жизни, какъ утренній морозъ, убивающій вѣжные майскіе цвѣты, ослабляетъ силу непосредственнаго, дѣтскаго религіознаго чувства. Но вотъ снова тѣ мѣста, среди которыхъ жило дѣтское воображеніе; вотъ тѣ мѣста, гдѣ дѣйствовали знакомые съ дѣтства святыя люди и просыпается въ груди подавленное жизнью дѣтски—непосредственное религіозное чувство. Пускай библейскаго Іерусалима уже нѣтъ; пусть тотъ, который мы видимъ, мало напоминаемъ библейскій,

такъ какъ предсказаніе Христа, что отъ города Давидова не останется камня на камнѣ, какъ и всѣ Его слова, сбылись съ буквальною точностью! Но сердце дрожить и при видѣ совершенно измѣнившейся родины; оно живетъ воспоминаніями далекаго прошлаго. Палестина,—это по истинѣ *страна священныхъ воспоминаній*. Правда, въ ней все за протекшіе вѣка измѣнилось, но за то все напоминаетъ о великихъ, совершившихся здѣсь священно-историческихъ событіяхъ“... (стр. 201—203). Кромѣ Іерусалима, паломники посѣтили Виолеемъ, Іерихонъ, были у Мертваго моря и „на практикѣ познакомились съ удивительными свойствами“ его воды. „Въ водѣ Мертваго моря, говоритъ одинъ изъ паломниковъ, невозможно утонуть; большихъ усилій стоитъ окунуться, тогда какъ плавать и вообще держаться на водѣ совершенно не трудно; но вкусъ ея—горько-соленый и отвратительный.. способный возбудить тошноту; температура такъ высока, что кажется принимаешь горячую ванну, а не купаешься въ морѣ на открытомъ воздухѣ. По выходѣ изъ воды, тѣло... оказалось покрытымъ маслянистою влагою, которую невозможно было совершенно смыть, и ощущался небольшой зудъ. Чтобы избавиться отъ него, надо было, по совѣту нашихъ проводниковъ, только окунуться въ прѣсную воду; поэтому мы поспѣшили къ Іордану, до котораго отъ того мѣста Мертваго моря, гдѣ мы купались, было не болѣе 3—4 версты“ (стр. 269—270). Наконецъ, паломники совершили поѣздку на Голгоѳу, были въ Сихемѣ, Самаріи, равнинѣ Эздрелонской, Назаретѣ, гдѣ между проч. посѣтили русскія школы на Фаворѣ и въ Тиверіадѣ, прокатились по Геписаретскому озеру, были въ Канѣ Галилейской и друг. мѣстахъ. 10 іюля паломники выѣхали изъ Назарета и отправились въ Яффу, а затѣмъ прослѣдовали до Одессы, куда и прибыли 27 числа.

Во время своего путешествія паломники пользовались исключительно вниманіемъ со стороны патріарховъ, которымъ они представлялись (52. 89. 133. 205 стр.), и митрополитовъ восточныхъ (стр. 177. 181), а также и со стороны другихъ лицъ, стоящихъ во главѣ различныхъ учрежденій (стр. 154. 162. 191. 201. 503 и др.) Пресса Востока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ аѳинскихъ шовинистическихъ газетъ (149 стр.),

также относилась къ паломникамъ съ достоюльнымъ вниманіемъ (стр. 353 и др.). Какъ представитель высшаго духовнаго учебнаго заведенія въ Россіи, и какъ епископъ, глава поѣздки, преосвященный Арсеній всюду привлекалъ особое вниманіе, обнаруживая рѣдкую находчивость и тактичность (стр. 25. 54. 56. 71. 75. 135. 155. 173. 180. 192. 198. 203. 353. 364. 405. 453. 459 и др.). Во всѣхъ благопотребныхъ случаяхъ преосвященный являлся выразителемъ одушевлявшихъ паломниковъ чувствъ (стр. 141. 192. 353. 469 и др.), къ инокамъ же и богомольцамъ Палестины обращался съ словомъ назиданія (7. 24. 32. 95. 124. 136. 143. 227 и др. стр.).

Уже одинъ, во всякомъ случаѣ далеко не полный, перечень мѣстъ, посѣщенныхъ паломниками, свидѣтельствуетъ, какъ много ими было осмотрѣно и какъ великъ долженъ быть интересъ описанія ихъ поѣздки!... Составители настоящаго труда были хорошо ознакомлены съ ранѣе вышедшими въ свѣтъ работами по описанію Св. Земли (33. 38. 62. 103. 114. 120. 132. 186. 189. 214 стр.), но ихъ описаніе, отличающееся совершеннымъ безпристрастіемъ (напр. стр. 160. 172.), сообщаетъ не мало новаго (стр. 44. 50 и др.) и носитъ вообще слѣды самостоятельности (217. 240. 287 и др. стр.).

Богатству содержанія соотвѣтствуетъ и прекрасное, увлекательное изложеніе. Послѣднее, при полной общедоступности, отличается живостію, образностію. Вотъ какъ, наприм., описывается здѣсь восхожденіе паломниковъ на вершину Аео-на: „нависшіе надъ тропинкою, по которой мы пробирались вереницею, вѣковые дубы, липы, яворы, защищавшіе насъ отъ палящихъ еще лучей солнца, значительно облегчали восхожденіе на гору, а открывавшіеся, почти съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ поворотомъ извивавшейся змѣйкою по хребту горъ дороги все новые и новые виды и одинъ красивѣе другого, дѣлали нашъ путь прямо очаровательнымъ. Вотъ, то идемъ мы по отвѣсу горы и подъ нами темнѣетъ бездонная пропасть, то поднимаемся на хребетъ ея и по обѣ стороны открывается чудный видъ на далекое—далекое синее море и громоздящіяся другъ на друга, причудливыя горы съ нависшими надъ безднами скалами, готовыми ежеминутно низринуться внизъ, по-

воротъ—и мы спускаемся въ горное ущелье, по дну котораго, журча, бѣжитъ горный ручеекъ; само ущелье—такое глубокое, что туда не проникаетъ никогда лучъ свѣта; здѣсь сразу вѣетъ на насъ прохладой и сыростью; проходить еще нѣсколько минутъ—и ущелье остается позади, а мы снова поднимаемся въ гору, откуда открывается новый видъ на окрестность, ярко освѣщенную солнцемъ; еще нѣсколько шаговъ, зашли за вершину одной горы, и на ту-же картину легла темная, густая тѣнь... Кругомъ—ни человѣческаго лица, ни жилья. Одна только, то роскошная, то грандіозная и суровая, но всегда безконечно красивая природа. Восторгамъ и восклицаніямъ нѣтъ конца“... (стр. 110—111). Многочисленные, большею частію оригинальные снимки, сдѣланные однимъ изъ паломниковъ и наглядно представляющіе разные мѣста „страны священныхъ воспоминаій“, еще болѣе увеличиваютъ достоинство книги.

Цѣль настоящаго изданія, по словамъ ея составителей, возбудить у читателей хотя нѣкоторую долю тѣхъ чувствованій, которыми были переполнены паломники (стр. 5). Нѣтъ сомнѣнія, что эта благая цѣль будетъ достигнута, ибо живое одушевленіе, разнообразіе впечатлѣній паломниковъ и теплота ихъ религіознаго чувства не могутъ не подѣйствовать на всякаго, кому дорога „страна священныхъ воспоминаій“... Но это изданіе, кромѣ того, можетъ обогатить не малымъ количествомъ и научныхъ свѣдѣній (стр. 239. 255. 263. 269. 307 и мн. др.).

Составленіе книги принадлежитъ спутникамъ Преосвященнаго Арсенія—студентамъ Академіи, а редактированіе и изданіе самому Владыкѣ.

Нельзя не пожелать этому прекрасному и полезному изданію широкаго распространенія.

Л. Б-овъ.

Русскій Оригенъ XIX вѣка Вл. С. Соловьевъ.

(Его философскія, богословскія и обществено-историческія произведенія, ихъ критика и опытъ выясненія общаго характера и значенія его философіи).

(Продолженіе *).

III.

Критическая литература о Соловьевѣ въ первый періодъ его дѣятельности.— Критическіе этюды: Владиславлева, Страхова, Чичерина, Лесевича, Дебольскаго.

Появленіемъ въ свѣтѣ „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“ и „Историческихъ дѣлъ философіи“—завершился первый періодъ дѣятельности Соловьева, періодъ исключительно философскій.— Для лучшаго, болѣе точнаго и вѣрнаго выясненія характера философскихъ трудовъ Соловьева, появившихся въ этомъ первомъ періодѣ его дѣятельности, намъ необходимо разсмотрѣть эти труды и ихъ значеніе съ точки зрѣнія того времени, той эпохи, когда они появились. Сдѣлать это намъ тѣмъ болѣе удобно и тѣмъ болѣе не трудно, что первыя философскія произведенія Соловьева, особенно „Кризисъ Западной философіи“ и „Критика отвлеченныхъ началъ“ вызвали, вскорѣ послѣ появленія своего въ печати, цѣлую массу критическихъ трудовъ, можно сказать, прямо создали себѣ критическую литературу: Соловьева разбираютъ представители такихъ различныхъ, прямо противоположныхъ направленій, какъ идеализмъ и позитивизмъ. Владиславлевъ, Страховъ, Козловъ, Дебольскій, Чичеринъ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 14.

Кавелинъ, Лесевичъ, однимъ словомъ, почти всѣ наши выдающіеся мыслители 70-хъ годовъ, отозвались на труды молодого философа. Да это и естественно: высоко-талантливые труды Соловьева представляли и сами по себѣ, и особенно на скудной почвѣ русской философіи, слишкомъ выдающееся явленіе, чтобы не обратить на себя вниманія всѣхъ мыслящихъ людей, и особенно лицъ, причастныхъ къ русской философіи. Такъ какъ эти критическіе труды имѣютъ глубокой интересъ въ томъ, что они своимъ указаніемъ наиболѣе характерныхъ промаховъ и ошибокъ Соловьева помогутъ намъ точнѣе выяснить слабыя и сильныя стороны, вѣрныя и невѣрныя мысли нашего философа, то мы и изложимъ, хотя кратко, наиболѣе выдающіяся изъ критическихъ произведеній о Соловьевѣ,—Первое крупное философское произведеніе Соловьева „Кризисъ Западной философіи“ появилось въ концѣ 1874 г., а уже въ началѣ 1875 г. мы видимъ въ „Журналѣ М—ва Народнаго Просвѣщенія“ разборъ Владиславлевымъ этого произведенія Соловьева.

Владиславлевъ (р. 1840 † 1890), авторъ „Логики“ „Психологіи“, стоявшій на почвѣ умѣреннаго нѣмецкаго идеализма, относится къ Соловьеву въ общемъ очень сочувственно: онъ привѣтствуетъ въ лицѣ Соловьева появленіе молодой, но серьезной философской силы: „Не заглядывая далеко въ будущее, говоритъ Владиславлевъ ¹⁾, можно сказать, что молодой и даровитый философъ имѣетъ всѣ условія, чтобы быть полезнымъ у насъ философскимъ дѣятелемъ, съ большой философской начитанностью, съ гибкоразвитымъ умомъ, имѣя только 21 годъ позади, онъ вступаетъ въ общество и литературу, очевидно, при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ: сочиненіе Соловьева есть плодъ внимательнаго изученія философскихъ ученій новаго времени и серьезной работы надъ глубокими и философскими вопросами. Указывая на то, что Соловьевъ въ своемъ трудѣ касается самыхъ разнообразныхъ философскихъ системъ, начиная съ схоластической эпохи и до послѣднихъ ученій включительно, критикъ

¹⁾ См. Журн. М—ва Народнаго Просвѣщенія. 1875 г. ч. 177 стр. 248, 259 и 270.

находить, что авторъ „Кризиса Западной философіи“ знакомъ съ главными философскими системами не по руководствамъ только, не изъ вторыхъ рукъ, но изъ первыхъ источниковъ. Итакъ, критикъ признаетъ за молодымъ авторомъ-философомъ и его произведеніемъ большія достоинства, но все же онъ находитъ и не мало недочетовъ, промаховъ и ошибокъ, и нельзя сказать, чтобы малыхъ: критикъ находитъ ошибки и большія, серьезныя. Одна изъ главныхъ ошибокъ Соловьева, по Владиславлеву, выражается въ томъ, что онъ не занялся всестороннимъ разборомъ позитивизма, хотя его сочиненіе и было направлено прежде всего противъ позитивистовъ. Владиславлевъ находитъ, что различныя направленія позитивизма остались у Соловьева недостаточно выясненными, такъ что такіе разнородные мыслители, какъ Спенсеръ, Милль и Контъ смѣшиваются въ одно направленіе. Затѣмъ, по замѣчанію критика, Соловьевъ ошибается и тогда, когда такъ рѣшительно говоритъ, что эмпирическое направленіе, существующее на Западѣ, не дастъ никакого познанія. Оно даетъ знаніе и весьма цѣнное. Анализъ душевныхъ фактовъ всего лучше сдѣланъ въ англійской эмпирической школѣ. Цѣлый рядъ обобщеній относительно природы дѣлается индукціей, т. е., методомъ, признаваемымъ эмпиристами за главный способъ познанія. Далѣе критикъ находитъ у Соловьева неправильнымъ, точнѣе поспѣшнымъ, выводъ объ односторонности обоихъ началъ Западно-Европейской философіи; эта философія еще не совершила круга своего развитія, и никто не можетъ утверждать, что всѣ возможныя направленія въ раціоналистическомъ или эмпирическомъ духѣ уже исчерпаны.—Послѣ великихъ греческихъ философскихъ системъ, эклектики могли думать, что всѣ возможныя направленія уже исчерпаны, и наблюдателю со стороны могла представиться мысль, что философія вообще отжила свой вѣкъ. И однако же мысль снова встрепенулась и по старымъ слѣдамъ Пифагора и Платона дошла до новыхъ грандіозныхъ системъ. Затѣмъ критикъ находитъ у Соловьева ошибки въ генезисѣ философскихъ направленій, напр. въ выводѣ матеріализма изъ лѣвой гегельянской, а позитивизма (Конта, Милля, Спенсера) изъ нѣмецкаго матеріализма. Критикъ находитъ, что общаго

между материализмомъ и гегельянствомъ только одна черта—объ системы монистическія, но этого слишкомъ мало, чтобы ставить ихъ въ логическую зависимость одну отъ другой. Также и позитивизмъ, тотъ именно, который имѣлъ въ виду Соловьевъ, не развился изъ материализма, но каждая форма его—французская и нѣмецкая развились вслѣдствіе мѣстныхъ условій. Критикъ считаетъ себя въ правѣ сказать по адресу разбираемаго имъ мыслителя, что гибкая и остроумная мысль автора „Кризиса Западной философіи“ навѣрно была бы въ состояніи указать переходъ отъ Конта къ Карнеаду и отъ Аристотеля къ Платону. Но, заключаетъ Владиславлевъ, это годилось бы для классификаціи системъ, но не для историческаго объясненія ихъ. Находитъ критикъ ошибки у Соловьева и въ характеристикѣ частныхъ философскихъ направленій, (напр. во взглядѣ Соловьева на схоластику, какъ на борьбу между знаніемъ и вѣрой); но въ общемъ ¹⁾, какъ мы уже видѣли по первымъ строкамъ критики Владиславлева, его отзывъ въ высшей степени сочувственный и признающій большія достоинства за трудомъ Соловьева. Этому признанію достоинства за „Кризисомъ западной философіи“ не мѣшаетъ даже и то, что критикъ видитъ въ авторѣ этого сочиненія большую зависимость отъ Гартмана, зависимость, простирающуюся на весьма многіе пункты. Критикъ убѣжденъ, что Соловьевъ хочетъ выбраться изъ-подъ вліянія Гартмана и дойти до болѣе самостоятельныхъ воззрѣній, и можетъ работать въ своемъ направленіи далѣе, и съ успѣхомъ. Владиславлевъ кончаетъ свою критику увѣренностью, что всѣ интересующіеся русскою мыслью и наукой будутъ сочувственно слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ таланта Соловьева.—Мы намѣренно привели подробности изъ критическаго отзыва Владиславлева о трудѣ Соловьева, въ тѣхъ видахъ, чтобы показать, насколько сочувственно отнесся къ молодому философу одинъ изъ наиболѣе безпристрастныхъ его современниковъ, мыслитель сходнаго съ нимъ идеалистическаго направленія.

¹⁾ „Итъ въ мірѣ сочиненія, говоритъ Владиславлевъ, которое было бы безъ промаховъ, и присутствіе ихъ нимаго не ровняетъ труда, имѣющаго внутреннія глубокія достоинства“ (Жур. М. Н. Пр. ч. 177, стр. 271).

Но и другіе представители идеализма того времени отнеслись къ Соловьеву также сочувственно, такъ напр. извѣстный философъ, критикъ и публицистъ Н. Н. Страховъ ¹⁾, (р. 1828 г. † 1896), впоследствии столь ярый и сильный противникъ Соловьева (по вопросу о самобытности русской культуры и значеніи книги Данилевскаго: Россія и Европа). Въ своей статьѣ критикъ сперва указываетъ отрицательныя стороны труда Соловьева; прежде всего то, что Соловьевъ неправильно представляетъ себѣ процессъ развитія въ западной Европѣ отвлеченныхъ началъ. Соловьевъ думаетъ, что умы западной Европы сознательно увлекались извѣстными началами, что они строго логически проводили принципы извѣстной философской системы. Критикъ находитъ, что признать это никакъ нельзя: состояніе умовъ извѣстной эпохи нельзя опредѣлять, какъ исповѣданіе опредѣленнаго ученія, скорѣе въ состояніи умовъ должно видѣть извѣстнаго рода настроеніе, или направленіе, находящее себѣ исходъ въ разнообразныхъ понятіяхъ. Такъ и въ эпоху 70-хъ годовъ, т. е., въ эпоху появленія разбираемыхъ критикомъ произведеній Соловьева, господствовалъ не только позитивизмъ, но и чистый эмпиризмъ, и даже имѣетъ значеніе—материализмъ. Отличать эти направленія необходимо и критикъ находитъ, что Соловьевъ недостаточно разграничилъ эти направленія. Главный предметъ „Кризиса западной философіи“ критикъ видитъ въ разъясненіи кризиса, совершеннаго Шопенгауэромъ, вновь выдвинувшимъ на сцену вопросъ о необходимости метафизики и этики своимъ философскимъ разъясненіемъ, что для сердца человѣческаго міръ не есть однообразный потокъ необходимости, онъ есть міръ, какъ воля,— и потому онъ есть предметъ любви или отвращенія, восторга или ужаса. По Шопенгауэру міръ есть нѣчто живое, и въ этой жизни нужно искать корня и смысла cadaго бытія и явленія; мы подчинены и въ разсужденіи разума, какъ и во всемъ другомъ, таинственной сущности—„всеединой волѣ“.

¹⁾ Н. Н. Страховъ: „Исторія и критика философіи“ Жур. М. Н. П. 1881 г., I ч. Статья эта появилась тогда, когда вышли и другія главныя сочиненія Соловьева („Критика отвлеч. началъ“ и „Филос. начала цѣльнаго знанія“), но Страховъ касается въ своей статьѣ преимущественно перваго сочиненія Соловьева.

Критикъ находитъ, что въ сравненіи съ Шопенгауэромъ, представляющимъ такія глубокія мысли, Гартманъ является карикатурою, жалкимъ слѣпцомъ, никогда не доходящимъ до сущности дѣла, а между тѣмъ Соловьевъ, наоборотъ, возвеличилъ Гартмана, въ ущербъ Шопенгауэру, и въ томъ критикъ видитъ промахъ со стороны Соловьева. Другая ошибка Соловьева, по Страхову, въ томъ, что онъ говоритъ о развитіи и кризисѣ западной философіи, какъ чего-то единого. Въ этомъ критикъ видитъ то же гипостазированіе понятій, которое самъ Соловьевъ въ другихъ случаяхъ считаетъ неправильнымъ. Критикъ находитъ, что гораздо правильнѣе разсматривать отдѣльно нѣмецкую, англійскую, французскую философію. Въ заключеніе своей критической статьи Страховъ говоритъ, что онъ въ общемъ глубоко сочувствуетъ направленію автора „Кризиса Западной философіи“ и считаетъ очень важною его мысль о великомъ значеніи философскаго ученія, основаннаго Шопенгауэромъ.

Итакъ мы видимъ, что и Страховъ,—другой представитель русской идеалистической мысли, отнесся къ Соловьеву сочувственно.

Совершенно иначе отнеслись къ трудамъ Соловьева представители другого, противоположнаго ему направленія—позитивнаго. Лесевичъ (р. 1837 г.), одинъ изъ наиболѣе яркихъ представителей этого направленія¹⁾, въ своей критикѣ „Кризиса Западной философіи“ рѣшительно не признаетъ за Соловьевымъ никакихъ достоинствъ. Онъ видитъ у автора крайнее смѣшеніе понятій, выразившееся, прежде всего, въ самомъ заглавіи сочиненія. Полное заглавіе произведенія Соловьева, какъ извѣстно, такое: „Кризисъ Западной философіи противъ позитивистовъ“. Лесевичъ и дѣлаетъ такое возраженіе: если факты, представленные Соловьевымъ, вѣрны, если западное человечество, такъ недавно подчиненное господству позитивизма, обратилось теперь къ философіи Гартмана и вообще къ метафизикѣ, которая имѣетъ принудительное значеніе для человеческого ума, то, значитъ, кризисъ былъ пережить не западною

¹⁾ См. ст. Лесевича: „Какъ иногда пишутся диссертации“ (Отечественныя Записки, 1875, 1 кн.).

философією, а позитивизмомъ; и слѣдовательно, данное Соловьевымъ своему сочиненію заглавіе неправильно и свидѣтельствуешь о такомъ смѣшеніи понятій, которое относится не къ какой нибудь частности избраннаго авторомъ вопроса, а къ общей его постановкѣ.—Еще болѣе несостоятельнымъ находитъ Лесевичъ утвержденіе Соловьева, что успѣхъ философіи Гартмана принципиально разрѣшаетъ вопросъ о принудительности для ума метафизики, какъ будто философскіе вопросы могутъ рѣшаться большинствомъ голосовъ, или „успѣхомъ“ извѣстныхъ направленій. Лесевичъ по этому поводу иронически говоритъ по адресу Соловьева, что было то время, когда большинство считало идею о центральномъ положеніи земли во вселенной аксіомой, и однако эта идея была отринута лишь однимъ человѣкомъ; слѣдовательно, опираться на большинство слишкомъ не научно. Далѣе Лесевичъ указываетъ на то, что Соловьевъ совсѣмъ не понимаетъ Конта, когда говоритъ, будто Контъ утверждаетъ невозможность появленія новыхъ метафизическихъ системъ послѣ „провозглашенія позитивной философіи“. Но, говоритъ Лесевичъ, идеямъ Конта нисколько не противорѣчитъ не только появленіе философіи безсознательнаго, но даже и появленіе алхиміи. Критикъ находитъ, что Гартманомъ увлекаются тѣ, которые были совершенно чужды позитивизму и научному направленію, которые даже можетъ быть не знали о существованіи позитивизма; и потому, заключаетъ критикъ, никакого кризиса въ западной философіи противъ позитивистовъ нѣтъ,—его выдумалъ Соловьевъ. Но Соловьевъ мало того, что выдумалъ небывалый кризисъ, онъ еще старается увѣрить читателей, что кромѣ кризиса въ умственной жизни Запада ничего и не происходитъ. Въ этомъ Лесевичъ опять видитъ выдумку Соловьева. Указываетъ Лесевичъ у Соловьева и частные крупные недочеты. Такъ, указаніе Соловьева на то, что у Гартмана встрѣчается соединеніе индуктивно-научнаго метода съ умозрительными выводами, Лесевичъ находитъ наивнымъ и несостоящимъ опроверженіемъ: никакой истинно научной индукціи у Гартмана нѣтъ, и врядъ ли, говоритъ критикъ, существуетъ въ наше время другая книга, въ которой собранный въ кучу

естественно-научный матеріалъ былъ бы поставленъ въ такое рѣзкое противорѣчіе со всѣми основоположеніями индуктивнаго метода, какъ въ произведеніи Гартмана. Невѣрно, по заявленію критика, понимаетъ Соловьевъ Гартмана и въ томъ случаѣ, когда приписываетъ ему идеи, тождественныя съ идеями христіанскими, такъ какъ Гартмана по справедливости должно считать однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ и явныхъ враговъ христіанства. Невѣрно также понимаетъ Соловьевъ и самый позитивизмъ: такого позитивизма, какой воображается Соловьеву, не существуетъ. Подводя общій итогъ значенію сочиненія Соловьева, Лесевичъ находитъ, что главная задача и основная мысль диссертациі Соловьева сводится къ нулю, а научно-философскіе приемы Соловьева носятъ характеръ „суздальства“.

Мы привели три наиболѣе характерныхъ отзыва о первомъ произведеніи Соловьева—представителей идеализма и позитивизма. Мы видѣли, насколько первое направленіе отнеслось къ Соловьеву сочувственно, настолько второе—враждебно и пренебрежительно. Собственно для уясненія взглядовъ Соловьева всѣ эти три критическіе этюда (Владиславлева, Страхова и Лесевича, и особенно послѣдняго) мало даютъ новаго; гораздо болѣе въ этомъ отношеніи даютъ критическіе очерки другихъ, изъ перечисленныхъ нами выше, критиковъ Соловьева, именно, Чичерина, Дебольскаго. Эти критики въ своемъ разборѣ касаются не перваго труда Соловьева, а второго—„Критики Отвлеченныхъ Началъ“. Сперва мы займемся обзоромъ критики Чичерина.

Чичеринъ посвятилъ „Критикѣ Отвлеч. Началъ“ цѣлую книгу въ 196 стр. (Мистицизмъ въ наукѣ, Москва 1880 г.).

Чичеринъ находитъ, что книга Соловьева не должна пройти незамѣченной. Прежде всего, она свидѣтельствуетъ о пробужденіи въ русскомъ обществѣ философской мысли и въ этомъ отношеніи уже составляетъ отрадное явленіе въ русской литературѣ. Она свидѣтельствуетъ и о философскихъ способностяхъ автора. Въмѣсто ограниченнаго невѣжества позитивистовъ, вмѣсто того хаоса, который столь часто господствуетъ въ умахъ людей, не прошедшихъ черезъ философскую

школу, критикъ находитъ въ разбираемомъ имъ философѣ широкое пониманіе высшихъ задачъ человѣческаго ума, умѣнье обращаться съ отвлеченными вопросами, наконецъ обдуманное, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ еще созрѣвшее возрѣніе на міръ и на жизнь. Въ общемъ Чичеринъ находитъ, что Соловьевъ принадлежитъ къ разряду недюжинныхъ умовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ критикъ находитъ, что выводы Соловьева своею парадоксальностью могутъ напугать многихъ и обратиться въ оружіе противъ самой философіи, какъ науки; если философъ даетъ намъ выводы, которые не оправдываются логикой и идутъ наперекоръ фактамъ, то онъ подрываетъ собственное дѣло; вмѣсто того, чтобы привлекать, онъ отталкиваетъ и даетъ оружіе противъ самого себя. Задача критики въ этомъ случаѣ, говоритъ Чичеринъ, заключается въ томъ, чтобы указать на эти недостатки и отдѣлить чисто личные мнѣнія автора отъ того, что можетъ быть допущено строгою наукою. Философія не должна страдать за неосмотрительность своихъ поклонниковъ. При такой только научной оцѣнкѣ, пробужденіе въ обществѣ философской мысли можетъ повести къ плодотворнымъ результатамъ. Указавши, что цѣль Соловьева состоитъ въ томъ, чтобы путемъ критики одностороннихъ отрицательныхъ началъ содѣйствовать достиженію того великаго синтеза, къ которому идетъ человѣчество, осуществленію положительнаго всеединства въ жизни, знаніи и творествѣ, Чичеринъ обращаетъ вниманіе на то, что эпитетъ „отрицательный“ въ терминологіи Соловьева обозначаетъ не столько свойство самаго предмета, сколько отрицательное отношеніе къ нему автора—Соловьева. Изслѣдуя опредѣленіе Соловьевымъ „отвлеченныхъ началъ“, критикъ находитъ, что авторъ не правъ, разумѣя подъ „отвлеченными началами“ не только одну науку въ различныхъ ея формахъ, какъ умозрѣніе и опытъ, но также и начала, управляющія человѣческою дѣятельностью въ чистой практической сферѣ, въ промышленности, въ государствѣ, и оставляя жизненный характеръ за одной только религіей. Это критикъ находитъ нелѣпымъ. Очевидно, говоритъ онъ, Соловьевъ не совсѣмъ выяснилъ себѣ объема своихъ опредѣленій: поставивъ себѣ цѣлью верховный синтезъ, Соло-

вьевъ пренебрегъ необходимымъ при этомъ анализомъ. Слѣдя шагъ за шагомъ за разборомъ Соловьевымъ „отвлеченныхъ началъ“, Чичеринъ находитъ, что Соловьевъ сдѣлалъ слишкомъ много уступокъ эмпиризму, когда онъ напр. признаетъ, что въ общемъ принципъ эвдемонизма, полагающаго нормальную цѣль человѣческой жизни въ удовольствіи или счастьи, вѣренъ. Но, говоритъ критикъ, такой великій философъ, какъ Кантъ, нисколько не признавалъ стремленія къ счастью нормальною цѣлью человѣческой дѣятельности; и еще въ Греціи существовало изреченіе: „удовольствіе—цѣль—правило распутной женщины“; слѣдовательно, Соловьевъ и въ исторіи мысли могъ бы найти основанія не дѣлать такъ скоро уступокъ эвдемонизму.

Неправильное мнѣніе, по заявленію критика, допускаетъ Соловьевъ и тогда, когда дѣлаетъ Шопенгауэра представителемъ эмпирическаго воззрѣнія въ дѣлѣ нравственности, тогда какъ въ дѣйствительности, эмпирическія данныя у Шопенгауэра служатъ лишь точкою исхода для чисто метафизическаго объясненія нравственности; въ этомъ случаѣ Чичеринъ видитъ у Соловьева смѣшеніе критики эмпирическихъ воззрѣній въ нравственности съ критикою ея метафизическихъ началъ. Несостоятельно, да и не вполне выяснено также воззрѣніе Соловьева на отношеніе нравственнаго начала къ метафизическому понятію о единствѣ субстанціи, каковое понятіе лежитъ въ основаніи всей системы Шопенгауэра, а между тѣмъ выясненіе этого вопроса критикъ находитъ въ высшей степени важнымъ для собственнаго воззрѣнія Соловьева, такъ какъ онъ признаетъ единство субстанціи за несомнѣнную истину.—Несостоятельнымъ находитъ критикъ и воззрѣніе Соловьева на гетерономию или чужезаконность воли, какъ источникъ страданія. Такое воззрѣніе согласно съ системою Шопенгауэра, но вовсе не согласно съ опытомъ каждаго здравогомыслящаго человѣка, который знаетъ, что сведеніе страданій къ гетерономіи воли рѣшительно ни на чемъ не основано. Неправильны и односторонни воззрѣнія Соловьева на свободу воли, отнесеніе ея къ области умопостигаемаго характера. Если бы дѣйствительно способность дѣйствовать по нравственному принципу

зависѣла не отъ доброй воли каждаго лица, а отъ необходимаго характера того или другого, то нравственный законъ не имѣлъ бы смысла, не имѣли бы смысла ни понятія о вмѣняемости, о винѣ, о заслугѣ,—ни раскаяніе, ни всѣ тѣ нравственныя начала и чувства, которыми люди руководятся въ своей ежедневной земной жизни, а не только въ области мечтаній.

Переходя къ анализу этики объективной, Чичеринъ также усматриваетъ у Соловьева не мало погрѣшностей, и еще болѣе крупныхъ, чѣмъ въ этикѣ субъективной. Такъ, совершенно не вѣрно представленіе Соловьева о социализмѣ, будто это ученіе руководится исключительно экономическими, матеріальными началами. Напротивъ, критикъ находитъ, что грѣхъ социализма состоитъ вовсе не въ томъ, что онъ отвергаетъ нравственныя начала и ограничиваетъ цѣли человѣка матеріальнымъ благосостояніемъ, а, напротивъ, въ томъ, что онъ, подобно Соловьеву, хочетъ подчинить нравственнымъ началамъ всю экономическую сферу, а это прямо ведетъ къ уничтоженію свободы человѣка. Затѣмъ, неправильно Соловьевъ понимаетъ социализмъ и въ томъ отношеніи, что представляетъ его результатомъ, плодомъ развитія Западной Европы, на самомъ же дѣлѣ социализмъ представляетъ собою не результатъ, а протестъ противъ этого развитія. Особенно Чичеринъ нападаетъ на то, что Соловьевъ отрицаетъ у государства принципъ общей пользы. „Нужна значительная доля ложной, логической казуистики, говоритъ критикъ (74 стр.), чтобы отрицать возможность существованія общей пользы на томъ только основаніи, что въ государствѣ частныя интересы противорѣчатъ другъ другу. Сама логика говоритъ намъ, что различія не исключаютъ единства, также и наоборотъ единство не исключаетъ различій. И если Соловьевъ вопреки логикѣ, вопреки фактамъ, вопреки наукѣ, вопреки, наконецъ, здравому смыслу, утверждаетъ, что общая польза есть призракъ, и что государство можетъ только разграничивать интересы, мѣшая имъ вредить другъ другу, а отнюдь не содѣйствуетъ имъ положительнымъ образомъ, ¹⁾ то

¹⁾ Въ „Оправданіи Добра“, какъ мы увидимъ, Соловьевъ взмѣнилъ свой взглядъ на государство и отчасти въ направленіи, указанномъ Чичеринимъ.

это потому, что безъ такого утвержденія вся схема Соловьева должна рушиться“.

Ратуя противъ отвлеченныхъ началъ, и стараясь свести ихъ къ единству мистической основы, Соловьевъ, по заявленію критика, вездѣ изобрѣтаетъ несуществующія отвлеченія. Не находя въ дѣйствительности соотвѣтствія своимъ измышленіямъ, онъ закрываетъ глаза на дѣйствительность, отвертывается отъ теоріи государственнаго права и ратуетъ противъ какого-то, никогда не существовавшего и никѣмъ не признаннаго отвлеченно-юридическаго государства, доказывая всю его несостоятельность и требуя отъ него, чтобы оно добровольно возвратилось въ лоно Церкви и низвело себя на степень простого орудія для исполненія указанныхъ ему свыше цѣлей. Но такая философія, говоритъ критикъ. (76 стр.), не что иное, какъ воздушный замокъ, который можетъ служить развѣ только печальнымъ примѣромъ тѣхъ несообразностей, до которыхъ могутъ доходить передовые умы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ оружіемъ противъ философіи въ рукахъ людей, которые видятъ въ ней только пустословіе и считаютъ ее ветошью, давно сданною въ архивъ. Критикъ находитъ, что въ общемъ Соловьевъ къ общественнымъ вопросамъ относится съ излишнею легкостью, когда онъ напр., не только, подобно средневѣковымъ католическимъ богословамъ, подчиняетъ государство Церкви, но хочетъ даже подчинить нравственнымъ началамъ и всю область экономическихъ отношеній, чрезъ что онъ и становится на почву отвергаемаго имъ социализма. Но если бы осуществился мечтательный идеалъ Соловьева, если бы вся экономическая дѣятельность служила лишь высшему мотиву любви, и право пользованія матеріальными благами обуславливалось степенью индивидуальнаго достоинства, то въ такомъ случаѣ, говоритъ критикъ, добродѣтель сдѣлалась бы самымъ вѣрнымъ расчетомъ, единственнымъ средствомъ для полученія денегъ. Критикъ находитъ, что такія по истинѣ дѣтскія мечтанія не стоятъ и опровергать серьезно: „Соловьевъ, очевидно, весьма мало знакомый съ общественными науками, и не подозреваетъ даже того, что его теорія свободной теократіи прямо ведетъ къ уничтоженію труда, собственности, семейства, однимъ словомъ,

къ испроверженію всѣхъ основъ гражданскаго общества, всѣхъ гарантій личной свободы и къ водворенію самой неслыханной тиранніи, которая когда либо существовала“ (94 стр.).

Коренная ошибка міровоззрѣнія Соловьева, по заявленію критика, въ томъ, что онъ, ратуя противъ отвлеченныхъ началъ, самъ впалъ въ діалектическое извращеніе отвлеченныхъ началъ. Отсюда у него коренныя противорѣчія въ самомъ понятіи главной, центральной въ его міровоззрѣніи идеи,—идеи всеединства. Если бы эта идея ограничивалась, какъ думаетъ Соловьевъ, одною сферою нравственности, то, говоритъ критикъ, физическая природа не только не имѣла бы никакого повода существовать, но ей и неоткуда было бы взяться: все ограничивалось бы нравственнымъ міромъ безплотныхъ духовъ. А это опять противорѣчитъ—и самымъ крайнимъ образомъ дѣйствительности. Кончая критику этической части книги Соловьева, Чичеринъ говоритъ, что начала объективной этики Соловьева не имѣютъ значенія для науки.

Переходя къ гносеологической части сочиненія Соловьева, критикъ въ ней еще болѣе находитъ недостатковъ и промаховъ. Такъ, онъ, прежде всего, останавливается на опредѣленіи Соловьевымъ истины, какъ того, „что есть“. „Признаемся, говоритъ критикъ ¹⁾, мы совершенно не можемъ понять, какимъ образомъ такой философскій умъ, какимъ обладаетъ Соловьевъ, можетъ серьезно заниматься такою схоластическою софистикою. Для философіи всего важнѣе правильное установленіе понятій и раскрытіе взаимной ихъ связи, но для этого прежде всего необходимы точность и ясность опредѣленій. Если же понятія замѣняются словами и затѣмъ съ помощью двусмысленности словъ въ выводѣ оказывается то, чего вовсе не было въ посылкѣ, то это будетъ не философія, а какая-то, даже не логическая, а просто словесная фантазмагорія, которая всего болѣе способна подорвать довѣріе къ философіи“. Невѣрно, даже болѣе того, прямо нелѣпо опредѣленіе Соловьевымъ разума, какъ „соотношенія безъ соотносящихся“. Можетъ быть, это и истина, говоритъ критикъ ²⁾, но, очевидно, истина, добытая

¹⁾ Ib. 102—103 стр.

²⁾ Ib. 108 и слѣд. стр.

особымъ, мистическимъ путемъ, а простому разумѣнію совершенно непонятная, такъ какъ здравый разумъ твердо убѣжденъ, что гдѣ есть соотношеніе, тамъ есть и соотносящіяся, вслѣдствіе чего, если мы въ разумѣ находимъ соотношенія, то мы въ немъ же должны найти и соотносящихся.

Неправильны, по мнѣнію критика, и историко-философскіе взгляды Соловьева; такъ, совсѣмъ невѣрно его утверждение, что послѣднимъ положеніемъ реализма является такое: „все есть явленіе“. Реализмъ даже въ той формѣ, которая не идетъ далѣе явленій, говоритъ только: мы познаемъ одни явленія, ибо они одни даются намъ опытомъ; сущности же вещей мы познавать не можемъ, ибо она выходитъ изъ предѣловъ опыта. Но реализмъ никогда не отвергалъ ни существованія вещей, ни существованія субъектовъ. Точно также и раціонализмъ не говоритъ: все есть только понятіе, т. е., извѣстное умственное отношеніе безъ относящихся. Самый субъективный изъ отвлеченныхъ философовъ, Фихте, и тотъ выводилъ весь міръ понятій изъ противоположенія субъекта объекту. Неправильно и необоснованно также отрицаніе Соловьевымъ эмпиризма и раціонализма: я могу имѣть понятіе о предметѣ только чрезъ его отношеніе ко мнѣ, и для того, чтобы изъ этого отношенія сдѣлать заключеніе о самомъ предметѣ, я долженъ въ себѣ самомъ имѣть критерій, посредствомъ котораго я могъ бы испытать правильность этого отношенія и различать въ немъ истинное отъ ложнаго. Предполагать же, что мы можемъ имѣть понятіе о предметѣ помимо его отношенія къ намъ, и на этомъ основаніи отвергать равно и умозрѣніе, и опытъ, какъ пустыя отношенія, не заключающія въ себѣ никакой истины, значитъ, по критику, отречься отъ всякой логики и заграждать себѣ путь ко всякому познанію. Чичеринъ находитъ, что, по самому существу дѣла, единственно истинная философія есть раціонализмъ; и потому тотъ, кто ссылается на непосредственное чувство, не имѣетъ права философствовать, а если онъ философствуетъ, то не долженъ ссылаться на непосредственное чувство. Отсюда же критикъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что всякая попытка замѣнить въ наукѣ раціональное начало мистическимъ должна быть отвергнута, какъ основанная на смѣшеніи понятій. Да и

замѣнить рационализмъ другимъ началомъ, по критикѣ, и нельзя: всякое, претендующее на „философское“, объясненіе явленій міра, въ сущности сводится къ рациональному же. Подтвержденіе этому критикъ видитъ въ самомъ же Соловьевѣ, который въ своемъ полномъ опредѣленіи истины: „истина есть сущее вссединое“, въ сущности возстановляетъ отвергнутый имъ рационализмъ, въ самой его острой формѣ—спинозизма.

Что касается опредѣленія абсолютнаго, какъ „ничто и все“, ничто, поскольку оно не есть что нибудь, и все, поскольку оно не можетъ быть лишено чего нибудь, то критикъ пахочитъ, что здѣсь мы погружаемся въ безграничное чувство, въ которомъ нѣтъ ни образа, ни отношенія, и въ которомъ мы, вмѣсто воспріятія абсолютнаго, не находимъ ничего, кромѣ хаоса смутныхъ и противорѣчащихъ другъ другу представленій. Соловьевъ считаетъ несомнѣннымъ фактомъ, что у всѣхъ людей существуетъ это внутреннее безразличное состояніе, въ которомъ сущее открывається, какъ безусловно единое и свободное отъ всѣхъ опредѣленій. Критикъ же говоритъ, что онъ никогда ничего подобнаго въ себѣ не ощущалъ и не встрѣчалъ еще ни одного человѣка, отъ котораго могъ бы узнать о такомомъ его состояніи; слѣдовательно, придется допустить, что это спеціальность немногихъ; обыкновенные же люди, вмѣсто непосредственнаго воспріятія тѣхъ или другихъ логическихъ или антилогическихъ опредѣленій абсолютнаго, принуждены бываютъ довольствоваться тѣмъ, что имъ указываетъ разумъ, или чему ихъ учитъ религія.

Совершенно неосновательнымъ находитъ критикъ и воззрѣніе Соловьева на второе абсолютное (душу міра), становящееся всеединство. Логически невозможно, говоритъ критикъ, допустить, чтобы въ абсолютномъ, которое есть само всецѣлое, полное и завершенное, была бы еще возможность чего нибудь другого, и притомъ такого другого, которое въ первомъ абсолютномъ не осуществимо, а должно осуществиться въ чемъ-то, внѣ его сущемъ. Но такое допущеніе другого (или перво-матеріи) вполне противорѣчитъ понятію перваго абсолютнаго, какъ безусловно полнаго и всесовершеннаго, съ одной стороны, и какъ сущаго единого и всего—съ другой стороны.

Разбирая далѣе представленіе Соловьева о душѣ міра, какъ становящемся всеединствѣ, Чичеринъ подчеркиваетъ здѣсь зависимость философскихъ воззрѣній Соловьева отъ Шеллинга, но то, что у Шеллинга имѣло извѣстный смыслъ, то, говоритъ критикъ¹⁾, у Соловьева рѣшительно не имѣетъ никакого смысла. Такъ, выраженіе Соловьева, что въ сознаніи: „я есмь“—сущій „я“ утверждаетъ себя, какъ единое во всемъ, и что это „я“ есть все, потому что оно отъ всего отличается,—это выраженіе, говоритъ критикъ, для меня то же, что приведенный Миллемъ примѣръ середины между положительнымъ и отрицательнымъ сужденіемъ: абракадабра есть второе намѣреніе.—Если слова имѣютъ смыслъ, то быть всѣмъ значитъ совмѣщать въ себѣ все, что, конечно, для существа ограниченнаго—немыслимо; быть же всѣмъ идеально, т. е., только въ своемъ воображеніи, свойственно лишь сумасшедшему. Утверждать же, что человѣкъ реально становится всѣмъ—значитъ допускать, что когда нибудь человѣкъ можетъ сдѣлаться единымъ вѣчнымъ, Абсолютнымъ Богомъ, что конечно прямо уже не только нелѣпо, но и нечестиво. Однимъ словомъ, заключаетъ критикъ (134 ст.), куда ни обернись, вездѣ предъ глазами открывается такая бездна премудрости, что всякое человѣческое пониманіе тутъ исчезаетъ. Непосвященному въ эти таинства остается только почтительно преклонить голову и молча пройти мимо этого священнодѣйствія, какъ недостойному принять въ немъ участіе.

Переходя къ центральному пункту философіи Соловьева, къ ученію о мистическомъ знаніи (вѣрѣ), какъ критерию и основѣ всякаго познанія, критикъ и здѣсь видитъ существенныя погрѣшности, именно критикъ, въ мистической теоріи познанія Соловьева, находитъ своеобразное сочетаніе теоріи непосредственнаго чувства Якоби съ отвлеченно-логическими воззрѣніями Спинозы. Соловьевъ въ своей теоріи лишь развилъ это сочетаніе до крайнихъ предѣловъ, и тѣмъ самымъ обнаружилъ на яву промахъ своей системы. Такъ, уже въ вопросѣ о критериіи, усматривая этотъ критерій въ мистическомъ чувствѣ

1) 133 стр.

или вѣрѣ, Соловьевъ допускаетъ существенную ошибку. Критерій этотъ мы получаемъ во взаимной провѣркѣ однихъ чувствъ другими, а также въ провѣркѣ опыта умозрѣніемъ и наоборотъ. Соловьевъ же утверждаетъ, что опытъ и умозрѣніе не даютъ намъ этого критерія. Но его коренная ошибка въ томъ, что онъ беретъ опытъ и умозрѣніе въ ихъ раздѣльности. Первый въ этомъ видѣ заключаетъ въ себѣ только логическія категоріи, второй—только разрозненныя субъективныя ощущенія. Въмѣсто того, чтобы связать эти начала и тѣмъ восполнить ихъ одно другимъ, какъ то требуется опытомъ, логикой и наукой, Соловьевъ отвергаетъ ихъ, какъ одностороннія, и признаетъ третье начало, которое никому не извѣстно, ибо оно предшествуетъ всякому сознанію, начало, которое намъ не дается ни опытомъ, ни логикой, ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ чувствомъ, которое лишено не только разумнаго, но даже и неразумнаго основанія, и которое вдобавокъ само себѣ противорѣчитъ и доводитъ до нелѣпостей. Такъ, мысль Соловьева о томъ, что увѣренность человѣка въ существованіи всякаго внѣшняго ощущаемаго имъ предмета основана единственно на внутреннемъ единеніи съ этимъ предметомъ, какъ съ безусловнымъ существомъ, критикъ находитъ самой чудовищной фантазіей. Въ такомъ случаѣ пришлось бы признавать безусловнымъ существомъ всякій отдѣльный предметъ, хотя бы кусокъ мяса, который я ѣмъ. Но, заключаетъ критикъ (143 ст.), даже и философская послѣдовательность должна имѣть свои границы въ построеніи воздушныхъ замковъ. Я съѣлъ этотъ кусокъ—и независимое его существованіе прекратилось: воображаемое взаимодѣйствіе я замѣнилъ дѣйствительнымъ, чѣмъ и доказалъ, что моя увѣренность въ существованіи означеннаго предмета основана единственно на томъ, что видитъ мой глазъ и чего требуетъ мой желудокъ.

Совершенно несостоятельною и страдающею большими внутренними несообразностями находитъ критикъ и теорію Соловьева о мистическомъ взаимодѣйствіи идей, посредствомъ котораго (взаимодѣйствія) мы можемъ познавать вещи. Критикъ находитъ, что объ идеяхъ можно говорить лишь какъ о мыслимыхъ формахъ вещей, но въ такомъ случаѣ онѣ носятъ общій

характеръ, не выражающій собою сущности отдѣльнаго предмета. Приписывать же разуму прирожденныя идеи всѣхъ отдѣльныхъ вещей, напр. всѣхъ тарелокъ, когда либо сдѣланныхъ на фабрикахъ, или всѣхъ кусковъ, когда либо приготовленныхъ въ кухняхъ, критикъ находитъ нелѣпостью, не стоящею опроверженія.

Указывая всѣ односторонности, и прямо нелѣпости, до которыхъ доводитъ Соловьевъ послѣдовательное развитіе своей теоріи, критикъ находитъ, что, съ другой стороны, Соловьевъ, при окончательномъ синтезѣ всѣхъ элементовъ познанія, не остается вѣренъ самъ себѣ. Признавши мистическое знаніе за единственное знаніе, которое даетъ намъ полную дѣйствительность предмета, онъ вдругъ объявляетъ, что этому знанію недостаетъ именно дѣйствительности, вслѣдствіе чего оно должно быть восполнено опытомъ и логикою.—„Истина, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не можетъ опредѣляться, какъ только догматъ вѣры, но и какъ фактъ опыта, и какъ мысль разума“. Но если такъ, замѣчаетъ критикъ, то этимъ признаніемъ Соловьева отвергается все предъидущее, гдѣ доказывалось, что въ мистическомъ знаніи заключается полнота истины.

Касаясь, къ концѣ своей критики, разбора теоріи свободной теософіи,—Чичеринъ говоритъ, что эта мнимо свободная теософія Соловьева накладываетъ руку на всю умственную жизнь чловека, какъ свободная теократія сковываетъ всю его внѣшнюю жизнь.—Гдѣ останется мѣсто, спрашиваетъ критикъ (148 стр.), для свободнаго и научнаго изслѣдованія, когда мистика должна господствовать не только въ области высшихъ религіозныхъ истинъ, но и во всей области знанія, ибо вездѣ истина получается единственно чрезъ какое-то смутное, никому не вѣдомое и не подлежащее научному изслѣдованію, взаимодействіе съ безусловнымъ бытіемъ и съ безусловной сущностью всѣхъ вещей. Вѣра для науки, говоритъ критикъ, составляетъ предметъ изслѣдованія, а не источникъ знанія. Но такъ какъ вѣра заключаетъ въ себѣ истину, то разумъ, испытывая ее, необходимо долженъ признать эту истину. Для этого ему не нужно отрекаться отъ себя, отдавать себя въ чужія руки, принимать чужой законъ,—это дѣлаетъ только разумъ младенческой;

нѣтъ, ему нужно лишь мужественно идти впередъ, сознавая собственную силу и оставаясь въ твердой увѣренности, что рано или поздно онъ достигнетъ вождельной цѣли, т. е., полного согласія съ объективнымъ міромъ, какъ съ тѣмъ, который лежитъ подъ нимъ, такъ и съ тѣмъ, который возвышается надъ нимъ. Божественное Слово есть свѣтъ, озаряющій вселенную, а человѣческой разумъ — отраженіе Божественнаго Слова, есть свѣтъ, озаряющій всю область человѣческаго вѣдѣнія (149 стр.).

Въ концѣ своей книги Чичеринъ разбираетъ приложение къ „Критикѣ отвлеч. началъ“—„Законъ историческаго развитія“¹⁾. Здѣсь Чичеринъ особенно подчеркиваетъ неосновательность и фантастичность славянофильскихъ мечтаній Соловьева. Нѣтъ никакихъ основаній думать, говоритъ критикъ²⁾, что западно-европейская цивилизація совершила свое развитіе. Критикъ, вопреки Соловьеву, находитъ, что въ лицѣ западноевропейцевъ предъ нами стоятъ не дряхлые, потерявшіе способность къ дальнѣйшему движенію, народы, а могучія силы, смѣло идущія впередъ, энергично пробивающія новые пути. — Совершенно также не основательны и мечты Соловьева, заимствуемая имъ у славянофиловъ о мессіанскомъ значеніи русскаго народа по отношенію къ западной Европѣ. Но эти мечты критикъ находитъ страшно претенціозными и ни на чемъ не основанными. Съ какимъ горькимъ чувствомъ, говоритъ критикъ (188—189), долженъ просвѣщенный русскій человѣкъ, принимающій къ сердцу высшіе интересы и нравственное достоинство своего отечества, смотрѣть на молодого русскаго ученаго, который, превозносясь своимъ, только что вчера зародившимся, научнымъ сознаниемъ, обращается къ старымъ западнымъ народамъ съ такою рѣчью: „вы въ теченіе многихъ вѣковъ работали неутомимо, стараясь пробивать для мысли новые пути; вы извѣдали законы неба и земли, вы сдѣлали изумительныя открытія и покорили природу цѣлямъ че-

1) Въ „Законъ историческаго развитія“ вопли тѣ самыя мысли, которыя прежде были высказаны Соловьевымъ въ „Философ. началахъ цѣльнаго знанія“, въ главѣ, трактующей объ этомъ же вопросѣ.

2) Ib. 172 стр. и слѣд.

ловѣка; вы углублялись въ высочайшіе вопросы и изслѣдовали ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ я же скажу вамъ, что все это дрянъ и ничтожество. А вотъ мы въ теченіе тысячелѣтія сидѣли сложа руки, нашъ умъ былъ празденъ, наши таланты зарыты въ землю, мы не заботились о своихъ дѣлахъ, въ бессознательномъ ожиданіи будущаго призванія, но... потому самому мы и считаемъ себя избранниками Божиими; насъ вепремѣнно постигнетъ высшее наитіе, и мы укажемъ вамъ новыя начала и вдохнемъ въ васъ новую жизнь“¹⁾). Таковы, по мнѣнію критика, интимныя убѣжденія Соловьева, какъ славянофила. Но, говорить критикъ, превозноситься, ничего не сдѣлавши предъ тѣми, кто думалъ и работалъ, трубить на весь міръ о своемъ будущемъ призваніи, когда въ прошедшемъ оно не оправдывается ничѣмъ, это такой пріемъ, который оскорбителенъ для нравственнаго достоинства русскаго народа. Кончая свои замѣчанія по поводу „Закона историческаго развитія“, Чичеринъ выражаетъ сожалѣніе, что Соловьевъ, увлекшись славянофильскими фантазіями, счелъ нужнымъ исказить этимъ, вовсе ненаучнымъ придаткомъ, книгу, которая, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, представляетъ все таки оригинальное философское изслѣдованіе и все же составляетъ вкладъ въ скудную сокровищницу русской ученой литературы (190).

Послѣ Чичерина намъ еще осталось разсмотрѣть лишь критику произведеній Соловьева Дебольскимъ. Въ своемъ сочиненіи: „Высшее благо“ (СПБ. 1886 г.) Дебольскій подвергаетъ критикѣ различныя этическія ученія русскихъ мыслителей, между прочимъ и Соловьева. Въ виду того, что мы довольно долго останавливались на критикѣ Чичерина, какъ особенно подробной и обоснованной, мы въ критикѣ Дебольскаго укажемъ лишь самыя существенныя пункты. Дебольскій такъ же, какъ и Чичеринъ, находитъ данное Соловьевымъ опредѣленіе истины: „какъ то, что есть“, невѣрнымъ и одностороннимъ. Затѣмъ, такъ какъ Соловьевъ не даетъ никакихъ указаній на

¹⁾ Разумѣется, здѣсь Чичеринъ вложилъ въ уста Соловьева карриатуру на его славянофильскія воззрѣнія, но замѣчательно то, что менѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ, Соловьевъ, въ поэмкѣ съ Страховыхъ, самъ влагалъ такія карриатурины мысли въ уста славянофиловъ, какъ ихъ мнимое *profession de foi*.

то, какъ онъ смотритъ на начало причинности, его гносеологія представляется критику рядомъ положеній, совершенно произвольныхъ, ни на чемъ не обоснованныхъ. Соловьевъ, обходя изслѣдованіе капитальнаго для метафизики вопроса о причинной связи, произвольно выдвигаетъ свой мистическій органъ вѣры—непосредственное чувство, съ помощью котораго онъ и считаетъ возможнымъ обосновать бытіе Бога, вѣшняго міра, другихъ людей, души, свободы, нравственнаго долга. Но, говоритъ критикъ, этотъ источникъ познанія, выдвигаемый Соловьевымъ, является у него совсѣмъ не обоснованнымъ; а затѣмъ, если бы онъ и былъ обоснованъ, то еще не видно, чтобы рекомендація непосредственнаго чувства, какъ органа познанія, открывала перспективу какой-то высшей, болѣе цѣлостной науки, сравнительно съ отвлеченною западно-европейскою философіей: и на Западѣ и были, и есть философы, пытавшіеся обосновать философію на непосредственномъ убѣжденіи, или вѣрѣ; слѣдовательно, заключаетъ критикъ, здѣсь нѣтъ никакой новизны, если этотъ критерій появится въ устахъ русскаго мыслителя, да и вѣтъ никакихъ основаній думать, что этотъ критерій въ его устахъ пріобрѣтетъ болѣе убѣдительности, чѣмъ въ устахъ его многочисленныхъ западныхъ предшественниковъ. Далѣе, указывая на то, что задачей метафизики Соловьева было утвердить бытіе личнаго Бога, безсмертіе и свободу человѣка, и анализируя обоснованіе Соловьевымъ этой задачи, критикъ находитъ, что Соловьевъ совершенно не выполнилъ этой задачи: именно, вмѣсто бытія Бога, не сліяннаго съ міромъ, онъ развилъ ученіе, которое скорѣе можно назвать пантеизмомъ, чѣмъ теизмомъ. Свободу воли Соловьевъ также понимаетъ неправильно: для него свобода—не самопроизвольность, а единство и неизмѣнность. Основанія объективной этики Соловьева также не выяснены и не обоснованы имъ. Подводя общій итогъ сочиненію Соловьева, Дебольскій находитъ, что задача, предположенная Соловьевымъ—дать философское обоснованіе теократической этикѣ, во всемъ ея объемѣ оказалась невыполненною. Обоснованіе это, по Соловьеву, должно быть мистическимъ; но Соловьеву не удалось прочно установить ни критерія мистическаго знанія, ни метафизическихъ

постулатовъ теократической этики—бытія личнаго Бога, безсмертія и свободы человѣка. Затѣмъ, пытаясь развить ученіе о нормальномъ обществѣ, Соловьевъ минуетъ всякое понятіе общества и даетъ лишь понятіе любви, которое неправильно отождествляетъ съ понятіемъ Церкви; и, наконецъ, прилагая это понятіе къ выводу нормальной общественной организаціи, не показываетъ ни опредѣленныхъ чертъ этой организаціи, ни выясняетъ полезнаго вліянія теократическаго строя общества на строй правовой и экономической ¹⁾). Въ общемъ Дебольскій находитъ, что и въ „Критикѣ Отвл. Началъ“, хотя и не такъ ясно, Соловьевъ скорѣе стоитъ на традиціонной, а не на философской точкѣ зрѣнія. Въ послѣдующихъ же своихъ работахъ („Религіозныя основы жизни“, „О Христ. Церкви“) Соловьевъ прямо уже рѣшительно перешелъ на сторону традиціонной этики и изъ философскаго писателя обратился въ простаго популяризатора духовно-нравственныхъ трактатовъ ²⁾). И въ исторіи этики Соловьева, критикъ видитъ „последовательное разложеніе церковныхъ началъ этики“ (91). Критикою Дебольскаго мы и кончаемъ изложеніе критическихъ отзывовъ о трудахъ Соловьева въ первый періодъ его дѣятельности и переходимъ ко второму періоду дѣятельности Соловьева, обнимающему 80-е годы.

VI.

Второй періодъ дѣятельности Соловьева (восьмидесятые годы). Сложненіе мысли Соловьева отъ философіи къ богословію. Богословскія произведенія Соловьева. Главныя, центральныя мысли этихъ произведеній. Эволюція міросозерцанія Соловьева за 2-й періодъ. Крайне отрицательныя взгляды на восточное православіе. Наибольше характерныя замѣчанія критики о несостоятельности отрицательныхъ взглядовъ Соловьева въ богословіи.

Послѣ „Историческихъ дѣлъ философіи“, Соловьевъ до начала 90-хъ годовъ не выпускаетъ въ свѣтъ ни одного сочиненія съ строго философскимъ характеромъ. Всѣ произведенія 80-хъ годовъ носятъ или богословскій, или публицистическій характеръ. Въ виду того, что для разъясненія общаго характера міровоззрѣнія Соловьева очень важно выяснитъ тотъ ге-

¹⁾ О „Высшемъ благѣ“ (76 стр.).

²⁾ Ibid., (90 стр.).

незисъ его мысли, который привелъ его отъ вопросовъ отвле-
ченной мысли къ вопросамъ религіи, отъ положенія „филосо-
фа“, къ званію „богослова“, мы, прежде всего, намѣтимъ теперъ
тѣ вѣхи, которыми шла въ своемъ развитіи мысль Соловьева
за послѣднія два десятилѣтія его жизни.—Уже въ „Чтеніяхъ
о Богочеловѣчествѣ“ мы замѣчаемъ переходъ мысли Соловьева
отъ предметовъ философскихъ къ богословскимъ. Въ этомъ со-
чиненіи, какъ мы видѣли, Соловьевъ сосредоточивается пре-
имущественно на мысляхъ, имѣющихъ отношеніе къ великому
акту воплощенія Христа и къ Его дѣлу на землѣ—Церкви
Божіей. Приведенный логикой мысли къ догматическому вопро-
су о Церкви, Соловьевъ, разумѣется, не могъ не обратить внима-
нія и на историческое положеніе Церкви на землѣ въ настоящее
время. Въ историческомъ же положеніи Церкви самый крупный
фактъ настоящаго времени, это—раздѣленіе христіанской Цер-
кви на двѣ части ¹⁾: восточную и западную. Этимъ раздѣле-
ніемъ, прежде всего, и обусловливалась богословская дѣятель-
ность Соловьева. Исповѣдуя „всеединство“ въ области теорети-
ческой, Соловьевъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, разумѣется,
долженъ былъ проповѣдывать его и въ области практической.
Великая міровая задача „всеединство“, единеніе всѣхъ существъ
на почвѣ любви, можетъ быть достигнута только въ самомъ
далекомъ будущемъ; но подготовительныя работы къ этому ве-
ликому будущему могутъ вестись и въ настоящее время. Одною
изъ такихъ подготовительныхъ работъ Соловьевъ и считалъ
проповѣдь о соединеніи церквей. Эту проповѣдь Соловьевъ и
велъ въ послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни, и особенно усердно
въ 80-ые годы, посвящая ей лучшія страницы своихъ сочине-
ній изъ богословскаго періода своей дѣятельности. Но вопросъ
о соединеніи церквей велъ за собою или, вѣрнѣе сказать, впе-
реди себя, цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ. Прежде, чѣмъ гово-
рить о соединеніи церквей, необходимо дать точный анализъ
самому понятію „Церковь“. Въ разъясненіе этого вопроса, Со-
ловьевъ и выпускаетъ въ періодъ 1884—1886 г. цѣлый рядъ
статей, посвященныхъ всестороннему обоснованію понятія

¹⁾ Протестантство Соловьевъ считаетъ лишь явленіемъ одного рода съ като-
личествомъ, лишь дальнѣйшимъ логическимъ развитіемъ послѣдняго.

Церкви. Такъ въ 1885 г. онъ печатаетъ: 1) „Догматическое развитіе Церкви, въ связи съ вопросомъ о соединеніи церквей“, и 2) „Царство Божіе и Церковь въ Откровеніи Новаго Завѣта“, въ 1886 г. „Исторія и будущность теократіи и др., еще прежде—въ 1884 г. „О христіанскомъ государствѣ и сбществѣ“. Наряду съ вопросомъ о Церкви въ ея догматическомъ значеніи, Соловьевъ разрабатываетъ и вопросъ о ней въ ея историческомъ пониманіи. Сюда относятся статьи о расколѣ, еврействѣ и многія страницы изъ „Національнаго вопроса“.

Какими же чертами обрисовывается міровоззрѣніе Соловьева, высказавшееся въ перечисленныхъ нами сочиненіяхъ о Церкви? Новаго, для уясненія собственно философскихъ воззрѣній Соловьева, эти статьи почти ничего не даютъ. Здѣсь въ первое время (въ началѣ 80 хъ годовъ) мысль его все еще стояла на почвѣ свободной теософіи въ философіи, положительнаго Откровенія въ религіи и славянофильскихъ воззрѣній въ пониманіи смысла исторіи русскаго народа.—Нельзя сказать того же о послѣдующихъ сочиненіяхъ Соловьева. Въ нихъ онъ, отчасти подъ вліяніемъ полемики съ односторонними направленіями русской мысли, отчасти въ силу послѣдовательнаго развитія своихъ принциповъ, все болѣе и болѣе сходитъ съ почвы Откровенія и славянофильскаго пониманія христіанской исторіи. Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что по отношенію къ Соловьеву имѣлъ силу психологическій законъ, по которому каждый мыслящій и не застаивающійся на рутинѣ писатель—рано или поздно переживаетъ въ своемъ міровоззрѣніи кризисъ, періодъ отрицанія, сжиганія того, чему поклонялся, и весьма часто—поклоненія тому, что прежде сжигалъ. Рано или поздно, во каждый писатель, говоримъ, переживаетъ этотъ періодъ. Разница лишь во времени. Большинство переживаетъ этотъ кризисъ въ юности, въ эпоху, когда въ человѣкѣ рупится традиціонное міровоззрѣніе, пріобрѣтенное въ періодъ дѣтства. Но со многими писателями этотъ кризисъ совершается въ болѣе зрѣлые годы. Соловьевъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ къ послѣдней категоріи писателей. Правда, и самъ Соловьевъ, и его ближайшіе друзья (напр. Лопатинъ, кн. С. Трубецкой, Величко и др.) много разъ высказывали, что онъ

еще въ равней юности, почти въ отрочествѣ (17—18 лѣтъ), пережилъ кризисъ отрицанія, когда онъ былъ яркимъ нагилистомъ, атеистомъ, но очевидно, что тотъ кризисъ былъ не настоящій, не серьезный, не глубокий, а дѣтскій. Настоящій, серьезный кризисъ произошелъ съ Соловьевымъ уже во вторую половину его жизни, когда его годы подходили уже къ концу 4-го десятка. Не столько логика мысли, сколько логика фактовъ русской жизни за послѣдніе 20 лѣтъ, привела Соловьева къ отрицанію многихъ изъ убѣжденій своей юности. Начавши свою литературную дѣятельность въ самой ранней молодости, Соловьевъ, какъ мы видѣли, сразу примкнулъ къ консервативнымъ направленіямъ русской мысли, выражающимъ собою традиціонныя устои русской мысли. Но первая половина 70-хъ годовъ представляла собою по отношенію къ условіямъ русской жизни совсѣмъ другую эпоху, въ сравненіи со второй половиною 80-хъ годовъ. Въ семидесятыхъ годахъ подъ знамя славянофильства еще не становились направленія одностороннія, что имѣло мѣсто въ восьмидесятые годы. Искренній приверженецъ славянофильства въ его лучшемъ пониманіи, Соловьевъ не могъ уже быть приверженцемъ его въ его худшемъ примѣненіи. И здѣсь-то, въ пылу полемики, произошла роковая ошибка Соловьева: *онъ смѣшалъ одностороннія направленія, прикрывающіяся флагомъ славянофильства, съ самымъ славянофильствомъ.* И вотъ онъ, пылая гнѣвомъ и презрѣніемъ противъ одностороннихъ направленій, — повторяемъ, — лишь прикрывавшихся флагомъ славянофильства, начинаетъ полемику противъ самого славянофильства. Эта полемика тянется цѣлыя годы, и въ концѣ ея, въ своемъ „Національномъ вопросѣ“, Соловьевъ является уже такимъ убѣжденнымъ противникомъ славянофильства, какимъ онъ былъ прежде его защитникомъ. Къ главнымъ, центральнымъ славянофильскимъ идеямъ о мессіанскомъ значеніи Россіи, о великой будущности русскаго народа, о возможности образованія славянствомъ новаго культурнаго типа, о развитіи самобытной русской философіи, Соловьевъ относится теперь не иначе, какъ проницательно. Кратко можно сказать, что Соловьевъ въ концѣ 80-хъ годовъ сдѣлалъ рѣшительный переходъ изъ славянофильскаго лагеря въ противоположный западническій.

Итакъ, возвращаясь къ нашей прежней мысли, мы можемъ сказать, что періодъ отрицанія, кризисъ насталъ и для Соловьева, но только въ болѣе поздніе годы, чѣмъ это обыкновенно бываетъ. Но этотъ періодъ отрицанія мы замѣчаемъ и въ другихъ областяхъ: и религіозной, вѣрнѣе сказать, церковной, и даже философской. Въ первыхъ своихъ богословскихъ произведеніяхъ Соловьевъ во всѣхъ главныхъ пунктахъ сходится съ ученіемъ Православной Церкви. Въ послѣднихъ же сочиненіяхъ онъ во многомъ, очень многомъ, удалился отъ ея традицій. Завершительнымъ пунктомъ этой отрицательной богословской дѣятельности Соловьева можно считать его рефератъ, читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ въ 1892 г.: „О причинахъ упадка средневѣкового міровоззрѣнія“. Послѣ этого реферата до его предсмертнаго произведенія: „Три разговора“ (1900) мы не видимъ у Соловьева значительныхъ статей богословскаго характера. Въ 90-ые годы Соловьевъ писалъ сперва по эстетикѣ (въ 1890—91 г.), затѣмъ по этикѣ („Оправданіе Добра“—1891—97 г.) и наконецъ въ самые послѣдніе годы (1897—1900 г.) по гносеологіи и богословію. Въ сочиненіяхъ, появившихся въ 90-ые годы, содержатся новыя данныя для уясненія философскаго міровоззрѣнія Соловьева, и потому мы этими сочиненіями займемся болѣе подробно. Изъ произведеній же восьмидесятихъ годовъ мы займемся лишь тѣми, въ которыхъ наиболѣе ярко выразилась эволюція міровоззрѣнія Соловьева, по направленію отъ православія къ католичеству, съ одной стороны, и отъ славянофильства къ западничеству—съ другой. Прежде всего мы займемся эволюціей богословскихъ воззрѣній Соловьева. Мы не будемъ здѣсь входить въ частное изложеніе всѣхъ его сочиненій, касающихся религіи,—а дадимъ лишь общее замѣчаніе объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ, укажемъ наиболѣе характерныя черты ихъ.

Мы не будемъ далеки отъ истины, если, рѣководясь собственными произведеніями Соловьева и свидѣтельствами его ближайшихъ интимныхъ друзей,—скажемъ, что нашъ покойный мыслитель былъ истиннымъ христіаниномъ. Его религіозныя убѣжденія въ своей сущности были безусловно христіанскія, съ большимъ правомъ и серьезными основаніями, мы можемъ

назвать ихъ въ первомъ періодѣ его дѣятельности и православными. Правда, въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Соловьева и въ первый періодъ его дѣятельности были такія характерныя особенности, которыя давали поводъ однимъ видѣть въ немъ чистаго пантеиста, а другимъ, если и христіанина, то во всякомъ случаѣ не православнаго, а по меньшей мѣрѣ еретика—гностика. Но все же, повторяемъ, въ первый періодъ дѣятельности Соловьева, мы можемъ считать его болѣе близкимъ къ православію чѣмъ къ какому либо другому христіанскому вѣроисповѣданію. Не то мы видимъ во второй періодъ его дѣятельности: здѣсь мысль Соловьева стала колебаться и по многимъ вопросамъ рѣшительно отклонилась отъ православія. Первымъ вопросомъ, по которому мысль Соловьева стала колебаться и уклоняться отъ традиціонно-православнаго пониманія, былъ вопросъ о догматическомъ развитіи церкви. Свои воззрѣнія о догматическомъ развитіи церкви Соловьевъ высказалъ еще въ половинѣ 80 годовъ ¹⁾. Сущность этого ученія такова: догматы, таинства и іерархія Церкви въ своемъ существѣ безусловно неизмѣнны, но въ своей исторической жизни они развиваются, т. е., допускаютъ разнообразныя измѣненія всѣхъ частныхъ опредѣленій церковной жизни во всѣхъ 3 хъ главныхъ ея сферахъ, но только такія измѣненія, которыя происходятъ изнутри путемъ органическаго возрастанія и разрастанія самой Церкви.—Противъ теоріи Соловьева были поставлены серьезныя возраженія ²⁾, но онъ остался до конца своей жизни при своемъ убѣжденіи, что „церковь, скажемъ его собственными словами, это великій дубъ, который выросъ изъ малаго желудя“ ³⁾. Полемизуя противъ представителей двухъ враждебныхъ ему направленій: рационалистическаго, сводившаго всю христіанскую религію къ одному ученію нравственности безъ всякихъ догматическихъ основъ и таинствъ, каковыя согласно этому воззрѣнію суть лишь позд-

1) Преимущественно въ журналѣ „Православное Обозр.“ за 1885—86 г.

2) Мы не будемъ приводить здѣсь возраженія, поставленныя Соловьеву, какъ богослову: это—дѣло спеціальной монографіи о С.-ѣ, какъ богословѣ. Укажемъ здѣсь лишь на то, что наиболѣе серьезныя возраженія С.-у были поставлены слѣдующими писателями: Т. Стояновымъ (на стр. „Вѣра и Разумъ“ за 85—88 г.); архимандритомъ Антоніемъ, (нынѣ епископомъ Уфимскимъ), проф. Шостыпинымъ и др.

3) Православное Обозрѣніе 1886 г. іюль стр. 495.

нѣйшія искусственныя прибавки,—и старовѣрческаго, (по терминологіи самаго Соловьева), утверждавшаго, что всѣ нынѣ существующія формы и опредѣленія іерархическія, догматическія, равно какъ и таинства, существовали неизмѣнно съ самаго начала въ томъ же видѣ и съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и теперь. Соловьевъ такъ иллюстрируетъ отношенія этихъ направленій къ вопросу о развитіи Церкви. Есть люди, пишетъ онъ, которые никакъ не могутъ совмѣстить въ своей головѣ представленія о желудѣ съ представленіемъ о дубѣ. Одни изъ нихъ ¹⁾ хватаются за желудь и кричатъ, что онъ только и есть настоящее растеніе, которымъ можно питаться, а что дубъ выдуманъ послѣ для чьего-то употребленія. Другіе ²⁾, напротивъ, пораженные величіемъ дуба, никакъ не хотятъ допустить, чтобы такое могучее дерево произошло изъ такой маловажной вещицы, какъ желудь. Они кричатъ даже, что это противорѣчитъ православію, что все это выдумки нечестивыхъ протестантовъ и католиковъ.—Намъ же, заключаетъ философъ, достовѣрное знаніе о томъ, что изъ малаго желудя произошелъ великій дубъ, нисколько не помѣшаетъ пребывать подъ его благодатною тѣнью“ ³⁾.

Эта увѣренность въ истинности своихъ религіозныхъ воззрѣній дала Соловьеву побужденіе настойчиво провозглашать свое ученіе о догматическомъ развитіи Церкви. Онъ проводитъ его и въ своемъ сочиненіи, прямо носящемъ такое заглавіе: „О Догматическомъ развитіи Церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи Церквей“ въ Прав. Обозр. 1885 г., т. III, 727—798 стр.; см. особенно страницы: 746, 747, 750, 751, 752—776 (гдѣ приведена исторія развитія догматовъ), 785, 790 и 793 (гдѣ утверждается, что о развитіи догматовъ свидѣтельствуется вся исторія вселенскихъ соборовъ); проводитъ онъ его и въ другихъ, выше перечисленныхъ нами, богословскихъ сочиненіяхъ: („Религіозныя основы жизни“, „Исторія и будущность теократіи“, „О христіанскомъ государствѣ и обществѣ“

1) Здѣсь, очевидно, разумѣются рационалисты.

2) Здѣсь, очевидно, разумѣются тѣ, кого Соловьевъ называетъ „старовѣрами“.

3) См. статью Соловьева: Введеніе къ русскому изданію: *Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων* (Прав. Обозр. 1886, VII, 491—2 стр.).

и др.). Мы приведемъ изъ этихъ произведеній лишь наиболѣе значительныя и характерныя мысли, уясняющія богословское міровоззрѣніе Соловьева. Остановимся прежде всего на „Религіозныхъ основахъ жизни“¹⁾.

„Религіозныя основы жизни“ одно изъ самыхъ симпатичныхъ сочиненій Соловьева. Онѣ надолго останутся однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей богословско-философской литературы, посвященныхъ осмысленію главныхъ тезисовъ христіанской вѣры. Въ этомъ отношеніи „Религіозныя основы жизни“ являются прямымъ дополненіемъ „Чтеній о Богочеловѣчествѣ“. Разница лишь та, что въ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ“ Соловьевъ осмысливаетъ догматы христіанства съ ихъ метафизической стороны, а въ „Религіозныхъ основахъ жизни“ со стороны ихъ нравственнаго приложенія къ жизни. Личная и общественная религія въ тѣснѣйшей связи между собою,— говоритъ Соловьевъ въ предисловіи къ указанному сочиненію,— обращаются къ каждому человѣку съ такими заповѣдями: молись Богу, помогай людямъ, воздерживай свою природу; сообразуйся внутренно съ живымъ Богочеловѣкомъ Христомъ, признавай Его дѣйствительное присутствіе въ Церкви и ставь своею цѣлью проводить Его духъ во всѣ области человѣческой и природной жизни, чтобы сомкнулась чрезъ насъ богочеловѣческая цѣпь мірозданія, чтобы небо сочetalось съ землею²⁾. Сообразно такому пониманію главныхъ требованій религіи, Соловьевъ въ своемъ сочиненіи и излагаетъ свои воззрѣнія на три главныя заповѣди христіанства: молитву, милостыню и постъ. Но предварительно онъ выясняетъ общія понятія о природѣ, смерти, грѣхѣ, законѣ и благодати.

Каждый человѣкъ, по Соловьеву, живетъ двумя близкими между собою желаніями, которыя, какъ два невидимыя крыла, поднимаютъ душу человѣческую надъ остальною природою, именно: желаніемъ безсмертія и желаніемъ правды, или нравственнаго совершенства. Но, замѣчаетъ философъ, если наша душа своею лучшею стороною желаетъ вмѣстѣ и безсмертія

¹⁾ Въ 3-мъ изданіи (1897 г.) „Религіозныя основы“ стали называться „Духовными основами“.

²⁾ См. „Духовныя основы жизни“ (1897 г. 5 стр.).

и правды, то на дѣлѣ, въ порядкѣ природы, мы лишены и того и другого. Предоставленный самому себѣ, человекъ не можетъ уберечь ни своей жизни, ни своего нравственнаго достоинства, онъ не въ силахъ избавить себя ни отъ тѣлесной, ни отъ духовной смерти. Мы по природѣ своей хотимъ жить всегда, но законъ земной природы не даетъ намъ вѣчной жизни, оставляя насъ при одномъ желаніи и осуждая насъ на бессмысленное существованіе, ибо та „жизнь рода“, которою живетъ человечество, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться имѣющею смыслъ. На самомъ дѣлѣ, говоритъ нашъ мыслитель, если каждое поколѣніе существуетъ только для того, чтобы погибнуть съ появленіемъ новаго, которому въ свою очередь предстоитъ такая же гибель, и если родъ живетъ только въ такихъ непрерывно погибающихъ поколѣніяхъ, то жизнь рода есть постоянная смерть; и путь природы есть явный обманъ. И такъ, продолжаетъ нашъ мыслитель, удовлетворяя потребности нашей животной природы, мы получаемъ въ концѣ смерть; но, удовлетворяя потребности нашего ума и познавая все существующее, мы узнаемъ, что и для всего существующаго общій исходъ есть смерть, что вся вселенная есть только царство смерти. И такъ, стремясь жить, мы умираемъ, и желая познать жизнь, познаемъ смерть. Но человекъ не только познаетъ своимъ умомъ неудовлетворительность природнаго пути, какъ ведущаго къ смерти и ничтожеству, но въ своей совѣсти онъ сознаетъ этотъ путь, какъ грѣхъ, или не должное, и въ противовѣсъ этому пути чувствуетъ потребность жить, какъ должно. Но сознаніе долга само по себѣ еще не даетъ силы его исполнить: для того, чтобы дѣйствительно, на дѣлѣ взмѣнить и исправить нашу грѣховную природу, необходимо, чтобы открылось въ насъ другое, дѣйствительное начало иной жизни, сверхъ настоящей. И какъ дурная жизнь, — приводитъ сравненіе нашъ философъ, — не создается человекомъ, а дается ему отъ міра, такъ и новая благая жизнь дается ему отъ того, кто выше и лучше міра. И эта новая благая жизнь, такъ какъ она дается человеку, называется благодатью.

Для того же, чтобы дѣйствительно стать на пути благодати, недостаточно признанія ума, а нуженъ подвигъ воли: человекъ

долженъ подвигнуться для принятія въ себя благодати, или силы Божіей. Но такъ какъ у насъ, въ силѣ нашей злой природы, недостаетъ силы для этого подвиженія, то мы и должны обращаться за помощію къ высшей волѣ,—въ этомъ и состоитъ смыслъ молитвы. Первое дѣйствіе вѣры,—говорить нашъ мыслитель, первое движеніе новой духовной жизни, въ которой Богъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, есть молитва. Вѣра безъ дѣйствій мертва есть, а молитва есть первое дѣло и начало всякаго истиннаго дѣла, начала нашей духовной жизни. Молясь Богу, мы сознаемъ, что истинная жизнь въ насъ не отъ насъ, а отъ Отца свыше, но мы также сознаемъ, что эта жизнь наша, и Отецъ этой новой жизни есть нашъ отецъ, что мы и выражаемъ въ первыхъ словахъ молитвы, данной намъ Господомъ въ образецъ: „Отче нашъ“. Далѣе нашъ философъ и даетъ глубокомысленное объясненіе молитвы Господней, стараясь выяснитъ съ философской точки зрѣнія смыслъ ея прошеній.

Послѣ выясненія значенія христіанской молитвы, Соловьевъ переходитъ къ выясненію второй главной заповѣди христіанства о милостыни, какъ выраженіи любви человѣка къ другимъ людямъ. Милостыня, по выясненію нашего мыслителя, имѣетъ двоякое значеніе: религіозное и общественное. Религіозное значеніе милостыни нашъ философъ выясняетъ такъ: давать просящему, не спрашивая о его правѣ получить что-нибудь, значитъ поступать *побожны*, ибо сила Божія, приходя къ намъ на помощь и спасая насъ, не спрашиваетъ, имѣемъ ли мы право на помощь и спасеніе. Какъ Богъ относится къ нашей молитвѣ, такъ и мы должны относиться къ просьбѣ нуждающихся: истинная милостыня есть распространеніе на другихъ той благодати, которую мы сами получаемъ отъ Бога въ истинной молитвѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ религіознымъ значеніемъ, милостыня имѣетъ и общественное значеніе, именно: она составляетъ высшее начало общественной жизни. Нашъ философъ такъ выясняетъ это общественное значеніе милостыни. Общество, начавшись съ царства силы, пройдя чрезъ царство закона, должно прійти къ царству милостыни или благотворенія. Въ царствѣ силы слабые всецѣло приносятся въ жертву сильнымъ, сильные живутъ на счетъ слабыхъ, питаются ихъ тру-

домъ; царство закона не хочетъ знать ни сильныхъ, ни слабыхъ: оно предоставляетъ каждому стоять за себя въ извѣстныхъ предѣлахъ и не заботится ни о комъ за этими предѣлами, такъ что въ практическомъ результатѣ царство закона есть тоже царство силы, только ограниченной и уравновѣшенной. Въ царствѣ же благодѣянія сильные и богатые добровольно приносятъ себя въ жертву слабымъ и бѣднымъ, эти послѣдніе живутъ на счетъ первыхъ и кормятся ими; одни давая ради Бога, другіе—прося и принимая ради Бога,—сохраняютъ и вполне проявляютъ свое нравственное достоинство, одинаково возвышаясь и надъ произволомъ грубой силы, и надъ равнодушіемъ закона.—Соловьевъ глубоко убѣжденъ въ великомъ значеніи милостыни, и рѣшительно паходитъ, что всѣ тѣ софизмы, которыми хотятъ отдѣлаться отъ заповѣди милосердія, представляютъ собою камень вмѣсто хлѣба и змѣю вмѣсто рыбы; и порождаются эти софизмы самыми дурными пороками: скупостью и лицемеріемъ.

Такъ же глубокомысленно, какъ заповѣдь о молитвѣ и милостыни, выясняетъ Соловьевъ и третье требованіе христіанства о постѣ: ложная безмѣрность нашей души должна быть умѣрена и ограничена дѣйствіемъ благодати, сочетающейся съ нашею доброю волею. По отношенію къ нашей извращенной природѣ это дѣйствіе выражается отрицательно: въ обязанности воздержанія, или поста въ широкомъ смислѣ слова. Это есть начальная, коренная обязанность человѣка по отношенію къ его природѣ. Вездѣ, говоритъ насъ философъ, гдѣ оказывается безмѣрное ненасытное стремленіе природныхъ силъ, необходимо воздержаніе, самоограниченіе или постъ. Постъ можетъ быть, во первыхъ, духовный; духовный постъ состоитъ въ воздержаніи отъ самолюбивыхъ и властолюбивыхъ дѣйствій, отказѣ отъ чести и славы человѣческой. Нашъ мыслитель находитъ, что такой постъ особенно необходимъ общественнымъ дѣятелямъ. Правила такого поста: „не ищи власти и господства, если призванъ къ власти и господству, смотри на нихъ, какъ на служеніе. Каждый разъ, когда приходится безъ пользы для ближнихъ заявлять о себѣ, показывать свое превосходство и силу, воздерживайся отъ этого, не давай пищи своему самолюбію. Далѣе есть постъ

умственный, — воздержаніе отъ односторонней дѣятельности ума, отъ бесплодной и безконечной игры понятій и представленій, отъ нескончаемыхъ вопросовъ, безъ толку и безъ цѣли предлагаемыхъ. Правило этого поста: подчиняй умственную дѣятельность нравственнымъ требованіямъ и не давай пищи праздному умствованію. Третій видъ поста есть постъ физическій—постъ чувственной души, т. е., воздержаніе отъ чувственныхъ наслажденій, не управляемыхъ и не умѣряемыхъ сознаніемъ ума и властью духа. Общее правило физическаго поста: не давай пищи своей чувственности; полагай границы тому убійству и самоубійству, къ которымъ неизбѣжно ведетъ погоня за матеріальными удовольствіями; очищай и перерождай свою собственную тѣлесность, чтобы приготовить себя къ преобразенію всемірнаго тѣла.

Подводя заключеніе къ своему выясненію значенія главныхъ требованій христіанской религіи, нашъ философъ говоритъ, что молитва, милостыня и постъ суть три главныхъ, основныя дѣйствія личной религіозной жизни—три основы личной религіи. Кто не молится Богу, не помогаетъ людямъ и не исправляетъ своей природы воздержаніемъ, тотъ чуждъ всякой религіи, хотя бы думалъ, говорилъ и писалъ о религіозныхъ предметахъ всю свою жизнь. Эти три основныя дѣйствія религіозной жизни суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и основныя обязанности религіознаго человѣка. Въ исполненіи трехъ религіозныхъ обязанностей воплощаются и три религіозныя добродѣтели: вѣра, любовь и надежда, такъ что общая, соединяющая всѣ три частныя, заповѣдь религіи можетъ быть, по формулѣ нашего философа, выражена такъ: молись Богу съ вѣрою, дѣлай добро людямъ съ любовью, и побѣждай свою природу въ надеждѣ будущаго воскресенія. Этою заповѣдью, говоритъ философъ, и исчерпывается наше отношеніе къ благодати Божіей внутри насъ.

Но такъ какъ благодать Божія открывается и внѣ насъ—въ жизни міра и человѣчества, и такъ какъ дѣйствительнаго раздѣленія между внутреннею и внѣшнею жизнію, между единичнымъ лицомъ и его собирательной средою, не можетъ существовать, то отсюда предъ нашимъ философомъ открывается новая задача—узнать сущность историческаго откровенія и тѣ

новья, уже не личные, а общественныя обязанности, которыя ово на насъ налагаетъ. Это и составляетъ содержаніе 2-й части „Духовныхъ основъ жизни“ (81—175 стр. по 3 изданію).— Въ этой второй части Соловьевъ говоритъ о христіанствѣ, Церкви, христіанскомъ государствѣ и обществѣ, а въ заключеніе ко всему своему сочиненію говоритъ о высокомъ образѣ Христа, какъ вѣчпомъ и не обманномъ способѣ провѣрки совѣсти.

Въ своихъ воззрѣніяхъ на христіанство и его значеніе въ исторіи человѣчества Соловьевъ и здѣсь, въ излагаемомъ нами сочиненіи, стоитъ на той же почвѣ, на которой онъ стоялъ въ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ“, и новаго въ сравненіи съ „Чтеніями“ ничего не даетъ. Развѣ только, какъ на новые штрихи въ міровоззрѣніи Соловьева за этотъ періодъ, можно указать на то, что Соловьевъ теперь болѣе подчеркиваетъ отвлеченный догматизмъ современнаго христіанства. Такъ, уже въ началѣ главы о христіанствѣ, говоря о томъ, что христіанство явилось, какъ добрая вѣсть о спасеніи, онъ подчеркиваетъ то, что всемірное спасеніе и донывѣ остается только доброю вѣстью. И донывѣ міръ во злѣ лежитъ. Жизненный смыслъ христіанства, по нашему философу, сначала превращенъ вождями человѣчества въ отвлеченное ученіе, а затѣмъ почти вовсе исчезъ изъ сознанія передовыхъ людей и скрылся въ темной глубинѣ народной души. Уклоненіе мысли Соловьева отъ традиціонно-православнаго міровоззрѣнія въ излагаемомъ нами сочиненіи замѣчается и въ вопросѣ о Церкви и ея догматическомъ развитіи. И здѣсь Соловьевъ особенно настойчиво подчеркиваетъ процессъ догматическаго развитія Церкви. Христіанское сознаніе—исповѣданіе истинной вѣры, говоритъ онъ ¹⁾, какъ бы оно ни было крѣпко и напряженно въ первобытной общинѣ, не могло однако же имѣть совершеннаго выраженія въ этой общинѣ, состоявшей исключительно изъ Іудеевъ, и по большей части, изъ Іудеевъ необразованныхъ; оно не могло и не должно было оставаться при тѣхъ же первичныхъ выраженіяхъ и формулахъ, когда потомъ

1) Духовн. основы жизни, стр. 140.

въ Церковь вошли люди, обладавшіе всѣмъ богатствомъ греко-римскаго просвѣщенія; истина христіанская, сохраняя свое содержаніе и сущность, должна была развиваться въ болѣе сложную систему понятій, выразиться въ болѣе точныхъ и отчетливыхъ опредѣленіяхъ. Церковь, говоритъ далѣе Соловьевъ ¹⁾, не только по матеріальному своему составу и ви́шнему распространенію, но и по явленію своихъ образующихъ формъ растеть, развивается и совершенствуется; ибо хотя божественная стихія—Церкви сама по себѣ неизмѣнна, но такъ какъ способъ и степень ея обнаруженія зависятъ и отъ способа и степени усвоенія этой божественной стихіи человѣческимъ элементомъ, измѣнчивымъ по природѣ своей, то, слѣдовательно, и вліяніе божественнаго въ Церкви въ этомъ отношеніи измѣняется, опредѣляясь большимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ между Божественною и человѣческою ея сторонами ²⁾.

Предвидя здѣсь возраженіе себѣ, что при такомъ пониманіи процесса жизни Церкви колеблется ея устойчивость, ея неизмѣнное основаніе, Соловьевъ рѣшительно утверждаетъ, что такое возрастаніе, развитіе и совершенствованіе церковныхъ формъ нисколько не исключаетъ неизмѣннаго основанія Церкви, не только самой по себѣ, но и въ видимомъ ея явленіи. Соображенія и доказательства этому своему положенію нашъ философъ приводитъ такіа: какъ бы ни видоизмѣнялись и ни усложнялись формы іерархіи, формулы исповѣданія вѣры и обряды совершенія таинствъ, но никогда не было такъ, чтобы въ церкви не существовало правильной іерархіи, истиннаго исповѣданія вѣры и настоящихъ таинствъ: и при томъ, всѣ видоизмѣненія и усложненія въ этихъ трехъ областяхъ не упраздняли, а напротивъ сохраняли и утверждали прежнее, будучи лишь его большимъ раскрытіемъ. Въ ростѣ дерева,—поясняетъ свою мысль Соловьевъ,—корень не упраздняется стволомъ, а напротивъ сохраняется и питается имъ, такъ же,

¹⁾ Дух. основы жъзни, стр 141.

²⁾ Ср. „Царство Божіе и Церковь, въ откровеніи Новаго Завета“ (Правосл. Обзор. 1885 г., т. III, 28—49 стр.), гдѣ проводится та же мысль, что Церковь растеть и развивается и въ цѣломъ своемъ и въ частяхъ своихъ (см. особенно 48 стр.).

какъ и самъ его сохраняетъ и питаетъ, точно также и стволъ не упраздняется вѣтвями, листьями, цвѣтами, но все это вмѣстѣ своею цѣлостью образуетъ одно совершенное растеніе, живущее не смѣною, а взаимно-сохраненіемъ своихъ частей. Такъ и для видимой церкви истинное положеніе состоитъ не въ томъ, чтобы въ ней ничего новаго не являлось, а въ томъ, чтобы въ ней появляющееся новое не противорѣчило старому и не разрушало, а всегда утверждало и раскрывало его. Но здѣсь естественно является вопросъ: что же собственно въ Церкви божественно и неизмѣнно? Нашъ философъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что божественно въ Церкви все то, что имѣетъ вселенскій или каѳолическій характеръ, а имѣетъ этотъ характеръ все то, въ чемъ нѣтъ самолюбія и обособленія—личнаго, народнаго, мѣстнаго и всякаго другого, каѳолично въ церкви и все то, что выводитъ человѣка изъ его обособленія и сообщаетъ ему форму всецѣлости.

Отъ вопроса о Церкви Соловьевъ дѣлаетъ естественный переходъ къ вопросу о христіанскомъ государствѣ. Человѣкъ, можетъ воспринять Божество только въ своей истинной цѣлости, во внутреннемъ единствѣ со всѣмъ; слѣдовательно, во истину обожествленный человѣкъ, или истинный человѣко-богъ непремѣнно есть соборный или каѳолическій—всечеловѣчество, или вселенская Церковь; и только въ этой вселенской Церкви человѣчество можетъ возродиться. Но чтобы возродить все человѣчество, христіанство должно проникнуть не только въ его личныя, но и общественныя стихіи. Богочеловѣческая связь должна быть восстановлена не только индивидуально, но и собирательно, и какъ божественная стихія имѣетъ свое собирательное выраженіе въ Церкви, такъ чисто человѣческая стихія имѣетъ подобное же выраженіе въ государствѣ, и слѣдовательно, богочеловѣческая связь выражается собирательно въ свободномъ сочетаніи Церкви и государства, причемъ это послѣднее является уже, какъ христіанское государство. Анализируя далѣе процессъ происхожденія государства на востокѣ и западѣ, нашъ философъ находитъ, что христіанское государство соединяетъ въ себѣ черты Восточнаго и Западнаго государствъ. Согласно восточному воззрѣнію, христіанство ото-

двигаетъ государственную жизнь на второстепенное мѣсто, ставя на первый планъ жизни духовную или религіозную; но, съ другой стороны, вмѣстѣ съ Западомъ христіанство признаетъ за государствомъ положительную задачу и дѣятельный прогрессивный характеръ: оно не только призываетъ государство къ борьбѣ съ злыми силами міра подъ знаменемъ Церкви, но требуетъ отъ него также, чтобы оно проводило въ политическую международную жизнь нравственныя начала, постепенно поднимало мірское общество до высокаго церковнаго идеала, пересоздавало его по образу и подобию Церкви Христовой.

Но христіанство не только даетъ высшій смыслъ государству, оно вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ и общество. Пока государство было все (въ древнемъ мірѣ), общество было ничто. Но какъ только цѣль жизни была поставлена выше государства, такъ живыя силы общества освобождаются, перестаютъ быть рабами государства. Онѣ уже не довольствуются внѣшнимъ равновѣсіемъ, но стремятся къ высшему идеалу свободной, внутренней, нравственной взаимности, для которой само государство со своими внѣшними формами и рамками служитъ лишь переходною, посредствующею ступенью. Эти живыя силы общества, въ лицѣ его „лучшихъ людей“, вырабатываютъ тѣ высшія блага, ради которыхъ стоитъ жить и дѣйствовать. Опредѣляя роль „лучшихъ людей“, нашъ мыслитель находитъ, что до сихъ поръ „лучшіе люди“ въ христіанскомъ обществѣ далеко не соответствовали своему назначенію. Общій характеръ ихъ дѣятельности въ европейской исторіи нерѣдко выражался, съ одной стороны, въ угнетеніи народа, съ другой стороны въ преступномъ соперничествѣ съ государственною, церковною властью. Вмѣсто того, чтобы быть вождями народа, свободными служителями государства и Церкви, они слишкомъ часто хотѣли быть господами во всемъ и надъ всѣмъ. Но такое направленіе дѣятельности находится въ прямомъ противорѣчій съ назначеніемъ „лучшихъ людей“ въ христіанскомъ обществѣ, съ ихъ призваніемъ въ общемъ христіанскомъ дѣлѣ. Въ этомъ дѣлѣ созданія свободной теократіи, „лучшимъ людямъ“ и принадлежитъ, по мнѣнію Соловьева, самая важная и самая почетная, но вмѣстѣ и самая отвѣтственная роль. Свободно преклоняясь

предъ церковнымъ авторитетомъ, принимая отъ Церкви неизблѣмая начала правды и добра, „лучшіе люди“ христіанскаго общества должны, сообразно этимъ началамъ и подъ охраною и покровительствомъ государства, — направлять и руководить всѣ общественныя силы къ ихъ высшей цѣли. А эта цѣль есть осуществленіе въ дѣйствительности того, во что мы вѣримъ, пересозданіе нашей человѣческой и мірской дѣйствительности по образу и подобию христіанской истины, воплощеніе Богочеловѣчества въ исторіи ¹⁾, другими словами, окончательная задача личной и общественной нравственности та, чтобы Христосъ, въ которомъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно, вообразился во всѣхъ и во всемъ.

Но на пути къ достиженію этой задачи возможны ошибки, уклоненія отъ идеала его, непониманіе его; эти ошибки тѣмъ болѣе возможны, что не только юридическій законъ, но и даже самыя евангельскія заповѣди недостаточны для положительнаго и точнаго руководства къ совершенствованію. Юридическій законъ и не имѣетъ прямою цѣлью совершенство чело-вѣка и человѣчества; его задача только въ томъ, чтобы возможно прочнѣе охранять виѣшнее земное существованіе, пока оно нужно для высшихъ цѣлей; во и рамки закона нравственнаго и даже евангельской заповѣди, убѣжденно говоритъ Соловьевъ, недостаточны для положительнаго руководства къ совершенствованію. Такъ, высшая евангельская заповѣдь о любви можетъ быть понята и принята въ ложномъ смыслѣ. Одни говорятъ, что евангельская любовь есть, прежде всего, любовь къ Богу—и во имя этой любви считаютъ себя въ правѣ и даже обязанными мучить своихъ братьевъ, не такъ, какъ они, исповѣдующихъ вѣру въ Бога. Другіе утверждаютъ, что евангельская любовь требуетъ равномѣрнаго, безстрастнаго благоволенія ко всѣмъ и каждому, и потому не допускаетъ будто-бы никакой принудительной защиты мирныхъ и невинныхъ людей отъ убійць, насильниковъ и хищниковъ. Одни, во имя любви

¹⁾ Образовательною же формою чело-вѣчества, перерождающагося въ Царство Божіе, является Церковь, въ которой и реализуется истинный идеалъ чело-вѣчества (см. объ этомъ въ статьѣ „Царство Божіе и Церковь“ Прав. Обозр. 1885 г. III т. 30, 32—35 и слѣд. стр.).

къ Богу, позорятъ имя Божіе своими изувѣрствами, другіе, во имя любви къ ближнему, желали бы безпрепятственно отдавать множество ближнихъ на гибель. Причину заблужденія этихъ людей нашъ философъ видитъ въ томъ, что они не провѣрили свою совѣсть, а провѣрить ее можно лишь черезъ образъ Христа: во всякомъ сомнительномъ случаѣ стоитъ только передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на какой нибудь поступокъ, имѣющій значеніе для личной или для общественной жизни, вызвать въ душѣ своей нравственный образъ Христа, сосредоточиться на немъ и спросить себя: могъ ли бы Онъ совершить этотъ поступокъ, или другими словами,—одобрить Онъ его или нѣтъ, благословитъ меня или нѣтъ на его совершеніе? Нашъ философъ убѣжденъ, что такая провѣрка никогда не обманетъ людей и спасетъ многихъ отъ ложныхъ взглядовъ въ религіи и ложныхъ дѣйствій въ жизни. И къ тому же, прибавляетъ философъ, если бы всѣ люди, съ доброю волею, какъ частныя лица, такъ и общественные дѣятели и правители народовъ стали обращаться къ этому вѣрному способу провѣрки во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, то это было бы началомъ второго пришествія и приготовленіемъ къ страшному суду Христову, ибо, заключаетъ философъ „время (Его) близъ есть“ ¹⁾. Этимъ и кончаетъ Соловьевъ свои „Духовныя основы жизни“.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Духовныя основы жизни, 177 стр.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ О ДУШѢ ЧЕЛОВѢКА.

(Продолженіе *).

Содержаніе, задача и планъ святоотеческаго ученія о душѢ человѣка.

Судя на основаніи дошедшихъ до насъ психологическихъ трактатовъ, можно заключать, что ученіе о душѢ существовало еще въ патристическій періодъ, какъ особая самостоятельная отрасль знанія, и даже имѣло то самое терминологическое опредѣленіе въ ряду другихъ наукъ, какое ей придается и въ настоящее время. ¹⁾ Но въ виду продолжительнаго господства въ до-христіанскій и христіанскій періоды греческой философіи и въ виду множества различныхъ представленій и пониманій души, исключавшихъ иногда и ея самостоятельность, отцы церкви всегда сознавали необходимость строго точнаго и опредѣленнаго рѣшенія вопроса о томъ, что именно относится къ предмету изученія души, и какими предѣлами оно должно ограничиваться, съ какою цѣлью должно изучать душу человѣческую и какимъ образомъ слѣдуетъ ее изучать.

Самое важное предположеніе, составляющее общую принадлежность всѣхъ наукъ, есть увѣренность въ возможности и достовѣрности нашего познанія о томъ или другомъ предметѣ. Рѣшеніе этого кореннаго вопроса св. отцы ставятъ первымъ условіемъ и въ изслѣдованіи о душѢ человѣческой. Въ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1892 г. № 14.

¹⁾ Clem. Alex. Paedag. lib. tert. cap. 1. pag. 250; См. у Кашм. Сист. вв. уч. от. ц. о душѢ чел., стр. 10.

своёмъ разсужденіи о душѣ св. Максимъ Исповѣдникъ, намѣчая обычный планъ изслѣдованія по этому предмету, „прежде всего предлагаетъ изслѣдовать вопросъ, что душа сама о себѣ можетъ имѣть познаніе“ ¹⁾.

Вторымъ, не менѣе важнымъ предположеніемъ, составляющимъ такую же необходимую принадлежность нашего познанія, является наша увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи познаваемыхъ предметовъ,—міра вѣшняго и внутренняго. Изъ этого предположенія по отношенію къ предмету нашего изслѣдованія вытекаетъ другой, подлежащій рѣшенію, вопросъ о дѣйствительномъ существованіи души, каковой вопросъ въ числѣ первыхъ предлагается тѣмъ же христіанскимъ философомъ, который спрашиваетъ: „чѣмъ доказывается бытіе души?“ ²⁾ Но изслѣдователь душевныхъ явленій въ силу требованій логики и метафизики не можетъ обойтись безъ представленія какой либо первоначальной основы этихъ явленій. Поэтому вопросъ о сущности душевной жизни неизбѣжно вытекаетъ изъ самаго изученія ея, со всею необходимостью, какъ вопросъ первостепенной важности. „Есть тебѣ дѣло, душа моя“, говоритъ св. Григорій Богословъ, исчисляя предметы нашего самопознанія, „дѣло не маловажное. Изслѣдуй сама себя, что ты такое“ ³⁾. „Познай самъ себя“, человѣкъ, говоритъ тотъ же Богословъ въ другомъ мѣстѣ, „разсмотри, что въ рукахъ. Кто ты?“ ⁴⁾ „Дѣйствительно ли“ душа наша „сущность пли случайна“ ⁵⁾.

Въ связи съ рѣшеніемъ вопроса объ основѣ душевной жизни и ея самостоятельности возникаетъ вопросъ о послѣдней причинѣ самаго бытія души человѣческой, какъ особой сущности. Какъ рѣшеніе предыдущаго вопроса, такъ и настоящаго, вызывается тѣмъ же требованіемъ мысли знать первопричину всякаго бытія, а посему Григорій Богословъ далѣе спрашиваетъ: „откуда ты произошла, душа моя“ ⁶⁾. „Какъ ты, чело-

¹⁾ S. Maximi Confessoris tom. secund, pag. 195; ibid. 35.

²⁾ Ibid. 34.

³⁾ Св. Гр. Бог. т. V. стр. 19.

⁴⁾ Св. Григ. Бог. Сл. 32 о соблюденіи добр. пор. въ собесѣд. III, 157.

⁵⁾ S. Maximi Confessoris tom. secund, pag. 195 у Кашм. 34.

⁶⁾ Св. Григ. Бог. Къ душѣ своей, V. 19.

вѣкъ, сотворенъ и составленъ такъ, что вмѣстѣ и образъ ты Божій и сопряженъ съ худшимъ? Что привело тебя въ движеніе“ 1)?

Раскрытіе вопроса объ основѣ и послѣдней причинѣ душевной жизни полагаетъ твердое основаніе для дальнѣйшаго изслѣдованія о природѣ и свойствахъ души человѣческой. Поэтому то и „въ сочиненіяхъ о душѣ обыкновенно изслѣдуютъ преимущественно это, такъ какъ это весьма кстати и притомъ можетъ выказать ея свойства“ 2). Какими же свойствами должна обладать и дѣйствительно обладаетъ душа? Если душа человѣческая есть „сущность“, то какова природа этой сущности. „простая ли она или сложная“ 3), одна ли въ вѣкъ такая сущность или же „она двойка и тройка“ 4); „тутъ же— смертна или бессмертна“ 5). „Дѣйствительно ли это жизнь, какую теперь живешь, или есть и другая кромѣ ея“ 6).

Но не есть ли субстанція души человѣческой какое либо безразличное бытіе, чуждое личной разумно-сознательной жизни и не уподобляется ли вѣкъ низшимъ существамъ и самой природѣ, разумно-дѣйствующей при отсутствіи свободно-разумнаго и сознательнаго пачала или, *говоря словами св. Максима Исповѣдника, словесно-разумна „или безсловесно-неразумна“ 7) душа наша? И далѣе обладаетъ ли душа сія свободною волею и съ какими чувствами и стремленіями она существуетъ; однимъ словомъ, далѣе подлежитъ рѣшенію вопросъ о тройкомъ родѣ способностей души человѣческой: „разсудкѣ, раздражительности и пожеланіи“ 8).

Если же въ природѣ души существуютъ только три основныя способности, то въ какихъ частныхъ формахъ душевной дѣятельности обнаруживается каждая изъ указанныхъ способностей, и прежде всего, какова природа нашего ума: „Какъ

1) Его же сл. 32, III, 157—159.

2) S. Maximī Conf. tom. 2, pag. 195; у Кашм. 35.

3) Ibid. Кашм. 34.

4) Св. Вас. Вел. Подвизн. уст. ч. V, стр. 391—392.

5) S. Maximī Conf. tom. 2, pag. 195; у Кашм. 34.

6) Св. Григ. Богосл. къ душѣ своей. V. 19.

7) S. Maximī Confessoris, tom. 2, pag. 195; у Кашм. 34.

8) Св. Григ. Богосл. III, 40.

воспріемлетъ онъ образы вещей? Что такое сохраненіе воспріятаго—память? что такое возобновеніе воспріятаго—припоминаніе? Какъ слово есть порожденіе ума и рождаетъ слово въ умъ другого? Какъ словомъ передается мысль“¹⁾. Въ чемъ обнаруживается дальше дѣятельность нашего сердца или способности испытывать пріятныя или непріятныя чувствованія. „Какъ сковываетъ (душу) страхъ, развязываетъ отважность, стѣсняетъ печаль, расширяетъ удовольствіе, снѣдаетъ зависть, надмеваетъ гордость, облегчаетъ надежда? Какъ гнѣвъ приводитъ въ ярость и стыдъ въ краску, первый заставляя кровь кипѣть, а другой отливаться?“²⁾.

При существованіи въ душѣ такихъ способностей и ихъ разнообразныхъ проявленій естественно рѣшить и тотъ весьма важный вопросъ, не теряетъ ли душа единства своего существа при разнообразіи способностей и въ какомъ взаимоотношеніи находятся эти способности? „Какъ одно и то же двигаетъ и движется, будучи управляемо волею и гдѣ прекращеніе движенія? Какое раздѣленіе чувствъ и какъ чрезъ нихъ умъ бесѣдуетъ со внѣшними и принимаетъ въ себя внѣшнее?“... „Какое преимущество разума? Какъ онъ управляетъ страстями и укрощаетъ ихъ движенія?“³⁾.

Такъ какъ душа живетъ и дѣйствуетъ всегда въ неразрывной связи съ тѣлеснымъ организмомъ, а также во взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ, то далѣе является необходимость установить ея отношенія какъ къ собственному тѣлесному организму, такъ и къ внѣшнему міру. Въ противномъ случаѣ весьма легко внести въ область изученія душевной жизни нѣчто чуждое и ей не принадлежащее. По этому поводу Григорій Нисскій даетъ въ руководство слѣдующее указаніе: „познай тщательно себя самого, кто ты; разбери въ умѣ своемъ, что подлинно ты, и что вокругъ тебя зримое, дабы, видя *свое внѣшнее*, ты не подумалъ, что созерцаешь себя самого. Учись у Великаго Павла, который точно и вѣрно постигалъ человѣческую природу и который потому говорилъ, что въ насъ есть

¹⁾ Ibid, 158. Св. 39—40.

²⁾ Ibid. 158.

³⁾ Ibid. III 158.

два человѣка,—одинъ внѣшній, а другой внутренній (2 Кор. 4. 16). Мы должны обратить свое умозрѣніе на то, что въ насъ есть невидимаго, должны вѣрить, что *подлинное мы—и именно то въ насъ, что убѣгаетъ отъ познанія чувствъ*¹⁾. Такъ же разсуждали и другіе святые отцы, убѣждая съ особенною осторожностью относиться къ вопросу о взаимномъ отношеніи души къ тѣлу и внѣшнему міру. Съ особенною отчетливостью выражаетъ эту мысль св. Василій Великій. „Внемли себѣ, говоритъ онъ, то есть, внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себѣ; ибо иное—мы сами; иное—принадлежащее вамъ, а иное—что около насъ. Душа и умъ—это мы, поколику сотворены по образу Создавшаго; тѣло и приобрѣтаемая посредствомъ его ощущенія—это наше; около же насъ имущества, искусства и прочія удобства жизни“²⁾.

Но въ рѣшеніи общаго вопроса о взаимномъ отношеніи души и тѣла есть много разныхъ особенностей, которыя также должны найти себѣ надлежащее рѣшеніе и прежде всего вопросъ объ органахъ внѣшнихъ чувствъ: „о звукахъ и слухѣ“, „о зрѣніи, которое неизъяснимымъ образомъ сообщается съ видимыми предметами... и уподобляется мысли, потому что съ одинаковою быстротою зрѣніе и мысль сводится съ предметомъ зрѣнія“³⁾. „Какъ ты описанъ мѣстомъ, а умъ не отдѣляется, но пребывая въ томъ же мѣстѣ, все обходитъ? Какъ глазъ малъ и достигаетъ до самыхъ дальнихъ разстояній? Или лучше сказать: зрѣніе есть ли приѣмникъ видимаго или поступленіе къ невидимому“⁴⁾. Много еще можно любомудрствовать... о прочихъ чувствахъ, которыя служатъ какими то несозерцаемыми для ума приѣмниками внѣшняго“...⁵⁾ Такое дѣйствованіе духовной сущности чрезъ посредство тѣлесныхъ органовъ заключаетъ много таинственнаго и загадочнаго, надъ чѣмъ пытливый умъ долженъ останавливаться. „Какъ безплотное удерживается кровью и дыханіемъ? Почему при оску-

1) Св. Григ. Нис. О жизни буд. Воскр. Чт. 1844. стр. 92. у Кашм. 35.

2) Бесѣд. на сл. „внемли себѣ“. Тв. св. отц. VIII, 34.

3) Св. Григ. Бог. т. III стр. 39.

4) Ibid. 157, 158.

5) Ibid. 39.

дѣиіи послѣднихъ отходитъ душа? Какъ посредствомъ души питается тѣло, и какъ душа чрезъ тѣло принимаетъ участіе въ страстяхъ? Какъ признаки страстей отпечатываются въ тѣлѣ ¹⁾).

Есть, наконецъ, и еще особый рядъ душевныхъ состояній, зависящихъ отъ связи души съ тѣломъ и ихъ взаимодействія, и о нихъ должна также разсуждать наука о душѣ: „объ успокоеніи во время сна, о сонныхъ видѣніяхъ, и вообще о всемъ, что населяетъ этотъ малый міръ—человѣка намъ должно любомудрствовать“ ²⁾), дабы полно и всесторонне обнять столь важный предметъ нашего познанія.

Послѣ этого не трудно будетъ видѣть, что человѣкъ въ силу особенной своей природы, имѣетъ особое, отличное отъ всѣхъ прочихъ тварей, назначеніе, а посему неизбѣженъ и послѣдній вопросъ о цѣли и назначеніи его, вопросъ о томъ, „куда тебѣ стремиться... и гдѣ тебѣ остановиться; дѣйствительно ли то жизнь, какою теперь живешь, или есть и другая кромѣ ея“ ³⁾)?

Вотъ вопросы, которые ставили св. отцы церкви въ своихъ разсужденіяхъ о душѣ человѣческой и которыми опредѣляется у нихъ область и предметъ ея изслѣдованія.

Но указанная область изслѣдованія о душѣ, по ученію святыхъ отцевъ, въ смыслѣ глубины и широты ея познаній имѣетъ свои границы. Наши познанія, какъ плодъ ограниченаго ума человѣческаго, не могутъ быть безусловными; есть предѣлы, за которыми нашъ разумъ теряетъ свой авторитетъ и гдѣ его должно замѣнить чувство вѣры, утверждающей на довѣріи къ слову Божію. Такъ, самое существо души человѣческой для насъ недоступно, отношеніе ея къ тѣлу также составляетъ для насъ тайну недоступную ⁴⁾). Во всѣхъ другихъ вопросахъ, касающихся этого предмета, также есть стороны, не подлежащія нашему разуму. Здѣсь изслѣдователь долженъ съ осторожностью проходить мимо непостижимаго, таинственнаго и загадочнаго въ природѣ души, не усиливаясь обнять то, чего не въ силахъ постичь разумъ человѣческой. Приступая къ изслѣдованію во-

¹⁾ Ibid. 158.

²⁾ Ibid. 39, 40.

³⁾ Ibid., 40.

⁴⁾ Св. Іоан. Злат. Рус. пер. 1895. I. кн. 2. стр. 528, 529.

проса о душѣ, святые отцы внапередъ знали, „какая тайна естества“ ¹⁾ и не касались ея своимъ разсудкомъ. Мы можемъ судить о природѣ вашей души, ея свойствахъ и способностяхъ, но что такое душа сама въ себѣ, что она представляетъ собою по самому существу своему, все это составляетъ область для нашего разума недоступную. „Мы нисколько не знаемъ сущности нашей души“ ²⁾, ибо „никто никогда не видѣлъ ея самой въ себѣ, безъ тѣла“ ³⁾, со всею рѣшительностью замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ. „Даже и того нельзя сказать, какъ она находится въ нашемъ тѣлѣ“ ⁴⁾.

Образъ соединенія души съ тѣломъ, какъ различныхъ по природѣ предметовъ, и, по словамъ Григорія Нисскаго, составляетъ достояніе вѣры ⁵⁾, вслѣдствіе чего пытливые умы при изученіи души человѣческой должны полагать себѣ опредѣленный предѣлъ. Всегда слѣдуетъ помнить, что въ этой области намъ доступно лишь „то, что душа существуетъ въ нашемъ тѣлѣ, а какъ она существуетъ, этого мы не знаемъ“ ⁶⁾. Предъ этими вопросами останавливался въ недоумѣніи даже такой глубокомысленный богословъ, какъ бл. Августинъ, который со всею смѣлостью разрѣшалъ многія догматическія трудности. Какъ прямой и правдивый изслѣдователь, онъ долженъ былъ сознаться, что не можетъ дать надлежащаго рѣшенія тому, *какъ* происходитъ душа ⁷⁾.

Главнымъ препятствіемъ, такъ сказать, застилающимъ отъ насъ природу чистаго духа, является то, что познаніе души совершается черезъ посредство духовно-тѣлеснаго существа: грубая плоть, подобно туману, не позволяетъ рассмотреть тонкихъ движеній духа и всѣ проявленія душевной жизни, исходя изъ посредствующаго источника, теряютъ свою первоначальную ясность и интенсивность. Ставя на разрѣшеніе вопросъ о

¹⁾ Св. Григ. Бог. III, 157.

²⁾ Св. Іоан. Злат. Прот. Аном. V. т. I. ч. 2. стр. 328.

³⁾ Къ Ѳед. Падшему, т. I. кн. 1. стр. 22.

⁴⁾ Противъ Аном. V, т. I, V. 2, стр. 528.

⁵⁾ Св. Григ. Нис. г. XX, вв. 3, стр. 39.

⁶⁾ Противъ Аном. V, т. I, кн. II, стр. 529.

⁷⁾ De gen. ad. litt. x. 16, n. 29. См. Антр. Гр. Нис. А. Март.

томъ. „какова то будетъ вѣчная жизнь святыхъ, которой не видѣлъ глазъ и не слышало ухо и которая не всходила на сердце человѣку“, бл. Августинъ въ дружелюбной бесѣдѣ со своею матерью приходитъ къ тому заключенію, что полное познаніе этого состоянія возможно лишь тогда, когда бы въ душѣ умолкло возстаніе плоти ¹⁾. Понимая невозможность постиженія сущности душевной жизни и несовершенство нашихъ познаній о душѣ, св. Іоаннъ Златоустъ замѣчаетъ: „Если бы возможно было увидѣть красоту души тѣлесными очами, ты бы посмѣялся надъ всѣми этими примѣрами тѣль, такъ слабо они представляютъ намъ благолѣпіе души“ ²⁾.

Изъ представленнаго обзора предметовъ святоотеческаго ученія о душевной жизни ясно открываются три стороны науки о душѣ повимаемсѣ въ смыслѣ систематическаго изученія сего предмета, а именно: а) основа и послѣдняя причина самого бытія душевныхъ явленій и связи ихъ съ тѣлеснымъ организмомъ, сообщающая душѣ характеръ самостоятельной субстанціи; б) основныя силы и способности душевной жизни, непосредственно обнаруживающіяся въ своемъ бытіи, взаимной зависимости и соотношеніяхъ, и в) неразрывно связанные съ ними фізіологическіе процессы и измѣненія въ тѣлесномъ организмѣ, поскольку они доступны внѣшнему наблюденію и опыту. Всѣ эти стороны душевной жизни, какъ одинаково важныя, разсматриваются отцами церкви съ большею или меньшею подробностью. Но съ особенною полнотою изслѣдуются послѣднія двѣ стороны, какъ имѣющія непосредственное отношеніе къ нравоученію.

Отмѣченныя нами три стороны въ наукѣ о душѣ указываютъ намъ и тотъ естественный порядокъ расположенія матеріала, котораго мы будемъ держаться въ своемъ разсужденіи, вслѣдствіе чего святоотеческое ученіе о душѣ само собою распадается на три части.

Содержаніемъ первой части послужитъ разрѣшеніе вопроса о свойствахъ бытія души человѣческой, или частиѣе: 1) о дѣйствительномъ (субстанціальномъ) бытіи ея; 2) о единствѣ душев-

¹⁾ Апологетика Лютарда 897.

²⁾ Іоан. Злат. къ Θεод. Падш. т. I, ч. I, стр. 23.

наго начала при разнообразіи душевныхъ силъ; 3) о невещественности души; 4) о происхоженіи ея и 5) безсмертіи.

Содержаніе второй составитъ рѣшеніе вопроса о свойствахъ жизни и дѣятельности души, или частіе: 1) о силѣ или способности разума; 2) о способности чувства; 3) о свободѣ воли, а въ связи съ ними и о всѣхъ другихъ разнообразныхъ обнаруженіяхъ, составляющихъ жизнь нашей души.

Наконецъ, содержаніемъ третьей части послужитъ рѣшеніе вопроса о взаимномъ отношеніи души и тѣла, куда между прочимъ войдутъ: 1) состоянія нормальныя, стояція въ связи съ индивидуальностью, возрастомъ, поломъ и проч., и 2) состоянія нормальныя, зависяція отъ случайныхъ причинъ.

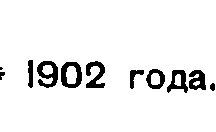
В. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Августа № 15. 1902 года.

Содержаніе. Правительственное распоряженіе о доведеніи до конца дѣла о прославленіи въ Бозѣ почившаго старца Серафима Саровскаго.—Высочайшія награды.—Благословеніе Святѣйшаго Синода.—Отъ Министра Финансовъ.—Отчетъ Харьковского Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ о состояніи раскола и сектантства въ епархіи и дѣятельности епархіальной миссіи за 1901 годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Правительственное распоряженіе.

Въ православномъ русскомъ народѣ съ глубокимъ благоговѣніемъ чтится память скончавшагося 2-го января 1833 года подвижника Саровской пустыни іеромонаха Серафима. Къ мѣсту иноческихъ подвиговъ его и вѣчнаго упокоенія непрестанно во множествѣ стекаются изъ разныхъ мѣстъ Россіи богомольцы, прося представительства и молитвъ его предъ Господомъ и, по вѣрѣ своей, получая или исцѣленіе отъ болѣзней, или чудесную помощь въ нуждахъ житейскихъ. Болѣе ста случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца Серафима внесено уже, по бывшимъ съ 1895 года предписаніямъ Святѣйшаго Синода, въ особыя ведущіяся при Саровской обители записи. Вѣру народную въ святость старца Серафима и его предстательство предъ Богомъ за притекающихъ къ нему съ молитвою раздѣляетъ и Вѣнценосный Вождь русскаго народа Благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай Александровичъ. Нынѣ, въ день рожденія старца Серафима 19-го іюля, Его Величеству благоугодно было вспомнать и молятвенные подвиги почившаго и всенародное къ памяти его усердіе, и выразить желаніе, дабы доведено было до конца начатое уже въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца. Святѣйшій Синодъ призналъ нынѣ благовременнымъ приступить къ потребнымъ для сего распоряженіямъ, каковыя употреблялись прежде сего въ подобныхъ случаяхъ.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволяя, 20-го іюля текущаго года, на сопричисленіе, за 50-лѣтнюю службу въ ордену *св. Анны 3-й степени*: священника Архангело-Михайловской церкви с. Шубина, Зміевского уѣзда, Каллистрата *Власовскаго* и діаконовъ церквей: слободы Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Іоанна *Царевскаго* и слободы Стрѣльцовки, того же уѣзда, Дмитрія *Лядскаго*.

Благословеніе Святѣйшаго Синода.

Благословеніе Святѣйшаго Синода безъ грамоты преподается заштатному псаломщику г. Зміева Алексѣю *Тимовееву*.

Отъ Министерства Финансовъ.

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что: Высочайше утвержденнымъ, въ 19 день декабря 1901 года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужныхъ) образца 1866 года

до 1 января 1903 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1902 года включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами.

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1902 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлорубицевому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетѣ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.) посрединѣ билетъ.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ

Государственнымъ гербомъ посрединѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бвл. — синею краскою.

10 " " — красною "

25 " " — лиловою "

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственного Банка и въ Казначействахъ.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Управление, по распоряженію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, имѣетъ честь объявить по духовному вѣдомству.

Отчетъ Харьковскаго Епархіального Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ—о состояніи раскола и сектантства въ Епархіи и дѣятельности епархіальной миссіи за 1902 годъ.

(Продолженіе *).

Сектантство. Сектантство въ епархіи существовало въ отчетномъ году, по прежнему, въ слѣдующихъ видахъ: а) штунда, б) толстовщина и в) хлыстовство или шалопутство.

А. Штунда по слѣд своего развитія и проникновенія въ народную массу является наиболѣе злымъ и опаснымъ врагомъ Православія. Ею заражены многіе приходы въ уѣздахъ: Харьковскомъ, во главѣ съ самимъ г. Харьковомъ, Богодуховскомъ, Валковскомъ, Волчанскомъ, Изюмскомъ и Купянскомъ.

Въ г. *Харьковѣ* штундовая община имѣетъ хорошую организацію: во главѣ ея находятся извѣстные пропагандисты—Сазоновъ, Леоновъ, Погорѣловъ и др.; ими устраиваются частыя собранія въ различныхъ мѣстахъ города и пригородовъ (Ивановки, Основы) и ведется усиленная пропаганда, преимущественно на окраинахъ среди рабочаго люда. Харьковская штундовая община ведетъ постоянныя сношенія съ общинами другихъ мѣстъ епархіи. Распространяется штунда въ г. Харьковѣ преимущественно среди приплагаго его населенія, неимѣющаго здѣсь, болышею частью, постоянной осѣдлости, а кочующаго изъ одной квартиры въ другую, изъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 14.

прихода въ приходъ; при такомъ условіи знать штундистовъ и услѣдить за ними для приходскихъ священниковъ очень затруднительно, почему точной статистики штунды въ Харьковѣ не имѣется; такъ, въ отчетномъ году приходскимъ священникамъ извѣстно было 120 штундистовъ, по мнѣнію же г. епархіального миссіонера количество ихъ простиралось до 400 чел.

Въ Харьковскомъ уѣздѣ штунда существуетъ въ слѣдующихъ селахъ:—2-го благочинническаго округа—а) въ Ольшанѣ, гдѣ сектантовъ—5 человекъ, и нѣсколько подозрѣваемыхъ. Изъ жизни мѣстныхъ сектантовъ за отчетный годъ извѣстенъ такой фактъ: штундистъ кр. Романенко вступилъ въ брачное сожитіе по сектантскому обряду съ штундисткою крестьянкою сл. Новаго Мерчика, Валковскаго уѣзда, и родившійся отъ этого сожитія ребенокъ остается не крещенымъ;—б) Въ с. Пересѣчномъ—21 штундистъ (13 м. и 8 жен.). Въ средѣ сектантовъ замѣчается менѣе возбужденное и тревожное настроеніе; не замѣчается прежнихъ дерзкихъ отношеній къ приходскому священнику и православнымъ односельчанамъ. Есть не крещенныя дѣтв. в) Въ с. Синолицовкѣ явныхъ сектантовъ—2 чел., но есть сочувствующіе штундовому лжеученію. Штунда проникла сюда въ отчетномъ году, и занесена штундистомъ крестьяниномъ сл. Новаго-Мерчика, Валк. у., Стефаномъ Коневымъ, фанатичнымъ пропагандистомъ штунды.

Въ 4 благочинническомъ округѣ—г) Въ с. Русскихъ-Тишкахъ—1 штун. кр. Фотій Колесниковъ, упорный въ своемъ заблужденіи и открыто пропагандирующий свою ересь, но, благодареніе Богу, успѣха не имѣетъ; въ отношеніи къ приходскому священнику проявляетъ особенную грубость и дерзость. Уклонился (въ 1900 г.) онъ въ штунду, по его словамъ, потому, что Православная Церковь не есть общество святыхъ, а состоитъ изъ пьяницъ, воровъ, блудниковъ и т. п., что она сама есть блудница (Апок. XVII, 1), а что онъ, Колесниковъ, теперь ведетъ (будто бы) святую жизнь и тѣмъ надѣется получить спасеніе. д) Въ с. Веселомъ появился одинъ человекъ съ сектантскимъ образомъ мыслей.

Въ Богодуховскомъ уѣздѣ штундисты имѣются въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ 1-мъ благочин. округѣ а) въ хуторѣ Залугѣ, Богодуховскаго Соборно-Успенскаго прихода. Сектантовъ здѣсь—7 человекъ об. пола (4 м. и 3 ж.). Они до фанатизма преданы своему лжеученію, но, благодаря неослабному наблюденію за ними приходскаго священника и содѣйствію ему въ этомъ мѣстной полиціи,

они воздерживаются отъ пропаганды среди своихъ односельчанъ и не устраиваютъ у себя собраній; съ сектантами же другихъ мѣстъ Богодуховскаго уѣзда (с. Хрущевой Никитовки, Мурафы, Малыжина) они имѣютъ сношенія и бываютъ тамъ на собраніяхъ. Со сланный въ Закавказье за пропаганду крестьянинъ х. Залугъ Самсонъ Особа ведетъ переписку съ мѣстными единомышленниками и проситъ ихъ „не оставлять братій безъ утѣшеній, наставленій, такъ какъ жатва еще многая, и не оставлять собраній“. Но дѣти сектантовъ обучаются въ школѣ грамоты, существующей въ х. Залугѣ, посѣщаютъ храмъ и ежегодно говѣютъ. Въ домахъ сектантовъ, за исключеніемъ дома жены упомянутаго Особы, находятся иконы. б) Въ Покровскомъ приходѣ г. Богодухова штундистовъ 6 чел. об. п.; нѣкоторые изъ нихъ (Гусевъ, Кравченко) пользуются вліяніемъ въ средѣ штундистовъ ближайшихъ къ городу мѣстъ; устраиваютъ у себя собранія и ведутъ пропаганду (за что олень изъ нихъ находится подъ судомъ). Въ отношеніи къ священнику держатъ себя заносчиво и не желаютъ съ нимъ бесѣдовать. в) Въ приходѣ с. Лѣсковки, въ хут. Зарябинкѣ, штундистовъ 10 чел. Они находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сектантами г. Богодухова (Покров. прих.) и отъ нихъ получаютъ по дешевымъ цѣнамъ книги и брошюры, преимущественно Пашковскаго направленія. На мѣстное населеніе сектанты не имѣютъ вліянія, в новыхъ совращеній въ штунду въ отчетномъ году не было; напротивъ, одинъ изъ нихъ возвратился въ Церковь, возмущенный недобрыми отношеніями, существующими между членами въ семьяхъ сектантовъ. г) Въ приходѣ с. Малыжина, въ хут. Мерло, штундистовъ 25 чел. об. пола, изъ нихъ 4 чел. обратились въ отчетномъ году. Вожаками штунды здѣсь являются: мѣстный кр. Ілія Буркуиъ, неграмотный, и кр. с. Сѣноваго Михаиля Пвляпенко. Штунды привлекаютъ въ свою секту православныхъ мимо трезвою и лицемѣрно порядочною жизнью, а главное матеріальнымъ вспомошествованіемъ вновь поступающимъ, и безнаказанностью за свою преступную дѣятельность: содѣйствія въ дѣлѣ борьбы со штундою приходскій священникъ не встрѣчаетъ со стороны полиціи. Такъ какъ мѣстная штунда развилась на почвѣ хлыстовства, то молитвенныя собранія имѣютъ характеръ хлыстовскихъ радѣній; это видно изъ того, что на свои собранія сектанты приглашаютъ молодыхъ дѣвицъ и парней, и собранія эти посѣщаются хлыстами изъ с. Павъ-Ивановки, Харьк. уѣзда и др. мѣстъ.

Во 2-мъ благочинническомъ округѣ штундою заражены слѣдующіе приходы—а) Успенскій, Николаевскій и Михайловскій г. Краснокутска; здѣсь всѣхъ штундистовъ—20 м. и 19 ж.; б) Николаевскій и Михайловскій приходы сл. Мурафы, здѣсь—36 м. и 31 ж.; в) въ приходѣ с. Хрущевой Никитовки—90 м. и 70 ж.; г) с. Качаловки—63 м. и 65 ж.; д) с. Городного—32 м. и 33 ж.; е) с. Козѣвки—48 м. и 45 ж.; ж) с. Шаровки—3 м. и 4 ж.; з) с. Рублевки—11 м. и 9 ж.; и) с. Филенкова—1 м. и 1 ж.; і) с. Мирнаго—6 м. и 3 ж.; к) с. Александровки—4 м. и 3 ж., и л) с. Константиновки—7 м. и 4 ж. Итого—321 м. и 287 ж., а всѣхъ—608 чел. Штунда въ округѣ сильно развивается, проникая въ новые приходы, и озлобленно дѣйствуетъ противъ Православія. Въ отчетномъ году число штундистовъ въ округѣ увеличилось на 152 чел., считая въ этомъ числѣ 14 дѣтей родившихся у штундистовъ и остающихся безъ крещенія. Умершіе штундисты (5) погребались безъ церковнаго отпѣванія.

Но, благодареніе Богу, хотящему всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истины прійти (1 Тим. 2, 4). 14 штундистовъ с. Качаловки сознали свое заблужденіе и воссоединились съ Церковію.

Въ Валковскомъ уездѣ штундой заражены слѣдующіе приходы—въ 1-мъ благочин. округѣ: а) Соборно-Преображенскій, б) Георгіевскій, в) Богородице-Рождественскій, г) Успенскій и д) Благовѣщенскій города Валокъ; здѣсь штундистовъ—33 м. и 24 жев.; е) Кантакузовскій приходъ—25 м. и 27 ж.; ж) Снѣжковскій—78 м. и 62 ж.; з) Дороеевскій—7 м. и 11 ж., в) Каменниковскій—2 м. и 4 ж.; і) Высокопольскій—60 м. и 39 ж.; к) Коломакскій (Никол.)—3 м. и 2 ж.; л) Сидоренковскій—33 м. и 22 ж.; м) Ковеговскій—40 м. и 30 ж. и н) Ново-Мерчанскій—14 м. и 10 ж. Итого въ округѣ—295 м. и 231 ж., а всѣхъ—526 чел. Штунда и здѣсь сильно развивается и внутренно крѣпнеть, и этому способствуютъ два обстоятельства: 1) матеріальная взаимопомощь, существующая между членами штундовой общины и въ особенности помощь и покровительство богатыхъ главарей штунды—О—а, Р—а, Б—а и 2) свобода, съ какою дѣйствуютъ фанатичные пропагандисты—Дацко, Макаренко, Баранъ и многіе заѣзжіе изъ другихъ мѣстъ.—Насколько первое обстоятельство могло способствовать развитію штунды въ округѣ, можно видѣть изъ дѣйствій вышеуказанныхъ лицъ. Р—въ, напр., состоя въ должности управляющаго однимъ громаднымъ имѣніемъ, отдавалъ своимъ еденомышленникамъ въ аренду

помѣщичью землю предпочитательно предъ православными, надѣлялъ ихъ лѣсомъ, ссужалъ деньгами и всячески старался улучшить ихъ матеріальное положеніе. О—къ, Валковскій богачъ, пользуясь бѣдностью нѣкоторыхъ хуторянъ, является къ нимъ въ шкурѣ благодѣтеля, вербуетъ ихъ за высшее, сравнительно съ другими плательщиками, вознагражденіе въ свои эконومی, гдѣ многочисленный штатъ прикащиковъ, надсмотрщиковъ и проч. состоятъ преимущественно изъ штундистовъ. Какъ покровительствуетъ О—къ штундистамъ видно изъ слѣдующаго примѣра: въ отчетномъ году имъ былъ нанятъ въ качествѣ лѣспичаго штундистъ со всѣмъ семействомъ на условіяхъ: квартира, отопленіе и столъ (харчи) хозяйскіе, право распашки нѣсколькихъ десятинъ земли и хорошее жалованье, съ задаткомъ въ 60 рублей. Это ли не соблазнъ для бѣднаго крестьянина?!... Духовно-нравственная независимость отъ православныхъ пастырей и свобода отъ участія въ матеріальномъ содержаніи духовенства также являются одною изъ првлекательныхъ сторонъ штунды.

Молитвенныя собранія, служація средствомъ объединенія штундистовъ и пронаганды лжеученія, устраивались штундистами свободно. Да в какого стѣсненія имъ можно ожидать, когда во многихъ мѣстахъ среди сельскихъ властей встрѣчаются лица, если не явные штундисты, то сочувствующіе имъ. Такъ, на примѣръ, въ х. Анновкѣ, Сидоренковскаго прихода, сельскимъ старостой состоялъ явный штундистъ; онъ, бывало, соберетъ народъ на сходъ для рѣшенія общественныхъ вопросовъ и начнетъ ему читать евангеліе и толковать по разуму штунды. Гражданское начальство не принимало никакихъ мѣръ къ прегражденію штундовыихъ собраній. По словесному заявленію становаго пристава 2-го стана Валковскаго уѣзда, имъ неоднократно составлялись протоколы о собраніяхъ штундистовъ и препровождались земскому начальнику, но тотъ не давалъ протоколамъ движенія, оставлялъ ихъ безъ послѣдствій. Сами штундисты хвалятся— „начальники къ намъ добры и милостивы“. Народъ сознаетъ нужду во вышней власти, которая бы удерживала его отъ увлеченій лжеученіемъ. Обратившійся въ Православіе Высокопольскій бр. Николай Гіенко высказался такъ: „какъ бы былъ хотя какой припонъ (препятствіе) отъ нальчства, а то они (штундисты) замудрились очень, а воля и завела въ неволю“.

Относительно внутренней организаціи Валковской штунды мало извѣстно. Замѣтнымъ вліяніемъ въ средѣ штундистовъ въ послѣд-

нее время сталъ пользоваться крестьянинъ сл. Снѣжкова-Кута Иванъ Дацко. Онъ совратился въ штунду еще въ 1895 году и съ того времени находился въ отлучкѣ: былъ онъ на Кавказѣ, въ Екатеринославѣ и др. городахъ, затѣмъ долго жилъ въ г. Харьковѣ, по Борзому пер. въ д. № 3, гдѣ устраивалъ штундовыя собранія, за что и былъ высланъ полиціей на мѣсто постоянного своего жительства, въ сл. Снѣжковъ Куть. Здѣсь онъ скоро сталъ во главѣ штундовой общины и началъ устраивать молитвенныя собранія, на которыхъ совершалъ „преломленіе хлѣба“. Последнее обстоятельство даетъ основаніе думать, что Дацко—штундовый пресвитеръ. На собранія къ нему стекаются штундисты и изъ другихъ мѣстъ: Валокъ, Высокополя, Кантакузова. Нѣкоторыя штундовыя общины въ округѣ были посѣщаемы вожаками со стороны: Погорѣловымъ изъ Харькова, Ивановымъ изъ Херсона, нѣкимъ армяниномъ Іаковомъ Деляковымъ, извѣстнымъ у штундистовъ подъ именемъ Лазаря, и эти посѣщенія имѣли вліяніе на укрѣпленіе штунды. Впрочемъ, Деляковъ—Лазарь своими бесѣдами произвелъ смущеніе въ средѣ штундистовъ. Онъ высказывалъ относительно нѣкоторыхъ пунктовъ штундоваго лжеученія особое мнѣніе. Такъ, онъ порицалъ крайность отрицательнаго взгляда на иконы, храмы. Кланяться иконамъ, говорилъ онъ, грѣшно, но еще грѣшнѣе выбрасывать ихъ, потому что иконы не идолы, а только изображенія, необходимыя намъ для памяти; храмы православныя не капища, а мѣста, гдѣ читаютъ слово Божіе, и потому посѣщеніе ихъ не есть какой-либо проступокъ. Православная Церковь, по его мнѣнію, заблуждается, но и баптизмъ или штундизмъ тоже не совсѣмъ Христово общество, причемъ, совѣтовалъ братчикамъ называться не „баптистами“, а „христіанами“. Деляковъ пріобрѣлъ среди мѣстныхъ штундистовъ много сторонниковъ своего ученія.

Во 2-мъ благ. округѣ въ с. Огульцахъ и Одринкѣ есть по одному штундисту, перешедшихъ изъ хлыстовства.

Въ Волчанскомъ уездѣ штунда приняла окраску социальнаго ученія гр. Толстого, идеи котораго были распространены здѣсь Бодяцскимъ, и потому ее правильнѣе было бы назвать штундо-толстовщиною.

Въ 1-мъ благочин. округѣ штунда появилась только въ отчетномъ году; совратилось 4 чел. (3 м. и 1 ж.) въ хуторѣ Полномъ, прихода сл. Котовой. Совратителемъ ихъ былъ запасный

унтеръ-офицеръ, изъ крестьянъ сл. Старо-Салтова, Евѣимъ Калмыковъ, человѣкъ довольно развитой и начитанный; среди совращенныхъ онъ пользуется большимъ авторитетомъ. Особой силы штунда здѣсь еще не имѣетъ, такъ какъ послѣдователи ея люди безграмотные (одинъ изъ нихъ грамотный) и крайне ограниченные умственно; самъ же Калмыковъ въ х. Польное не является, въ виду враждебной настроенности къ нему мѣстныхъ жителей. Какъ видно изъ письма Калмыкова къ Польнянскимъ штундистамъ, совращеніе свхъ сопровождалось денежною помощью имъ, что и замѣтно: лица эти теперь живутъ нѣсколько богаче прежняго.

Во 2-мъ благоч. округѣ штундисты имѣются: а) въ Петро-Павловскомъ приходѣ сл. Печенѣгъ—1 штундистъ, кр. Рѣдка; онъ упорно держится лжеученія, но не пропагандируетъ его. б) Въ Преображенскомъ приходѣ той же слободы штундистовъ насчитывается—30 м. и 26 ж., въ томъ числѣ 12 малолѣтнихъ. Особеннымъ фанатизмомъ отличаются 4 штундиста, причемъ, подъ религіозною личною прикрывають свои чисто-соціальные мысли, доходящія до полнаго анархизма. Одинъ изъ нихъ, запасный солдатъ Балабай, открыто глумится надъ Православною вѣрою: „въ церковь ходить, говорить онъ, не слѣдуетъ, ибо тамъ заставляютъ молиться тѣмъ богамъ, что люди сами понадѣлывали; въ церкви одна ложь и обманъ; тѣ деньги, которыя тратятся на покупку свѣчей для пстукановъ, лучше повернуть на хозяйственные нужды в пр. Такія рѣчи фанатика штунды развращающимъ образомъ дѣйствуютъ на настроеніе умовъ особенно молодого поколѣнія.

в) Въ приходѣ с. Пятницкаго явныхъ штундистовъ—2 м. и 1 ж., но есть много колеблющихся, за которыхъ можно опасаться, что они, подъ вліяніемъ мѣстнаго злого фанатика и дерзкаго пропагандиста штунды кр. Головачева, совсѣмъ уклонятся въ секту. О наглости Головачева можно судить изъ того, что, онъ, напр. публично, среди крестьянъ, называлъ св. Николая „пьяницею-драчуномъ“, поносилъ иконы и св. угодниковъ. Въ день св. Николая въ храмѣ во время чтенія Евангелія онъ громко дѣлалъ свои замѣчанія: „истинный пастырь душу свою полагаетъ за овцы, а ты обираешь ихъ, какой же ты пастырь?“, чѣмъ пропзвелъ большой соблазнъ среди молящихся. О пропагандѣ Головачева и его кощунствѣ было сообщено судебнымъ властямъ. Остается пожелать, чтобы такъ или иначе былъ положенъ конецъ дерзкимъ выходкамъ безумнаго сектанта.

г) Въ сл. Большой-Бабьѣ штундистовъ числится 37 чел. (23 м. и 14 ж.), съ малолѣтними (11); есть некрещенныя дѣти (у кр. Мухина—дочь 7 л. и сынъ 6 л.). Большинство сектантовъ еще не совсѣмъ порвали связь съ Церковію; такъ—родившіяся у нихъ въ отчетномъ году дѣти всѣ были крещены и даже приносимы были ко причащенію; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ своихъ домахъ и иконы и крестятся, не ходятъ только въ храмъ; въ нѣкоторыхъ семьяхъ старшіе члены (отецъ, мужъ) сектанты не оказывали давленія на младшихъ въ сторону штунды. Но есть сектанты (особенно изъ совратившихся въ первое время появленія штунды въ приходѣ) упорно преданные своему лжеученію; напр., упомянутый Мухинъ, Гриценко, выдавшій въ семь годъ свою дочь замужъ за штундиста г. Купянска безъ совершенія таинства брака; супруги Сосницкіе умерли, не оставивши лжеученія, и были похоронены своими единомышленниками. Въ нравственномъ отношеніи сектанты стоятъ не выше православныхъ односельчанъ; пьянствуютъ, ругаются, обманываютъ, не почитаютъ старшихъ. Внѣшняя жизнь сектантовъ, свободная отъ исполненія требованій устава церковнаго—относительно пищи, молитвы дома и въ храмѣ, участія въ содержаніи духовенства и проч.—производитъ большой соблазнъ и оказываетъ пагубное вліяніе на православное населеніе: въ немъ замѣчается все большее и большее охлажденіе ко храму и обрядовой сторонѣ Православія.—д) Въ с. Василенковомъ штундистовъ 13 чел. (7 м. и 6 ж.), изъ нихъ четверо совратились въ отчетномъ году. Сектанты живутъ замкнуто и собесѣдованій со священникомъ избѣгаютъ. е) Въ сл. Хотомлѣ (въ обояхъ приходахъ) штундистовъ 14 чел. об. п. По заявленію приходскихъ священниковъ, главною приманкою къ совращенію въ штунду являются матеріальныя выгоды въ настоящемъ (интеллигентные вожаки сектантства даютъ своимъ единомышленникамъ лучшія мѣста при заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и т. п.) и обѣщанія, со стороны вожаковъ, великихъ благъ въ будущемъ, въ видѣ всеобщаго братства и равенства въ имущественномъ отношеніи. Священники убѣждены, что изъ всѣхъ сектантовъ сл. Хотомли нѣтъ ни одного, который бы совратился въ штунду, увлекшись религіозною стороною ея лжеученія. ж) Въ сл. Юрченковой штундистовъ 3 чел.—одно семейство совратилось въ штунду, соблазнившись матеріальною помощью сектантовъ х. Гремячаго, Больше-Бабчанскаго прихода.

Штундисты с. Велякаго выселились въ сл. Моначиновку, Куп. у.,

на заарендованную ими тамъ землю, и теперь въ семь приходѣ сектантовъ нѣтъ и броженіе въ средѣ населенія улеглось.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Протоіерей Соборно-Успенской церкви города Богодухова *Василій Добро-славскій* и священникъ Покровской церкви города Богодухова *Алексій Станиславскій* 15 іюля с. г. перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— На праздное священническое мѣсто при Благовѣщенской церкви, г. Богуславскаго, Изюмскаго у., перемѣщенъ, по резолюціи Его Высокопреосвященства, священникъ слоб. Араповки, Купянскаго уѣзда, *Федоръ Приходьковъ*.

— На праздное священническое мѣсто при Покровской церкви, села Рѣдкодуба, Изюмскаго уѣзда, перемѣщенъ, по прошенію, священникъ Свято-Духовской церкви, с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда, *Василій Сукачевъ*.

— Діаконъ Покровской церкви, слоб. Рѣдкодуба, Изюмскаго у., *Іаковъ Киктевъ* перемѣщенъ на праздное діаконское мѣсто при Покровской церкви, с. Пассековки, Волчанскаго уѣзда.

— Учитель Литовской, Ахтырскаго уѣзда, церковно-приходской школы Николай *Стеллецкій* рукоположенъ въ санъ діакона Николаевской церкви села Мартыновки, Лебединскаго уѣзда, 29 іюня 1902 года.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Троицкой ц. с. Гусаровки, Изюмскаго у., опредѣленъ заштат. псаломщикъ Павелъ *Поповъ*.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Трехсвятительской церкви гор. Лебедина крест. *Игнатій Чиринецъ*; Успенской церкви г. Лебедина мѣщ. *Антоній Долженко*; при церкви Сумскаго кадетскаго корпуса Павелъ *Харитоненко*.

Вакантныя псаломщицкія мѣста:

1. Крестовоздвиженской ц. сл. Гончаровки, Купянск. уѣз.
2. Іоанно-Богословской ц. сл. Токарей, Сумскаго уѣз.
3. Покровской ц. сл. Гринцева, Лебедин. уѣз.
4. Успенской ц. с. Сороковки, Зміевск. уѣз.

5. Троицкой ц. сл. Мпроповки, Харьк. уѣз.
6. Николаевской ц. с. Гіевки, Харьк. уѣз.
7. Троицкой ц. сл. Бѣловодска, Староб. уѣз.
8. Преображенской ц. сл. Ивановки, Волчан. уѣз.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Окончаніе занятій на временныхъ курсахъ при Харьковской Духовной Семинаріи для учителей второклассныхъ школъ.—Наши дѣти.—Золотыя слова Монарха о воспитаніи дѣтей.—Духовное торжество въ Твери.—Способы для отысканія утренняго рядоваго воскреснаго Евангелія и гласа для данной недѣли.—Христіанскія заповѣди Талмуда.—Союзъ законоучителей въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Средства отъ бессонницы.—Некрологъ.

3 августа окончены занятія на временныхъ педагогическихъ курсахъ, открытыхъ при Харьковской Духовной Семинаріи для учителей второклассныхъ школъ. Занятія на курсахъ продолжались почти полтора мѣсяца и отъ начала до конца велись съ неослабѣваемою энергіею, несмотря на естественное утомленіе лекторовъ и курсистовъ, приступившихъ къ нелегкой работѣ непосредственно послѣ окончанія учебнаго года и притомъ въ самое жаркое время года. Изъ отчета о курсахъ который будетъ въ свое время напечатанъ въ Листкѣ, читатели наши будутъ имѣть возможность увидѣть, какъ обдуманно была намѣчена программа для занятій на курсахъ, какъ цѣлесообразно были распредѣлены самыя занятія курсистовъ ихъ руководителемъ—инспекторомъ курсовъ и какъ блистательно выполнены они были лекторами. О послѣднемъ лучше всего свидѣтельствуетъ то чувство благодарности, которое выразили курсисты своимъ лекторамъ при разставаніи съ ними и особенно съ тѣми изъ нихъ, которые въ Харьковѣ были какъ бы гостями; разумѣемъ здѣсь С.-Петербургскихъ лекторовъ, г.г. Пузыревскаго, Полянскаго и Ковальскаго. Всѣмъ имъ курсисты поднесли по альбому со своими карточками, а гг. Полянскому и Ковальскому еще и адреса. Вотъ что между прочимъ курсисты высказали въ своемъ адресѣ г. Ковальскому.

„Побуждаемые чувствомъ жгѣйшей признательности, которое Вы, многоуважаемый Яковъ Ивановичъ, вызвали въ насъ своими душевными, сердечными рѣчами и рѣдкой простотою обращенія, — выражаемъ Вамъ нашу искреннюю благодарность за все то хорошее, что мы получили отъ Васъ въ короткое время

нашего взаимнаго общенія. Вашъ воодушевленный призывъ къ точному знанію, къ труду и аккуратности, простота и сердечность обращенія, искреннее стремленіе передать эти качества своимъ слушателямъ, не могли не сказаться въ той или иной степени въ каждомъ изъ насъ. Ваши лекціи посему будутъ служить для насъ постояннымъ напомнаніемъ того живого общенія, какое было между нами и какое мало кому изъ насъ доводилось испытывать въ своей школьной жизни. Сознавая всю слабость выраженной Вамъ своей благодарности, просимъ тѣмъ не менѣе принять этотъ скромный вещественный памятникъ, какъ доказательство нашихъ чувствъ любви и уваженія и той теплой памяти, какую Вы оставляете въ нашихъ сердцахъ. Сохраните, Глубокоуважаемый Яковъ Ивановичъ, хорошую память и о насъ, Вашихъ слушателяхъ, которымъ Вы своей воодушевленной рѣчью напомнили о нашемъ высокоомъ и отвѣтственномъ служеніи и внушали столько ревности къ скромной дѣятельности учителя“.

— 4 августа, въ день закрытія курсовъ, преосвященнѣйшій Стефанъ, епископъ Сумскій, отслужилъ божественную литургію въ Семинарской церкви въ присутствіи курсистовъ, при чемъ сказалъ слово, имѣющее прямое отношеніе къ нимъ. Слово это помѣщено въ настоящей книжкѣ журнала. Послѣ обѣдни Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ было совершено въ сослуженіи значительной части городского духовенства благодарственное молебствіе Господу Богу. Послѣ молебна о ректорѣ, инспекторѣ курсовъ, въ актовомъ залѣ въ присутствіи его Преосвященства лекторовъ, курсистовъ, городского духовенства и другихъ любителей духовнаго просвѣщенія, почтившихъ своимъ присутствіемъ послѣднее собраніе курсистовъ, прочелъ весьма интересный отчетъ о курсахъ и обратился къ курсистамъ съ напутственнымъ словомъ, а лекторъ г. Ковальскій демонстрировалъ нѣкоторые сдѣланные самими курсистами физическіе приборы, а потомъ показалъ и тѣ изъ нихъ, которые будутъ разосланы во второклассныя школы всѣмъ учителямъ-курсистамъ, слушавшимъ въ Харьковѣ лекціи по физикѣ. Актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна.

— *Наши дѣти.* Никогда такъ усердно и много не говорили и не писали о дѣтяхъ, какъ въ наше время. Вопросы о лучшей постановкѣ воспитанія, о реформахъ всѣхъ учебныхъ заведеній—низшихъ, среднихъ и высшихъ—завяты всѣ сферы общества, правящія и не правящія, отцы и матери, представители земскаго

и городского управленія, всё почти газеты и журналы. Никогда такъ не носились съ дѣтьми, какъ въ наше время. Никогда и родители не были такими рабами своихъ дѣтей, какъ сейчасъ; никогда публицисты и общество такъ не ухаживали за учащеюся молодежью, какъ въ наши дни.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на нынѣшнихъ интеллигентныхъ и полунинтеллигентныхъ родителей, въ какой они рабской зависимости у своихъ дѣтей; еще грудныя и слабыя, дѣти приковываютъ къ себѣ отца и мать, часто лишая ихъ всякой свободы и низводя ихъ въ роль нянѣк и дядьки. Поднявшіяся мало-мальски на ноги до школьнаго возраста, они всячески ублажаются со стороны своихъ родителей игрушками, сладостями, костюмчиками, елками и разнообразными развлеченіями, и настолько пресыщаются всѣмъ этимъ баловствомъ, что уже ни сколько не цѣнятъ никакихъ, даже самыхъ дорогихъ, игрушекъ и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на дорого для родителей стоящія развлеченія, елки и т. п. Поступивши въ школу, дѣти служатъ предметомъ постоянныхъ аховъ и вздоховъ родителей, по поводу будто непосильной трудности для нихъ программъ, неодолимости классическихкихъ и иныхъ затрудненій и по поводу мнимой придирчивости учителей и начальства, и въ то же время постоянно требуютъ указокъ старшихъ во время приготовленія уроковъ и—обязательныхъ репетиторовъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ они удручаютъ родителей своимъ крайне раннимъ развитіемъ, своими quasi передовыми идеями, укоряютъ отца и мать за отсталость понятій и за несочувствіе ихъ вольнолюбивымъ стремленіемъ и немилосердно бьютъ по тощимъ родительскимъ карманамъ, переходя съ факультета на факультетъ въ поискахъ науки по вкусу и не будучи въ состояніи никакъ окончить хоть одинъ факультетъ.

Посмотрите, дальше, на нашу прессу, какъ она, въ большинствѣ своемъ, всячески старается угодить нашимъ дѣтямъ: кричатъ о всевозможномъ облегченіи учащихся, о необходимости для нихъ разныхъ улучшеній въ учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ, о всевозможныхъ льготахъ о совершенномъ обновленіи педагогическаго персонала и программъ въ цѣляхъ единственно облегченія дѣтей, полагая, что дѣти переутомляются отъ труда; какъ она при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ хвалитъ и оправдываетъ нашу учащуюся молодежь, хотя бы она проявляла себя и не совсѣмъ корректнымъ поведеніемъ. Мы не говоримъ о такъ называемыхъ

массовыхъ движеніяхъ этой молодежи, но когда она и просто скандалитъ отъ полноты юношескихъ силъ, бездѣлья и маловоспитанности, и тогда ее не только не принято укорить за это, но часто чуть не хвалятъ. И, Боже упася, если бы кто осмѣлился сказать въ обществѣ или печати что-нибудь въ осужденіе разныхъ скопныхъ движеній этой молодежи,—онъ ренегатъ, обскурантъ; его грязью закидаютъ не только эта самая молодежь, но даже и отцы ея, которые, къ слову сказать, хотя часто во многомъ и не сочувствуютъ своимъ многоумнымъ дѣтямъ, но боятся открыто выразить имъ это свое несочувствіе и не смѣютъ ни въ обществѣ, ни даже другъ предъ другомъ сознаться въ этомъ несочувствіи.

Посмотрите, наконецъ, на школу: учителя и начальство, опасаясь нареканій со стороны родителей въ придирчивости, а со стороны печатныхъ защитниковъ дѣтей въ отсталости отъ вѣяніи времени, всячески мирволятъ учащимся: начальство избѣгаетъ строгихъ взысканій и твердыхъ мѣръ и нерѣдко въ нѣкоторыхъ своихъ предствителяхъ заискиваетъ у нихъ; учителя очень часто боятся оскорбить великовозрастнаго лѣвтя единичей и двойкой. Въмѣсто строгаго требованія отъ учащихся твердо знать уроки, имъ даже въ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ наши дни въ классѣ читаютъ лекціи и всячески стараются не только вложить въ ротъ задаваемые работы, но даже разжевать за нихъ, чтобы дома дѣти не обременялись подготовкою уроковъ.

Даже на сценахъ театровъ осмѣиваются школы, начальство и учителя въ угоду ученикамъ („Педагоги“).

Общая мысль, проникающая всѣ подобныя отношенія къ дѣтямъ въ ваше время, та, что-де на вашей сторонѣ, дѣтушки, всѣ права, на нашей же сторонѣ т. е. на сторонѣ вашихъ родителей, наставниковъ, общества и государства лишь обязанности по отношенію къ вамъ. Вы имѣете власть все требовать, пользоваться всякими льготами и жить,—какъ вамъ пріятнѣе, а мы будемъ служить вамъ и утѣшаться вами.

И дѣти наши прекрасно поняли свое положеніе. Они всячески стараются уклоняться отъ какихъ бы то ни было обязанностей и всѣ стремятся къ какому-то особымъ правамъ и льготамъ.

Маленькія они не отходя виснутъ на отцѣ и матери, и не давая имъ для себя сдѣлать ни шагу: ни заняться дома своимъ дѣломъ, ни отлучиться отъ нихъ на сторону, ни свободно поѣсть, ни свободно отдохнуть. За уроками они не хотятъ ни подумать хоро-

шенько, ни запомнить, ни посидѣть подольше за самостоятельнымъ разъясненіемъ на первый разъ непонятнаго, а все требуютъ, чтобы имъ было дано готовое, чтобы не обременяли ихъ памяти и чтобы учили ихъ лишь между играми, въ смыслѣ только развлеченія.

Въ школѣ они хотятъ, чтобы за нихъ учили уроки, рѣшали задачи и писали сочиненія репетиторы, чтобы учителя клали имъ все въ ротъ уже разжеванное, чтобы уроками не стягощали, чтобы занятыхъ вечернихъ часовъ имъ не назначали. Однимъ словомъ, переводили бы ихъ изъ класса въ классъ лишь за то, что они умѣютъ кататься на конькахъ, на велосипедѣ, танцовать и заниматься съ барышнями (и т. п.), и въ заключеніе выдали бы имъ аттестатъ объ окончаніи полнаго курса средне-учебнаго заведенія. На школьное начальство, на учителей они смотрятъ, какъ на людей рутинны, отсталыхъ чиновниковъ, самое существованіе которыхъ есть только вопросъ времени, а потому на требованія ихъ часто смотрятъ, какъ на досадныя и несправедливыя придарки.

А въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ среди студентовъ въ наши дни только и живетъ одно сознаніе своихъ правъ и отнюдь никакихъ ограниченій и обязанностей. Какъ только современный юноша облекся въ студенческую форму, онъ сразу возмнилъ себя уже побѣдившимъ всѣ науки, онъ третируетъ свысока не только своихъ профессоровъ (яркая иллюстрація—случай въ нашемъ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ), но и самую науку и, считая занятія ею дѣломъ для себя излишнимъ и несовременнымъ, предпочитаетъ большую часть учебнаго времени пребывать внѣ стѣнъ университета и даже часто внѣ университетскаго города. Онъ или рѣшаетъ общественные и государственные вопросы и предъявляетъ во всѣмъ и всему свои претензіи и запросы, или живетъ такъ называемою общественною жизнью: играетъ въ карты, пьетъ, танцуетъ, ухаживаетъ за женщинами, предается всякаго рода спортамъ, а иногда просто состоитъ на какомъ-нибудь частномъ заработкѣ. Заниматься прямымъ своимъ дѣломъ,—учиться,—некогда, онъ и на экзамены-то является только изъ-за диплома и зачастую не стыдится униженно выпрашивать себѣ удовлетворительную отмѣтку *Christi gratia* ¹⁾.

¹⁾ Да не подумаетъ кто, что, говоря такъ о нашихъ дѣтяхъ, мы не допускаемъ хорошихъ исключеній, помилуй Богъ: есть и не мало трудящейся молодежи и сознающей свой долгъ, но доминирующій тонъ—увы!—не отрадный, все же большинство нашей молодежи именно такъ себя ведетъ, какъ обрисовано нами, и это такъ всѣмъ и каждому бросается въ глаза, что едва ли можно опаривать.

Что же, нормально ли такое положеніе дѣла? Откуда нѣтъ. Оно не только глубоко ненормально, но крайне печально и обѣщаетъ намъ мало хорошаго въ будущемъ.

Намъ на Руси нужно просвѣщеніе и знанія, а наши дѣти, при такомъ ихъ отношеніи къ своему прямому дѣлу, выйдутъ въ большинствѣ лишь дипломированными невѣждами и недоучками. Намъ нужны на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной жизни усердные работники, а наши дѣти заниматься дѣломъ, исполнять строго свои обязанности находятъ для себя непривычнымъ ярмомъ и ненавистнымъ стѣсненіемъ свободы. Какой врачъ, инженеръ, юристъ, богословъ—выйдетъ изъ студента, который въ стѣнахъ своего учебнаго заведенія на лекціяхъ въ теченіе академическаго года бывалъ лишь въ качествѣ рѣдкаго гостя. Какой исполнитель своихъ обязанностей явится въ лицѣ человѣка, который съ малолѣтства не сознавалъ для себя писанными какія-либо обязанности. Всякое положеніе въ государствѣ, въ обществѣ, на чиновничьей службѣ налагаетъ на человѣка, занимающаго его, свои обязанности, но будутъ ли ясно сознавать ихъ и добросовѣстно относиться къ нимъ наши дѣти, привыкшія искать всегда и вездѣ лишь своихъ правъ и всякихъ для себя льготъ. Если и доселѣ было на Руси въ большинствѣ случаевъ такъ, что всякаго рода великіе и малые начальники полагали, что за ними числятся лишь одни права, а обязанности за подчиненными, то до чего же дойдетъ это сознаніе своихъ правъ у разнаго рода начальниковъ и нашихъ дѣтелей въ недалекомъ будущемъ?!

Итакъ, что же? Молчать объ этой ненормальности, гладить по головкѣ нашихъ дѣтокъ, идти вслѣдъ за модными публицистами и потатчиками молодежи? Или же нѣтъ? А если не молчать, кому же говорить противъ этого? Кому надлежитъ открыть глаза обществу на глубокую ненормальность въ постановкѣ воспитанія дѣтей въ наше время,—на неправильныя отношенія къ разнаго рода претензіямъ нашей учащейся молодежи? Ждать этого слова отъ свѣтскихъ глашатаевъ мало надежды: тамъ подобныя рѣчи считаются признакомъ человѣка отсталаго, обскуранта. Оттуда страшно кому-либо взяться за это дѣло.

Единственная надежда въ этомъ дѣлѣ и единственно кому пристало говорить объ этой ненормальности,—нашимъ духовнымъ наставникамъ—пастырямъ Церкви. Имъ нечего бояться клички ренегатовъ и обскурантовъ: духовенство давно обязано этой клич-

кой и не иначе представляется въ сознаниі свѣтскаго общества, какъ отсталымъ отъ вѣяній времени. Но такъ какъ авторитетъ пастырскій все же еще не потерянь на Руси, все же еще есть многіе, слушающіе слова своихъ пастырей, то имъ-то, — пастырямъ, — и надо не замедлить воздѣйствовать чрезъ послушныхъ своихъ овецъ на наше общество, поспѣшить поставить на видъ своимъ пасомымъ неправильную постановку современнаго дѣтскаго воспитанія и вообще ненормальность отношенія въ наше время къ дѣтямъ, призвать отцовъ и матерей учащейся молодежи къ строго-христіанскому отношенію къ своимъ дѣтямъ. Внушите же имъ, отцы и братія, требовать отъ дѣтей строгаго исполненія своихъ обязанностей, постояннаго труда и усердія къ дѣлу. Но при этомъ покажите цѣлесообразность иного лучшаго воспитанія и иного отношенія къ дѣтямъ на живомъ примѣрѣ, — на вашихъ собственныхъ дѣтиахъ. Напомните, прежде всего, и вашимъ роднымъ дѣтямъ, что всегда, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной дѣятельности дѣти духовенства до сего времени были образцами добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, примѣрами усердія и усидчивости, никогда они не рвались добиваться мнимыхъ правъ и заявлять какія-либо незаконныя и неосновательныя претензіи, но всегда строго проникались сознаниемъ лежащихъ на нихъ обязанностей. Постарайтесь внушить вашимъ дѣтямъ, чтобы они и теперь, въ наше мятущееся время, не уклонялись отъ своего прямого назначенія и не проникались стремленіями къ пріобрѣтенію какихъ то особыхъ правъ и вольностей. Такое внушеніе нашимъ дѣтямъ весьма благо-временно. Къ великому сожалѣнію и въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ послѣднее время начали замѣчаться нежелательныя явленія: наши духовные воспитанники нерѣдко всячески отлыниваютъ отъ дѣла, начинаютъ скептически поглядывать на свои богословскія науки и тоже требуютъ отъ своихъ учителей и начальства поблажекъ. Пусть же эти печальныя явленія духовнаго разслабленія останутся единичными, и дѣти наши не отвыкаютъ отъ труда и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Пусть они, сидя на спинахъ или на шеѣ своихъ родителей и проживая ихъ трудовыя гроши, думаютъ лучше не объ уклоненіи отъ труда въ школѣ, а о томъ, чтобы науками подготовить себя хорошенько къ самостоятельной жизни, къ служенію обществу, Церкви и государству, къ борьбѣ во всеоруженіи знанія и созрѣвшей мысли за добро и правду.

Имѣя живою урокъ обществу въ своихъ дѣтихъ, духовенство наше съ большимъ правомъ, въ качествѣ руководителей, потребуетъ и отъ общества иного отношенія къ его дѣтямъ, иного, чѣмъ оно сейчасъ есть. Привычка къ труду, къ наслію надъ свободолюбивой волей нужна человѣку не только въ жизни и на службѣ, но даже и въ дѣлѣ вѣры.

Обыкновенно думаютъ, что для того, чтобы быть настоящимъ христіаномъ, достаточно убѣдиться въ бытіи Бога и Христа Его, а то забываютъ, что лѣнивый и избалованный сынъ, и не имѣя возможности отрицать бытіе строгаго отца, все же часто не исполняетъ его воли; такъ и эмансипировавшійся отъ всякихъ обязанностей, чуждый труду, человѣкъ не найдетъ въ себѣ силы и умѣнья, какъ слѣдуетъ помолиться Богу. Слѣдовательно, и призывая своихъ пасомыхъ къ нравственному совершенству и къ христіанской жизни, нужно начать съ призыва родителей къ рациональному христіанскому воспитанію дѣтей, къ приученію дѣтей къ дѣлу, строгому исполненію своихъ обязанностей. Вѣдь дѣти—это залогъ нашего будущаго, это надежда и носители судьбы нашего отечества и государства... «Извл. изъ Смол. Еп. В.»

— Съ высоты царскаго престола недавно раздалось вразумительное слово о томъ, какова должна быть средняя и высшая школа. Разумѣемъ здѣсь Высочайшій рескриптъ на имя управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Г. Э. Зенгера. Въ этомъ рескриптѣ Государь Императоръ призвалъ нужнымъ преподать начальствующимъ, учащимъ и учащимся нѣкоторыя руководительныя указанія. „Прежде всего, сказано въ рескриптѣ, подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школахъ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи приучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходятъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволие и самомнѣніе.

Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, не подготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Я считаю необходимою разработку вопроса о лучшемъ матеріальномъ обеспеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу.

Относительно устройства школы Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ, и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа.

Что касается университетовъ, то послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру ввѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣнія, борьбы и увлеченія, молодежь выравнѣе съать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей опыта, стойкости убѣжденій и сознанія заввсимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія. Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго года въ самостоятельномъ сознаніи долга своего вернулось къ учебнымъ занятіямъ и къ порядку. Я хочу вѣрвать, что послѣ лѣтняго отдыха в успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внемлетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣрнопопданными подъ сѣнь труда и законности. Безвоядкамъ, позорящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время справедливо гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ отечеству и Миѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо ввѣреннаго Миѣ Богомъ народа, положенъ конецъ“.

„Моск. Вѣд.“ справедливо называютъ слова этого рескрипта золотыми словами, въ которыхъ вылилась вся любовь Родительскаго сердца русскому юношеству, вся вдумечвая забота его о благѣ ввѣреннаго ему Богомъ народа.

Истинно-русскіе люди воспрянуть духомъ при этихъ Царскихъ словахъ, приносящихъ имъ благую вѣсть о томъ, что кончилась година тяжкаго испытанія для русской школы, и что для нея отнынѣ наступаетъ новая, свѣтлая эпоха *„религіозно-нравственнаго воспитанія въ духѣ вѣры, преданности престолу и оте-*

честву и уваженія къ семьѣ". Вотъ истинно-русская программа съ точки зрѣнія національнаго воспитанія; вотъ истинно-разумная программа и съ точки зрѣнія серіозной педагогика. Русское юношество должно получать религіозно-нравственное воспитаніе не только потому, что это воспитаніе, олухотворяя все школьное образованіе, одно лишь способно развивать въ немъ здоровое національное чувство; но и потому, что другого воспитанія, кромѣ религіозно-нравственнаго, быть не можетъ; ибо всякое иное „воспитаніе“, не проникнутое всецѣло религіознымъ элементомъ, есть не воспитаніе, а развращеніе юношества.

Знаменательными являются и слова Высочайшаго рескрипта на имя управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ которыхъ Царю благоугодно было дать указаніе, что въ школахъ юношество должно *„пріучаться къ порядку и дисциплинѣ“*, въ ней должно развиваться *„чувство долга“*, а не чувство *„пагубныхъ для каждаго дѣла своеволия и самооптнія“*.

Эта основная педагогическая аксіома. И что же? Какъ показываетъ недавнее прошлое и въ высшей, а нерѣдко въ средней школахъ мало обращали вниманія на эту элементарную истину и наша учащаяся молодежь, забывъ о чувствѣ долга, предавалась необузданному своеволю и дерзкому самооптнію! И вотъ теперь, въ стыду и учащихъ, и учащихся, приходится выслушивать съ высоты престола напоминанія о необходимости религіозно-нравственнаго воспитанія, о школьной дисциплинѣ и о чувствѣ долга, то есть о тѣхъ педагогическихъ истинахъ, которыя должны были бы составлять всю основную сущность ихъ дѣятельности! Да сохранитъ Господь русскую школу на вѣки вѣковъ отъ повторенія такого небывалаго прискорбнаго недоразумѣнія!

Какъ сами юноши, такъ и родители и наставники ихъ не могутъ не внять Царскому голосу, въ виду той серіозной опасности, на которую указываютъ заключительныя слова Высочайшаго рескрипта:

Безпорядкамъ, позорящимъ науку и губящимъ столько дорогихъ отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо вѣрннаго Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ.

— Въ іюнь н. г. въ Твери было торжество облаченія въ новыя одежды в положенія въ новую раку мощей св. князя Михаила Тверскаго. Тверск. губернскія вѣд. сообщаютъ слѣдующія подробности о новой ракѣ и одеждѣ св. кн. Михаила.

Новая рака для мощей св. князя Михаила Тверскаго сооружена

по образцу гробницы Ярослава Мудраго, этой древнѣйшей сохранившейся у насъ великокняжеской гробницы византійскаго стиля. Нижняя часть этой гробницы была принята за тотъ ларецъ или раку, въ которыхъ вмѣютъ покоиться св. мощи, а верхняя, призматическая часть приподнятая на четырехъ колоннахъ и нѣсколько измѣненная, — образовала шатровую на четыре ската сѣнь. Орнаментація сооруженія заимствована изъ византійскихъ и древне-русскихъ храмовъ, преимущественно эпохи, близкой къ годамъ земной жизни благовѣрнаго князя. Такъ напримѣръ, четыре колонны изъ русскаго сѣро-зеленаго мрамора, поддерживающія сѣнь, увѣнчаны капителями византійскаго образца и опираются на базы съ „процвѣтшими крестами“, рисунокъ которыхъ заимствованъ съ Солунскихъ вратъ XII вѣка изъ Софійскаго собора въ Новгородѣ. Такъ какъ страданія и мученическая кончина благовѣрнаго князя совершились на Кавказѣ, то на стѣнахъ гробницы помѣщенъ орнаментъ, въ который вошли мотивы оклада Гелатскаго Евангелія и образа Спаса въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ и древнѣйшихъ православныхъ соборовъ на Кавказѣ. Вокругъ всей гробницы, на четырехъ ея боковыхъ стѣнкахъ, утверждены 12 круглыхъ древне-русскаго образца щитовъ, на которыхъ одно изъ древнѣйшихъ узорныхъ изображеній креста чередуется, черезъ одинъ, съ вензелевыми изображеніями именъ Государей Россійскихъ, особенно поревновавшихъ благолѣпію храма, въ которомъ почиваютъ св. мощи, а именно: на щитѣ, въ ногахъ гробницы помѣщенъ вензель царя Іоанна IV Васильевича Грознаго, въ царствованіе котораго соборнымъ опредѣленіемъ 1549 года, установлено повсемѣстное празднованіе памяти святаго; ближайшіе къ нему вензеля царей: Михаила Феодоровича, пожертвовавшаго средства на построеніе каменнаго кафедральнаго собора въ Твери, и Алексѣя Михайловича, въ царствованіе котораго совершилось переложеніе честныхъ мощей благовѣрнаго князя въ новую раку; въ головахъ гробницы — вензелевое изображеніе Высочайшаго Имени нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая Александровича и на ближайшихъ къ нему щитахъ вензеля Императрицы Елизаветы Петровны и Государя Наслѣдника Великаго Князя Михаила Александровича. Крыша раки устроена такъ, что можетъ открываться по желанію, вся, или только малая часть ея для того, чтобы можно было приложиться къ мощамъ. На верхней доскѣ крыши — живописное изображеніе св. благовѣрнаго вел. кн.

Михаила Ярославича, въ великокняжескихъ одеждахъ, во гробѣ лежащаго, подъ зеркальнымъ стекломъ. Внутри раки помѣщается кипарисовый гробъ, въ которомъ и повоится св. мощи; гробъ снаружи обложенъ бронзовыми золочеными листьями. Къ этому кипарисовому гробу имѣется особая, отдѣльно хранящая крыша, также кипарисовая, обложенная бронзовыми золочеными листьями. Основанія колоннъ, поддерживающихъ сѣнь, утверждены на особомъ помостѣ о 4-хъ ступеняхъ, а поперехъ сѣни положены шапка Мономаха и мечъ,—знаки великокняжескаго достоинства. По краямъ верхней доски раки, вокругъ образа, написанъ тропарь св. князю, по угламъ раки — 4 серафима; по верхнему и нижнему фризамъ вокругъ самой раки идетъ лѣтось о сооруженіи ея. Изъ этой надписи видно, что сооружена рака «усерднымъ приношеніемъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича, терскихъ сотенъ Собственнаго Его Величества конвоя, ^{1. 2.}_{43-го} тверскаго драгунскаго полка, благороднаго дворянства, вмѣстата купечества, гражданъ и крестьянъ Тверской губерніи, монастырскихъ и приходскихъ церквей епархіи, по подлиннику князя М. С. Путятина».

— Для облаченія мощей св. благовѣрнаго великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго были изготовлены новыя одежды по древнимъ иконописнымъ подлинникамъ, согласно съ изображеніемъ святаго на древнѣйшей его иконѣ, сохраняющейся въ ризницѣ тверскаго кафедральнаго собора и на основаніи историческихъ изслѣдованій о древнемъ чинѣ царскихъ и велико-княжескихъ одеждъ. Ко дню торжества переложенія мощей обществомъ тверскихъ хоругвеносцевъ сооружена хоругвь, сдѣланная по чертежамъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ князя М. С. Путятина на подобіе древнихъ великокняжескихъ стяговъ. Полотно этой хоругви, квадратное съ клинообразнымъ продолженіемъ,—шелковой матеріи зеленаго цвѣта съ красными полосами и золотымъ галуномъ вокругъ. Цвѣта эти соотвѣтствуютъ цвѣту одеждъ св. великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго по описанію ихъ въ иконописныхъ подлинникахъ. На одной сторонѣ хоругви—икона Спаса Нерукотвореннаго, тканая шелками по золоту, а вокругъ золотомъ написанъ тропарь; на другой сторонѣ—образъ архистратига Михаила (ангела св. благовѣрнаго Михаила Ярославича) и соотвѣтствующій тропарь. Въ клиновой части полотна хоругви по зеленому полю

начертана золотыми буквами надпись о сооруженіи ея. Въ соборѣ хоругвь будетъ находиться у раки со св. мощами, а во время крестныхъ ходовъ будетъ носима передъ нею. 23 го іюня состоялось освященіе этой хоругви-стяга.

— Въ Календарѣ для духовенства на 1898 годъ, составленномъ Ив. Добровольскимъ, указанъ слѣдующій способъ для отысканія утренняго рядового воскреснаго Евангелія, а равно и гласа для данной недѣли. Такъ какъ рядъ утреннихъ рядовыхъ евангелій начинается съ 1-й недѣли по пятидесятницѣ, т. е. съ недѣли Всѣхъ Святыхъ, рядъ же гласовъ начинается съ 2-й недѣли, то для отысканія утренняго воскреснаго рядового евангелія, а равно и гласа для данной недѣли нужно знать прежде всего, какая это недѣля по церковному счету и, для отысканія утренняго рядового воскреснаго евангелія, число (номеръ) недѣли—раздѣлить на 11 (столпъ утреннихъ воскресныхъ евангелій) и остатокъ покажетъ, какое евангеліе читать въ эту недѣлю. Напр., недѣля 23 я,—дѣлимъ 23 на 11, получаемъ въ остаткѣ 1, слѣд. евангеліе въ эту недѣлю 1-е. Если же число недѣли дѣлится безъ остатка на 11, то евангеліе будетъ 11-е; напр., для 22-й и 33-й недѣль евангеліе будетъ 11-е.

Для отысканія же гласа нужно изъ числа (номера) недѣли вычесть единицу и остатокъ раздѣлить на 8; получившійся остатокъ и укажетъ гласъ. Напр., нужно узнать гласъ для 23-й недѣли: вычитаемъ 1 изъ 23, получаемъ 22, дѣлимъ 22 на 8, получаемъ въ остаткѣ 6; слѣд. для 23-й недѣли будетъ 6-й гласъ. Если же и здѣсь остатка не будетъ, то гласъ будетъ 8-й, напр., недѣля 17-я: $17-1=16$, а 16 дѣлится на 8 безъ остатка, слѣд. для 17-й недѣли будетъ гласъ 8-й.

Полагая, что сей простой способъ для отысканія утреннихъ рядовыхъ воскресныхъ Евангелій и гласовъ будетъ не бесполезенъ для духовенства епархіи, особенно для молодыхъ, еще неопытныхъ въ церковномъ служеніи священниковъ и псаломщиковъ, сообщаю опыи.

Священникъ *Викторъ Нарциссовъ*.

— Д. Л. Мордовцевъ останавливается въ „Новостяхъ“ на „Христіанскихъ заповѣдяхъ Талмуда“. Вотъ что читаемъ мы въ статьѣ его подъ этимъ заголовкомъ: „Талмудъ и... христіанство!.. Какъ это несовмѣстимо,—подумаетъ предубѣжденный читатель. Но предъ нами книга съ изреченіями Талмуда, которыя обнаруживаютъ глубоко-христіанскія тенденціи, высказанныя мудрецами еврей-

скаго народа. Книга эта—„Живая мораль или Сокровищница талмудической этики“, составленная по первоисточникамъ О. Я. Гурвичемъ (раввинъ).

Г. Гурвичъ, издавая избранныя изъ талмудическія поученія, говоритъ, между прочимъ: „Вникая въ смыслъ этихъ поученій, нельзя благоговѣнно не преклониться предъ тѣми глубоко-человѣчными идеями и чувствами, которыя ихъ всегда вдохновляли и воодушевляли. Поэтому, врядъ ли ошибусь, если скажу, что пзъ этого, столь поруганнаго и осмѣяннаго Талмуда, многіе изъ современныхъ намъ людей, на какой культурной ступени ни стояли бы, еще долго могутъ черпать полезные для себя уроки и благонравія, и честности, и человѣколюбія“.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ поученій или заповѣдей Талмуда. „Величайшее правило въ Моисеевомъ Пятикнижій—это „Люби ближняго твоего, какъ самого себя“. Это говоритъ рабби Акиба, приблизительно, за 50 лѣтъ до разрушенія второго іерусалимскаго храма. Или далѣе:—„Попирающій право пновѣрца, какъ бы попираетъ право Всевышняго“. „Посрамляющій публично своего ближняго, долженъ считаться проливающимъ кровь“. „Лучше броситься въ раскаленную печь, чѣмъ публично оскорбить своего ближняго“. „Сдѣлалъ ли ты твоему ближнему зло, хотя бы и небольшое, считай таковое большимъ, а сдѣлалъ ты ему большое добро—считай его маловажнымъ; небольшое же добро, оказанное тебѣ другимъ, считай большимъ“.

А нижеслѣдующія изреченія почти вполне тождественны съ Евангельскими: „Нехорошо открыто давать милостыню. Лучше совсѣмъ не давать, чѣмъ открытой подачкой заставлять бѣдняка краснѣть“. Это то же, что „лѣвая рука не должна знать, что творитъ правая“.

— Мысль о необходимости объединенія пастырей церкви уже давно сознается священниками, очень часто обсуждается въ періодической печати со стороны практическаго своего осуществленія и уже осуществляется во многихъ мѣстахъ и въ разныхъ формахъ—въ видѣ пастырскихъ собраній, проповѣднческихъ и т. п. Новое осуществленіе этой же мысли проявилось въ видѣ союза законоучителей средне-учебныхъ заведеній Нижняго-Новгорода, исторія возникновенія и уставъ котораго помѣщены въ мѣстн. Епарх. Вѣдомостяхъ. Приводимъ этотъ уставъ въ цѣломъ его видѣ.

1. Цѣль союза законоучителей—сближеніе ихъ между собою для

взаимообмѣна мыслями по вопросамъ теоріи и практики законоучительскаго дѣла.

2. Членами союза по желанію состоятъ законоучители среднихъ учебныхъ заведеній г. Нижняго Новгорода, со включеніемъ Сергіевскаго духовнаго училища и городскихъ (кромя одноклассныхъ) училищъ по положенію 1872 г.

Примѣчаніе. Членами-сотрудниками могутъ быть всѣ лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ.

3. Члены союза закрытою подачею голосовъ избираютъ изъ своей среды на три года предсѣдателя, утверждаемаго въ семь знаній епархіальнымъ архіереемъ. Тѣмъ же порядкомъ избираются и утверждаются товарищъ предсѣдателя и секретарь.

4. Предсѣдателемъ, по усмотрѣнію его и по мѣрѣ надобности, назначаются собранія союза.

5. Каждый членъ союза выписываетъ на свое имя, по общему соглашенію на собраніи, одинъ изъ богословскихъ, философскихъ или педагогическихъ журналовъ, который и поступаетъ въ обращеніе между членами по особому росписанію.

6. Выписываемые каждымъ членомъ журналы, по окончаніи года, поступаютъ въ бібліотеку союза.

7. Каждый членъ союза о выдающихся статьяхъ выписываемаго имъ журнала дѣлаетъ сообщенія въ собраніяхъ союза.

8. Желаящіе даютъ сообщенія въ собраніяхъ о статьяхъ свѣтской періодической печати по вопросамъ религіи и законоученія.

9. Въ собраніяхъ даются желающими примѣрные уроки по преподаванію Закона Божія и допускается оцѣнка ихъ.

10. Въ собраніяхъ ведутся братскія бесѣды по вопросамъ, вызываемымъ законоучительскою практикой и теченіемъ современной жизни.

11. Предсѣдатель союза руководитъ порядкомъ разсужденій на собраніяхъ и назначаетъ очередь докладовъ по предварительнымъ заявленіямъ членовъ.

12. Сообщенія и бесѣды въ собраніяхъ кратко записываются секретаремъ въ особыя записки, а постановленія собраній журналами представляются на разсмотрѣніе и утвержденіе епархіальнаго архіерея.

13. На расходы члены союза дѣлаютъ взносы по взаимному соглашенію и передаютъ въ распоряженіе предсѣдателя, который припимаетъ и другія денежныя поступленія въ пользу союза и чрезъ секретаря ведетъ счетъ имъ въ особой записки.

14. По окончаніи академическаго года, секретаремъ составляется краткій отчетъ о дѣятельности союза законоучителей. Отчетный годъ совпадаетъ съ общимъ учебнымъ годомъ.

15. По указаніямъ опыта въ настоящемъ уставѣ могутъ быть дѣлаемы, съ надлежащаго разрѣшенія, измѣненія и дополненія.

Нельзя не пожелать усиѣха и процвѣтанія Нижегородскому законоучительскому союзу, а также и того, чтобы онъ нашелъ себѣ подражаніе и въ Харьковѣ, и въ другихъ городахъ обширнаго отечества нашего, особенно тѣхъ, которые извѣстны обиліемъ среднихъ учебныхъ заведеній.

«П. Е. В.»

— *Средства отъ бессонницы.* Изъ весьма многихъ болѣзней, которыми страдаютъ люди въ наше время, бессонница принадлежитъ безспорно къ числу тѣхъ, которыя весьма взурительны. Есть много другихъ болѣзней, которыя причиняютъ сильнѣйшія боли и страданія, но продолжительная бессонница обезсиливаетъ человѣка до того, что онъ дѣлается ввогда почти ни на что неспособнымъ. Проф. Штрюмпель рекомендуетъ настойчиво бороться съ бессонницей не наркотическими средствами: не морфіемъ, не хлораломъ. Онъ совѣтуетъ, прежде всего, попытаться вызвать сонъ общимъ леченіемъ или инымъ средствомъ. Такъ, иногда дѣйствуетъ успокоительно и снотворно теплая, полчасаовая ванна, принятая вечеромъ. Въ другихъ случаяхъ такое же дѣйствіе оказываетъ влажное обертываніе головы или затылка. Если эти средства остаются неэффективными, можно испытать и бромистый калий. Лучше всего въ такихъ случаяхъ принять большую дозу заразъ: четверть или полдрахмы бромистаго калия въ стаканѣ воды.

Баронъ Ф. Ф. въ «Моск. Вѣд.» рассказываетъ о слѣдующемъ способѣ которымъ онъ избавился отъ бессонницы. Меня, говоритъ Баронъ, доктора угощали бромомъ, дигиталисомъ, конваларіусомъ и разными другими, болѣе или менѣе вредными, средствами, съ хлораломъ включительно, но пользы все это не принесло ни малѣйшей. И долго промучился бы я еще, не встрѣтъ я одну добрую знакомую старушку, которая научила меня чрезвычайно простому и дешевому средству, но дѣйствіе котораго было поразительно. Она сдѣлала мнѣ маленькую холщевую подушку, набитую хмѣлемъ. Хмѣлю пошло на подушку четверть фунта, то есть на двадцать копѣекъ, а купить хмѣль можно въ любомъ лабазѣ. Въ первый же разъ, какъ я, послѣ двухмѣсячной бессонницы, легъ въ кровать, подложивъ эту ароматическую подушку подъ голову, я

заснулъ, проворочавшись не болѣе часа, и то больше отъ привычнаго страха, что я спать не буду; въ слѣдующіе раза я сталъ засыпать почти тотчасъ, а чрезъ недѣлю употребленіе подушки сдѣлалось уже лишнимъ. Тяжести въ головѣ отъ этого усыпляющаго запаха хмѣля я не ощущалъ никакой, а когда я еще прежде, не зная о подушкѣ, рассчитывая на усыпительное свойство хмѣля, пробовалъ выпивать пива передъ тѣмъ, чтобы ложиться въ постель, то дѣйствіе пива оказывалось прямо противоположнымъ: оно не усыпляло, а приводило въ возбужденное состояніе.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

5 іюня с. г., скончался, на 73 году жизни, протоіерей Архангело-Михайловской церкви сл. Верхняго-Бишкина, Зміевского уѣзда, и духовникъ 2-го Зміевского округа, Михаилъ Павловъ Котляровъ. Покойный былъ сынъ діакона сл. Береки, Зміевского уѣзда, обучался въ Харьковской духовной семинаріи, въ которой окончилъ курсъ со степенью студента въ 1851 году и въ семь же году 15 декабря Преосвященнымъ Филаретомъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, рукоположенъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви сл. Верхняго Бишкина, гдѣ и священствовалъ до самой своей смерти болѣе пятидесяти лѣтъ.—Служебная дѣятельность покойнаго не ограничивалась исполненіемъ лишь пастырскихъ обязанностей среди ввѣреннаго ему прихода. Кромѣ нелегкихъ обязанностей приходскаго пастыря, протоіерей Котляровъ несъ и другія разнообразныя обязанности, которыя разновременно были возлагаемы на него Епархіальнымъ Начальствомъ: такъ съ 1863—1873 годъ состоялъ уѣзднымъ миссіонеромъ по дѣламъ раскола; съ 1869—1872 годъ депутатомъ по слѣдственнымъ дѣламъ; съ 1873—1876 годъ помощникомъ благочиннаго, съ 1876—1891 годъ благочиннымъ и наконецъ съ 1898 года былъ назначенъ духовникомъ округа и оставался имъ до смерти. Кромѣ сего онъ много лѣтъ состоялъ законоучителемъ въ земскомъ и церковно-приходскомъ училищахъ, которыя были открыты въ приходѣ его стараніями. За свою долготѣльную усердную службу усопшій получалъ всѣ награды, какія даются сельскому духовенству, до сана протоіерея (въ 1896 г.) и 4 ст. ордена Св. Владимира (въ 1902 г.) включительно. Кромѣ сего, за труды по первой всеобщей народной переписи, почившій въ 1897 году былъ пожалованъ медалью, а въ 1901 г., съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, въ память полулѣтняго служенія въ священническомъ санѣ, отъ духовенства

округа былъ поднесенъ ему драгоцѣнный золотой наперсный крестъ.—Во всѣхъ положеніяхъ почившій отличался пастойчивостью въ трудѣ, добросовѣстностію при исполненіи своего долга и христіанскимъ смиреніемъ. Въ трудѣ и въ исполненіи своего долга почившій находилъ для себя чувства довольства и счастья, почему, не смотря на преклонные годы и старческія немощи, онъ продолжалъ нести обязанности и по приходу и по округу и только за мѣсяць до смерти слегъ въ постель и не поднимался уже съ одра болѣзни. Прослуживши на одномъ приходѣ всю свою жизнь, почившій, какъ истинный пастырь ввѣренному ему стаду, ни разу не высказывалъ желанія перейти на другой, болѣе лучшій приходъ, хотя имѣлъ къ тому полную возможность; за исправленіе требъ всегда довольствовался тѣмъ, что ему давали, почему между нимъ и прихожанами его всегда были самыя добрыя, сердечныя отношенія и никогда не было неудовольствій и недоразумѣній. За пастырскую, простоту въ обращеніи и доступность, за свой прямой и честный характеръ и за свое доброе сердце, почившій о. Михаилъ вполне заслуженно пользовался искреннею любовію и глубокимъ уваженіемъ прихода и всего духовенства округа, что трогательнымъ образомъ высказано было прихожанами и духовенствомъ какъ въ знаменательный день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея, 28 декабря 1901 года, такъ и въ день кончины его, которая у всѣхъ вызвала искреннее сожалѣніе. Заболѣвъ 3 мая плевритомъ, большой и сталъ готовиться къ смерти. Въ теченіе этого времени онъ сподобился таинства: елеосвященія, исповѣди и приобщенія Св. Таянъ. Полное сознаніе не оставляло больного до самой смерти. 6 іюня, въ 7 часовъ по полудни совершена была надъ почившимъ литія и за тѣмъ выносъ тѣла его въ приходскую церковь. По прибытіи гроба въ церковь, послѣ краткой литіи, совершенно было всепощное бдѣніе, а 7 іюня, въ 8 часовъ утра, началась литургія, которую совершали 8 священниковъ во главѣ съ мѣстнымъ благочиннымъ. Непосредственно послѣ литургіи началось отпѣваніе погребенія, въ которомъ участвовало 22 священника и 10 діаконовъ при большомъ стеченіи прихожанъ, пришедшихъ въ храмъ отдать послѣдній долгъ любимому пастырю, не смотря на то, что этотъ день былъ рабочій. Надъ гробомъ почившаго мѣстнымъ благочиннымъ было произнесено приличное случаю поученіе, а духовникомъ и другомъ почившаго, священникомъ Васиіемъ Степурскимъ задушевная прощальная рѣчь, растрогавшая всѣхъ до слезъ.

ПСАЛОМЩИКЪ,

онъ же регентъ и учитель и жена его учительница—ищутъ совмѣстной должности, или-же помѣняться съ кѣмъ мѣстами.

Адресъ: Стрѣльцовское почтовое отд. Харьковск. губ. въ слоб. Моисееву, Старобѣльскаго уѣзда, псаломщвку А. С. Цавленко.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ).

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

МАГАЗИНЪ ОБУВИ

М. ЧЕРНЫШЪ

Харьковъ, Екатеринославская, д. Замятина, № 2-й.

М. Г. сямъ имѣю честь увѣдомить Васъ, что мною открытъ магазинъ готовой обуви: мужской, дамской и дѣтской лучшихъ фабрикъ. При магазинѣ имѣется большой выборъ непромокаемыхъ накидокъ и дорожныхъ вещей. *Съ почитеніемъ М. Чернышъ.*

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первая десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Нахлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“, Т. Стоянова.—Многія статьи о Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штурдистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудисловъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. Н. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Саввевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intersomption, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи в Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ляницкаго. М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и совращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою последней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоанвъ **ЗНАМЕНСКІЙ**
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ **ИСТОМИНЪ**.